

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

МЕТРО 2033: БЕЗДНА

РОБЕРТ ШМИДТ
БЕЗДНА

FUTURE CORP.

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?

metro

НАШЕ МАКСИМ
МАХИМОВИЧЕВ
ЖУРНАЛ
РУССКИЙ РЕПОРТЕР

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

РОБЕРТ ШМИДТ

МЕТРО 2033: БЕЗДНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
Ш73

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*

Главный редактор проекта — *Вячеслав Бакулин*

Robert J. Szmidt

METRO 2033 UNIVERSE: OTCHŁAŃ

Перевод с польского *Сергея Легезы*

Иллюстрации — *Александр Куликов*

Оформление обложки — *Илья Яцкевич*

Карта — *Кишиштоф Кибарт, Леонид Добкач, Илья Волков*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Шмидт, Роберт.

Ш73 Метро 2033: Бездна : [фантастический роман] / Роберт Шмидт ; [пер. с пол. С. Легезы]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Вселенная Метро 2033).

ISBN 978-5-17-097288-3

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Имя, данное ему при рождении, он забыл. Имя, под которым он был известен когда-то, лучше не вспоминать. Ныне его знают как Учителя. В мире, где больше нет места любви, жалости, искренности — ничему человеческому, — он старается жить по-людски. Чтить справедливый кодекс анклава, воспитывать сына, заниматься с детьми в школе. Иногда приходят страшные воспоминания, но ненадолго. И все же наступает время, когда темное прошлое, которое он так хотел забыть и искупить, снова требует крови. И он бежит по грязным подземным тоннелям и зараженным улицам Вроцлава. Но разве от прошлого — убежишь?..

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

© Д.А. Глуховский, 2016

© R. J. Szmidt, 2016

© С. Легеза, перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-097288-3

MIRABILE FUTURUM

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Знаете, дорогие читатели, я, хоть и знатный ценитель традиции и в чем-то лютый ретроград, все-таки очень люблю знакомиться с новым. Во-первых, потому что хочу развиваться и совершенствоваться. Во-вторых, потому что довольно любопытен. В-третьих, потому что убежденный гедонист по натуре, а процесс познания, как давно уже установили ученые, является сильнейшим источником выработки в человеческом организме дофамина, одного из «гормонов удовольствия».

А еще больше я люблю видеть, слышать, воспринимать нечто привычное или знакомое — через чужую, непривычную призму. Призму чужого восприятия. Ну, к примеру, отведасть *pelmeni* или *borsch*, приготовленные каким-нибудь энтузиастом из американской глубинки, о России имеющем примерно такое же смешное и нелепое представление, как у жителя российской глубинки — об Америке. Или, скажем, посмотреть итальянскую экранизацию «Собачьего сердца» с великим Максом фон Сюдовым в роли профессора Преображенского. Или послушать памятную по пионерскому детству песню «Прекрасное далёко» на латыни, да еще в исполнении хора католического собора. Скажу сразу: мне может не понравиться. Я могу быть даже глубоко возмущен результатом. И все равно буду обеими руками приветствовать каждую новую попытку «их» попытаться сделать по-своему что-то «наше». И наоборот, соответственно. Разумеется, в том случае, когда целью не ставится пародия. Хотя и против пародий в целом тоже ничего не имею. Хоть и не Шарли ни разу.

Поэтому не странно, что я, как и вы все, наверное, всякий раз с повышенным интересом и энтузиазмом жду очередной книги, написанной в нашу «Вселенную» иностранным автором. Не считая ее, сразу оговорюсь, априори лучше, талантливее, увлекательнее, чем любой — даже дебютный — текст автора отечественного. Ведь талант, одаренность, мастерство — штука индивидуальная и никак не зависящая от нации или места проживания конкретного творца. Особенно если мы говорим об искусстве. Разумеется, писатель, скажем, из Франции и Французской Гвианы изначально поставлены в несколько неравные условия. Значит ли это, что любой француз априори талантливее любого гвианца? Не думаю.

Много ли среднестатистический российский читатель фантастики знает о фантастике польской? Не очень. С ходу он назовет, скорее всего, Станислава Лема и Анджея Сапковского (если мы имеем дело с молодым человеком, то, скорее всего, в обратной последовательности, а то автора «Соляриса» и вовсе позабудут; впрочем, представитель старшего поколения вполне может не знать и создателя «Ведьмака»), после чего глубоко задумается. Тем приятнее мне, не только как главреду «Вселенной Метро 2033», но и просто как издателю, познакомить вас всех с еще одним автором. Человеком, который захотел и смог сказать что-то новое о мире, который если не каждый, то уж многие из читателей нашей серии точно считают исконно своим. Русским.

Не спешите обвинять меня в отсутствии патриотизма, друзья, но я не считаю это утверждение верным. Да, «Метро 2033» написано на русском языке и о России (хотя и не только о ней. Прежде всего, как и любое произведение художественной литературы, — о людях). Да, то же самое можно сказать о подавляющем большинстве из более чем семи десятков книг проекта Дмитрия Глуховского. Но ведь Вселенная не может быть только русской. Только английской. Только немецкой. Как не может принадлежать одной нации музыка. Кино. Живопись. Спорт. Фантастика, наконец.

Русская фантастика? Отлично! У нее свои традиции, своя история, свои герои и вехи.

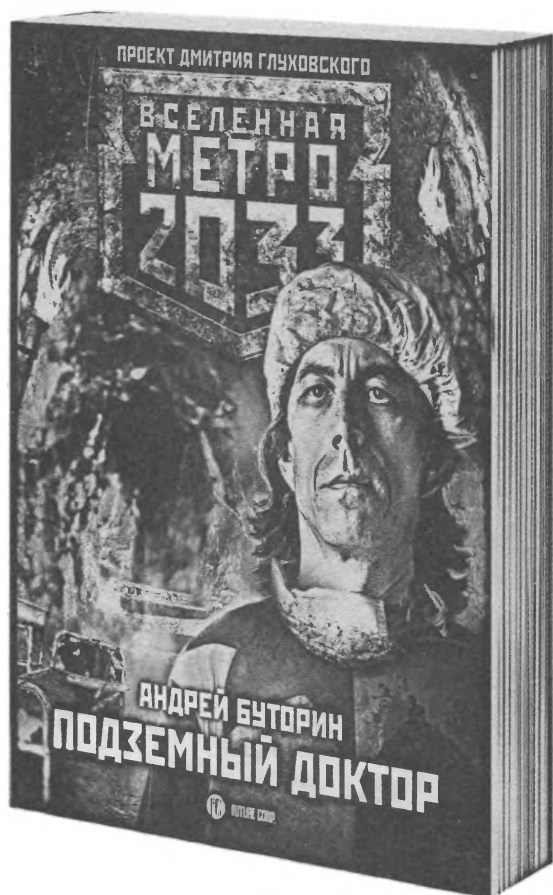
Так же, как и у любой другой. У польской, к примеру.

Можно ли сказать: «Я люблю русскую фантастику?» В принципе, можно. Но что вы под этим понимаете? Фантастику, написанную на русском языке? А как тогда быть, скажем, с украинцем, белорусом, прибалтом, пишущим на русском? Фантастику, написанную русским? Тоже не очень получается, ведь русские авторы способны писать — и пишут — на многих языках, помимо родного. И фантастику — в том числе.

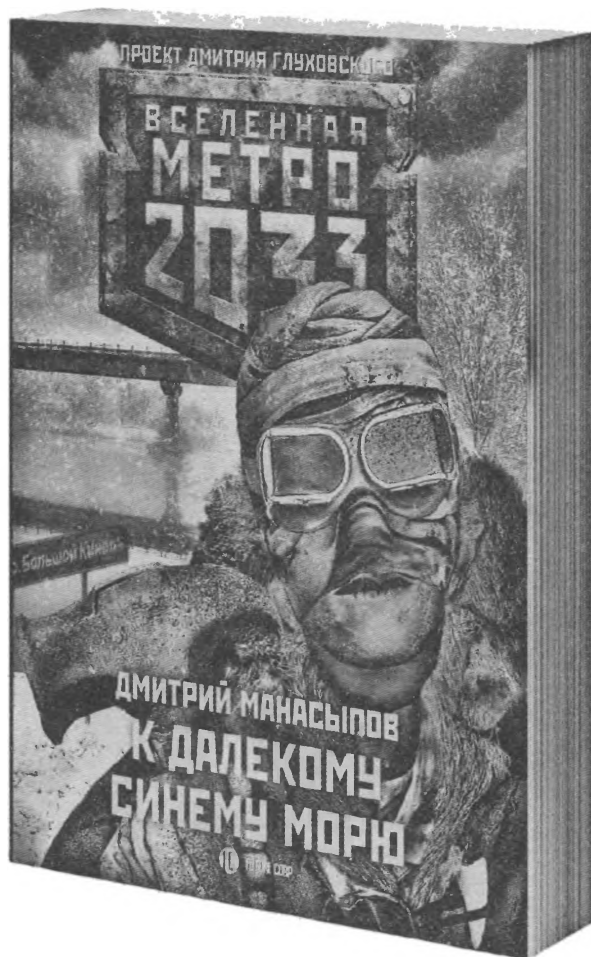
Что до меня, я люблю просто фантастику. Хорошую. Качественную. Способную цеплять и удивлять. И мне совсем не важно, кем и на каком языке она создана изначально. Разве только оговорку сделаю: по-русски мне читать наиболее комфортно, а для всего остального есть переводчики. Замечательные люди, которые, как и я, считают, что дофамина много не бывает.

То, что меня не убивает, делает меня сильнее.

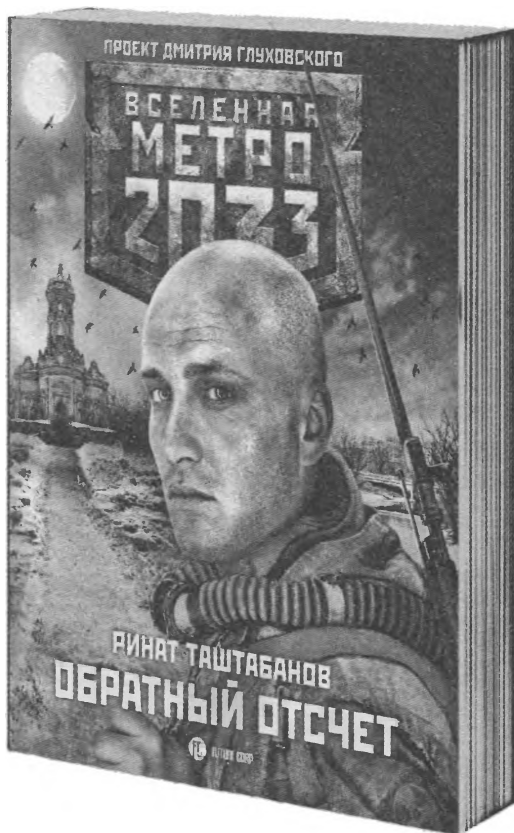
Фридрих Вильгельм Ницше (1844—1900)

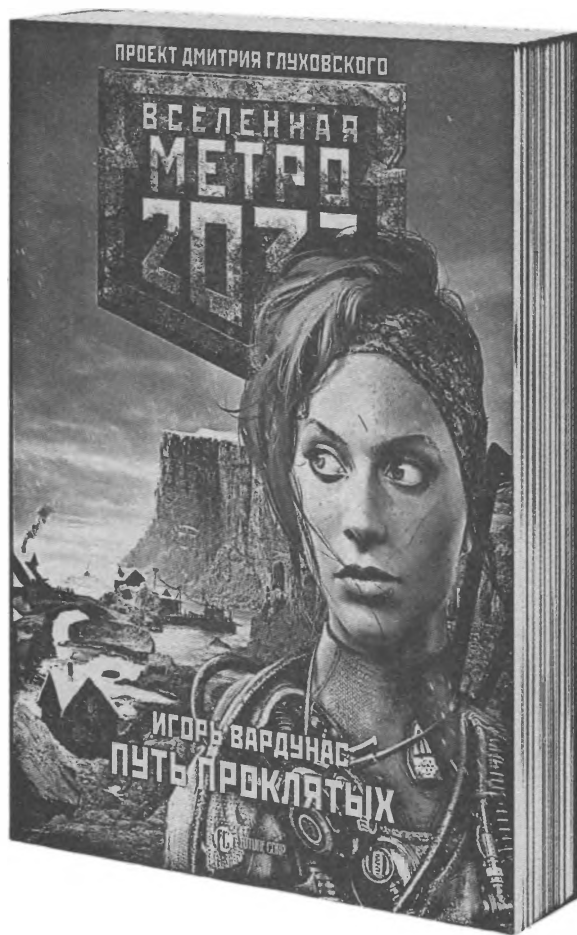
Две тысячи тридцать третий год. Разрушенный Последней Войной Великий Устюг, один из древнейших городов Русского Севера. Мутант Глеб, кажется, вполне счастлив в браке с юной Снегурочкой-Сашей. Можно даже забыть ненадолго о собственной устрашающей внешности и о том, что между правителями города, Святой и Дедом Морозом, продолжается вялотекущая «шахматная партия», а точнее — шашечная игра в «поддавки». Можно... если бы за «доской» не объявился новый игрок — таинственный «архангельский демон» с его не менее загадочной свитой чуть ли не из самой преисподней. И на кону теперь нечто куда более важное, чем просто выбиться в «дамки».

Идя дорогой стали, он встал на тропу смерти, но, не пройдя и шага, нашел надежду. Новую надежду и новый путь. Опасный, сложный путь, ведущий к тем, дорожке кого просто нет. Туда, где он так давно не был. К далекому синему морю. Но для того, чтобы пройти этот путь до конца, ему придется сперва разобраться с прошлым. Ведь оно, подобно затаившейся змее, может в самый неожиданный момент нанести смертельный удар...

Он давно забыл свое прежнее имя, зато привык смотреть на людей через снайперский прицел. Вокруг него — мир, сгоревший в огне. В его сердце бушует ад. Чтобы обрести себя, ему пришлось потерять все. Вера помогла ему выжить. Жажда мести определила его дальнейший путь. Теперь только от него зависит, кому жить, а кому умирать. Он знает, что за все придется платить и смерть идет за ним по пятам. Но сможет ли он, заглянув в бездну и испив горькую чашу судьбы до дна, получить искупление? Этого не знает никто. Ведь предание гласит: когда оковы цивилизации падут и обнажится звериный оскал человека, время повернется вспять и начнется обратный отсчет...

Многие надежды оказались разбиты, многие стремления были напрасны. Быстро меняющийся мир жесток к тем, кто когда-то самонадеянно считал себя его повелителями. Но где-то там, за горизонтом, остался родной дом, который посылает мольбы о помощи. А значит, Лерке Степановой и команде атомохода «Иван Грозный» пора отправляться в очередное плавание, полное новых открытий и опасностей. Ведь каждый путь, сколь бы долгим он ни был, однажды должен завершиться. Пусть даже кто-то назовет его путем проклятых.

ГЛАВА 1

ПРИМАНКА

Белый миновал кучу мусора на углу и снова ускорился. Увидел вдалеке Ловкачку; та сидела на корточках на блоке кирпича между перекрестком и подворотней, одним из трех входов во все еще не обрушившуюся часть дома. Пятьдесят, а может, сорок пять шагов. Пятнадцать секунд. Если он не станет тормозить.

Сжав зубы, он сосредоточился на одном: быстрее двигать ногами. Не обращал внимания на сбивающееся дыхание, на пульсацию крови в висках, что заглушала все остальное, на тяжесть кожного плаща, от которой, пока ты на поверхности, не избавиться.

Он не смел оглядываться, хоть и знал: шарики, по всему, уже близко. Все внимание он сосредоточил на девушке, которая ожидала его в глубине улицы, чуткая, будто охотящийся крылач. Это она теперь была его глазами и ушами. Это она давала ему знаки. Ключевой момент наступит, когда Ловкачка повернется и тоже бросится наутек. Если сделает это раньше, чем Белый минует характерно изломанный фонарный столб, будет худо. Шарики быстрее человека, они сильнее и ловчее — доберутся до него раньше, чем он успеет приблизиться к темному прямоугольнику ворот.

Пока же все было в порядке. Белый двигался широкими прыжками, преодолевая метры узкого, извилистого каньона

улицы. По обе стороны громоздились отвесные осыпи руин, увенчанные выжженными фрагментами уцелевших стен. Черные ямы окон следили, казалось, за каждым движением бегущего внизу человека, а тот ни на миг не останавливался, не сдавался, зная, что любая секунда колебания может стоить ему жизни.

Ловкачка встала и двинулась в сторону подворотни, когда от оплетенного синими лианами фонаря его отделяла всего пара шагов. «Все?!» Белый с немалым трудом переборол желание оглянуться через плечо. Как любой мужчина в анклавe, он был опытным манком, и все же лишь самая малость сдерживала его от того, чтобы страх победил наработанные годами навыки. Он заставил себя напрячься еще сильнее, хотя пот уже заливал глаза, а исцарапанный визор противогаза начинала застилать туманная дымка. «Этого еще не хватало!» Он не опасался наступить на одно из семнадцати щупалец сарлака — их расположение и вид он знал наизусть, как и любой обитатель анклава. Но замутненный плексиглас суживал поле зрения, а это грозило опасностью споткнуться, потерять скорость и неминуемо встретить свой конец.

Он сильнее наклонил голову, чтобы лучше видеть узкую, выющую между развалинами полоску мостовой — единственный путь, которым он мог в меру безопасно и быстро добраться до подворотни. У шариков такой проблемы не было. Неслись они вперед напролом, предательскими осыпями, лишь бы поскорее добраться до жертвы. Он достаточно часто видел их в деле, когда страховал других манков, как сейчас страховала его Ловкачка. При малой доле счастья — а этого нынче требовалось ему не меньше, чем, скажем, сбор изотопов, — зов крови окажется губителен для кого-то из преследователей.

А вот узнает ли о том Белый — совсем другой вопрос. С маской на лице и натянутым капюшоном, он не слышал даже эха собственных шагов, хотя подкованные берцы, должно быть, крепко гремели о мостовую. Тум-дум, тум-дум, кровь пульсировала все быстрее, сердце лупило как обезумевшее, еще минута — и оно выломает прутья ребер, вырвется из тесноты клетки.

Нервы и страх брали верх, адреналин обострял восприятие, течение времени странно замедлилось. Тут Ловкачка оттолкнулась от большого бетонного обломка, выглядела она в этот миг словно астронавт, шагающий поверхностью Луны, — если, конечно, верить рассказам Учителя. Белый даже в такие мгновения замечал изрядную грацию ее движений. Была она худенькой, гибкой и... дьявольски ловкой. Ведь недаром в анклавке ей дали именно такое прозвище. Вот она без труда перескочила широченное, в пару метров, щупальце...

«Сарлак! Твою мать!» Белый свернул в последний момент, мысленно себя понося. Все из-за нервов. Размечтался, задумался, вместо того чтобы помнить о ловушках. Скрытая слоем обломков сетка щупалец гигантского хищного растения была едва заметна. Если бы он не знал ее положения, оказался бы теперь в душащей хватке, парализованный ядом, обреченный на болезненную и медленную — действительно медленную — смерть. Сарлак переваривал пойманные жертвы по нескольку дней, а яд его был настолько токсичен, что и мгновенная спасительная операция оказывалась напрасной. Если выстрелившие иглы пробивали кожу, приговор был неотвратим. Паралич не отступал. Никогда. Проверено десятки раз. Освобожденного от такой ловушки человека можно было лишь добить.

Обход без малого трехметрового щупальца потребовал от убегающего манка немалой эквилибристики. Особенно учитывая, что в этот миг он не мог сбавлять скорость. К счастью, Белый отрабатывал подобные маневры. Раз сто, а может, и того больше. Должен был попасть на лежавшие на осыпи, забрызганные почерневшей кровью обломки бетона. Лишь они и оставались достаточно стабильными, чтобы можно было от них оттолкнуться и пройти над ловушкой поверху. Первый шаг... Второй... Удалось без ошибки, с третьим он уже не рисковал. Пролетел над щупальцем, молясь лишь об одном: чтобы не споткнуться, приземлившись.

Сарлаку в этот день повезло больше Белого. Щупальце мгновенно свернулось, сбросив маскирующие его обломки, и сомкнулось в убийственной хватке на неосторожной жертве.

«Шарики уже настолько близко?»

Белый не выдержал; едва лишь его ботинки соприкоснулись с землей, он быстро оглянулся. Сетчатая ловушка уже сомкнулась на теле твари, но продолжала дрожать, словно ее кто-то тряс изнутри. Толстые, с палец, волокна в нескольких местах порвались, на камни пролился ручеек зеленоватой опалесцирующей жидкости. Пойманный хищник сражался за жизнь. Был он сильнее человека, но судьба его оказалась предопределена. Еще миг, и щупальце подняло его ввысь, потом оно распустится, вбрасывая все еще живую, но уже обездвиженную жертву в пищеварительную яму.

Остальные твари, черно-синие, лишайные, тут и там покрытые пучками жесткой щетины, остановились, слыша ужасный скулеж слабеющего товарища. Уставились большими раскосыми глазами на все еще подрагивающее щупальце, рыча и склоняя головы. Их было восемь. Семеро молодых — теперь уже шестеро — и невероятно массивная самка, наверняка их мать или предводительница стаи. Молодые шарики... Наполовину меньше взрослых особей, зато более ловкие и быстрые. «Это объясняет, отчего они меня почти достали...»

Белый не остановился, как его преследователи. Бросив взгляд через плечо, он погнал дальше, в сторону ожидающей его в воротах перепуганной девушки. Шарики, пусть пойманные врасплох внезапной гибелью товарища, через миг возобновят погоню. Это ясно, как миллион солнц. Вопрос лишь, надолго ли они остановились. Получил он три или пять дополнительных секунд? Сука, похоже, не станет переживать из-за гибели одного члена стаи, потянет за собой остальных, и тогда...

Белый сосредоточил внимание на черном прямоугольнике подворотни и на выглядывающей оттуда Ловкачке. Пятнадцать шагов, десять, пять. «Только не сейчас, не так близко от спасения», — молил он мысленно, выжимая из немилосердно горящих ног последние капли силы.

Ворвавшись на темную лестничную площадку, он оттолкнулся от матраса, прислоненного к стене и смягчившего удар. Ждавшая его девушка в тот же миг захлопнула массивную дверь.

Стук створки о фрамугу слился с другим, еще более громким звуком. Что-то грохнуло в толстое дерево с внешней стороны — так, что посыпались побелка и ржавчина.

Это препятствие не задержит оставшихся тварей надолго. Они оба знали об этом, а потому — понеслись в сторону лестницы, Ловкачка впереди, Белый — сразу следом, как на тренировках. Не могли столкнуться, потеряв ритм, потеряв равновесие. Каждая секунда задержки могла привести к их смерти. «Три этажа, шесть пролетов — и окажемся у цели». Снизу донесся громкий треск. Укрепленные в это утро замки уступили напору ярости тварей. Дикий визг, многократным эхом отражающийся от облупленных стен, заставлял холодеть кровь. Предпоследний пролет. Пыль, поднимаемая тяжелыми ботинками, отмечала дорогу беглецов, когда они резко поворачивали, хватаясь за расшатанные поручни.

Дверь слева, открытая почти настежь. Она минует дверь не останавливаясь, он же должен попасть ладонью по ручке и дернуть створку так сильно, чтобы захлопнуть все замки. Если он ошибется или если что-то пойдет не так, они — трупы. Мутировавшие собаки порвут толстую кожаную защиту и доберутся до... «Сосредоточься, парень». Белый впился взглядом в круглую латунную ручку. Была она такой маленькой, такой скользкой. Одолев две последних ступеньки, он вытянул руку вперед. Три четверти визора маски покрывал пар. Он должен это сделать, пусть и вслепую. Бегущий в голове своры шарик как раз отталкивался от обожженной стены, ловко преодолевая последний пролет.

Пальцы, укрытые в толстой перчатке, не настолько ловки, как того хотелось бы, хотя и сжались на гладком металле с натренированной точностью. Рывок изо всех сил, дверь со скрипом двинулась к косяку — со скрипом настолько громким, что тот прорвался сквозь биение пульсирующей в ушах крови. Удастся ли ее захлопнуть, прежде чем гонящаяся за людьми тварь минует порог? Белый убедится в этом через долю секунды. Если опоздал — окажется сбитым с ног и разодранным, даже ногу не поставив на подпаленный ковер...

Он пронесся коротким загроможденным коридорчиком и ворвался в комнату за ним. С трудом затормозил у зияющей на полу дыры. Вся внутренняя часть дома обрушилась в колодец двора. Впереди была пропасть в несколько этажей, за спиной — хлипкие двери, а справа и слева — треснувшие стены. Из этого помещения наружу вела лишь одна дорога. Он глянул на Ловкачку. Та была бледна, тряслась, словно в лихорадке. «Ничего странного, — подумал он, — мы уже трижды избежали почти верной смерти». Оглядываясь в сторону спрятавшегося во тьме коридора, он протянул к ней руки. Она крепко его обняла, он почувствовал ее ладони на своей спине.

— Люблю тебя, сумасшедшая, — просопел он, когда они сделали, что нужно, и она, в конце концов, выскользнула из его объятий. Она покачала головой, показывая, что не слышит, потому он заорал так громко, как сумел: — Люблю тебя, Ловкачка!

Теперь она его услышала. Встала спиной к бездне и подала ему все еще дрожащую руку. Он сплел с ней ладонь, крепко стиснул в своей. Оба они глянули на ритмично содрогающуюся дверь. Шарик бились в нее непрерывно, изо всех сил, обезумев от голода и зова крови.

Белый украдкой глянул на девушку, которая уже вскоре должна была стать его официальной партнершей. Оскалился, чтобы подбодрить ее. Не могла она этого знать, точно так же, как и он не мог рассмотреть сквозь маску его губы, но довольно было взглянуть в эти блестящие голубые глаза, чтобы знать: она тоже улыбается ему сквозь слезы.

Замки с громким треском уступили. Оба они непроизвольно вздрогнули. В узком коридорчике сделалось тесно от черно-синих, лишайных, покрытых сочащимся гноем фигур. Дико скулящие шарики бросились прямо на замерших людей.

Белый почувствовал удивительно сильную хватку Ловкачки. Их вылазка на поверхность заканчивалась здесь и сейчас. Теперь они могли сделать только одно. Не поворачиваясь, он дернул девушку за руку и... прыгнул, потянув ее следом.

Пока они летели вниз, она кричала. Продолжала орать, как одержимая, когда натянувшиеся веревки рывком затормози-

ли их полет и они повисли высоко над покрытым обломками двором. Механизм сработал как задумано. Они съехали к стене дома по ту сторону и остановились этажом ниже, наблюдая за развитием событий. Четыре молодых шарика, что бросились следом, уже обмякли на бетонных глыбах, проткнутые насквозь толстыми, с палец, ржавыми прутьями арматуры. Пятый все еще балансировал на грани, отчаянно пытаясь удержаться на сломанных досках. Шансов, однако, у него не было. На глазах у людей, жалобно пища, он полетел вниз.

— Пять! — крикнул Белый, показывая ей растопыренные пальцы на правой руке. — Мы прикончили пятерых!

Ловкачка глянула на него, покачав головой, а потом указала наверх, на вертящуюся на краю пропасти тварь.

— Двое остались! — напомнила она, прежде чем в поле зрения появилась огромная самка.

— Да ладно тебе, девушка! И так — больше, чем мы хотели!

Однако она его не слушала. Принялась махать рукой как безумная, чтобы обратить внимание мутантов на себя. Самка кое-что соображала, потому проигнорировала ее, но последний из молодых, дурной, как любой щенок, принялся выть, а потом носиться туда-сюда у самого края сорванного пола. Это подтолкнуло Ловкачку к еще более энергичным дразнилкам. Она даже стянула перчатку и бросила ее в сторону твари. Глупый шарик прыгнул, чтобы ухватить зубами кусок пропитанной потом шкуры. Не разжал челюстей до того самого момента, как напоролся на штыри.

Когда последний из молодых погиб, самка отчаянно взвыла. Рыча и исходя пеной, она смотрела четверкой слезящихся глазок на висящих в нескольких метрах от нее людей. Белый не верил, что твари разумны. Это ведь только животные. Просто мутировавшие собаки. Самое большее, могли они действовать инстинктивно, пусть и — признавал он с неохотой — порой охотились на людей стаяй, разделяясь по ролям, как настоящие ловчие.

Теперь же, глядя на ощеренные желтые клыки, свисающий между ними язык, а прежде всего, на красные и совсем уж не

бессмысленные глаза, отмерявшие, казалось, расстояние, отделявшее тварь от неудавшихся жертв, он начал задумываться, истинны ли его убеждения. Сука не отреагировала на вторую перчатку, которая упала на пол рядом с ее лапой. Даже не обнюхала ее. И все же, вдохновленная предыдущим успехом, Ловкачка не переставала махать руками. Это была ее первая охота на поверхности. К тому же — настолько удачная. Она имела право радоваться и чувствовать гордость. Но перегибать не стоило. Белый ухватил ее за плечо, когда она потянулась к сделанному из велосипедной шестерни механизму, благодаря которому они могли перемещаться по веревке в обе стороны.

— Что ты вытворяешь? — спросил он.

Девушка послала ему удивленный взгляд.

— Приманиваю эту падаль, — ответила гордо.

— Оставайся на месте. Мы прикончили их достаточно много...

— Смеешься? — спросила она с издевкой, сбрасывая его руку с плеча. — У нее и шанса нет до нас добраться.

Это правда. Шарик — плотно сбитые, быстрые, сильные, но тяжелые. А потому не были хорошими прыгунами, и Учитель выбрал это место после целой серии тестов. Пока они придерживались его советов, проблем не должно возникнуть. Но было понятно, что успех вскружил Ловкачке голову. Белый тихонько выругался. Не хотел, чтобы она рисковала зря, поскольку должна была стать матерью его детей, но... он глянул вниз, на двор, где крутилось несколько одетых в кожаные плащи мужчин. Ножовщики умело разделяли мертвых тварей, грузя мясо, кости и внутренности в ведра. Их помощники быстро уносили добычу к открытому люку. Часть работающих на руинах людей, услышав вопли девушки, с интересом поглядывали вверх. «Пусть будет зрелище и для них, пусть увидят, насколько отважна их будущая предводительница», — решил он наконец, готовый отреагировать, если Ловкачка сделает нечто действительно глупое.

Девушка продвинулась на метр, заблокировала механизм и снова принялась дразнить поглядывающую на нее самку. Тварь не реагировала, однако буркалы, неподвижно устремленные на потрошащих ее помет ножовщиков, зловеще блестели.

Ловкачка это заметила и, не обращая внимания на предупреждения, передвинулась еще на метр. Но даже это не спровоцировало ответной реакции. Огромная самка шариков неподвижно высилась на краю пропасти, словно впад в оцепенение.

Белый глянул вниз. Его люди уже заканчивали работу. На развалинах остались только пятна крови.

— Уходим! — крикнул он, зная, что время подходит к концу.

Их крики наверняка уже привлекли внимание всех хищников вокруг, а запах пролитой крови вот-вот притянет крылатых убийц.

Ловкачка гневно фыркнула, но потом неохотно взялась за карабинчик и, повернувшись к самке спиной, потянулась, чтобы ухватить брошенный в ее сторону вытяжной линь. Белый знал девушку достаточно хорошо, чтобы понимать — она зла. Так жаждала яркого успеха, которым доказала бы остальным кандидатам, что она — и только она — имеет право родить сыновей предводителю анклава. По его мнению, своего она и так доби-лась, но ей все было мало. «Хорошо, что она настолько амбициозна», — думал он, глядя, как Ловкачка начинает опускаться.

Сосредоточившись на своей женщине, он на миг позабыл об оставшемся шарике. И это оказалось ошибкой. Впрочем, он все равно ничего не сумел бы сделать. Чуть раньше он приметил, что самка медленно отступает внутрь комнаты, и решил, что она — сдалась. Но та не намеревалась уходить, по крайней мере, так, как понравилось бы людям. Исчезла из поля зрения Белого всего-то на несколько мгновений. Столько ей понадобилось, чтобы взять длинный разбег и, оттолкнувшись от самого края, полететь в пропасть, прямо на спину Ловкачки.

Шарики не были хорошими прыгунами. Учитель хорошо рассчитал безопасное расстояние, но не принял во внимание одну действительно важную деталь. Ни одна тварь не сумела бы допрыгнуть до того места, где висел манок, но... Тяжелая тварь не падала камнем, а летела вниз по дуге, приближаясь к противоположной стене, о которую в конце концов она и разбилась бы, где-то между первым и вторым этажами. Если бы на пути ее не оказалась ни о чем не подозревающая девушка.

Только и того, что Ловкачка, в отличие от Белого, понятия не имела, что случится. До последнего момента она сосредотачивала внимание на лине. Возможно, и погибла-то, не почувствовав боли. Самка весом более сотни килограммов ударила в гибкое тело девушки, вонзив когти и клыки на уровне талии. Они повисли вместе — на мгновение, показавшееся следящему со стороны, переполненному адреналином мужчине вечностью. Рывок от удара был настолько силен, что тварь буквально разорвала жертву пополам, а после полетела вниз, уже под другим углом, грохнувшись среди запаниковавших ножовщиков.

К счастью для людей, шарик попал в одну из ловушек, щетиныщуюся металлическими прутьями. Когда бы не это, тварь пережила бы падение, и как знать, не оказалось бы тогда жертв еще больше. Заостренные, с метр длиной и толщиной в палец, железные шипы прошили кости и мышцы мутанта в нескольких местах. Вокруг умирающей, но все еще взрывающейся самки брызгала кровь и пульсировали разорванные внутренности.

Белый замер, не в силах произнести ни слова. Тупо глядел на безжизненно качающийся торс девушки, всего через несколько дней собиравшейся стать его первой партнершей.

ГЛАВА 2

АНКЛАВ

— Учитель, тебя Белый вызывает!

Сидящий перед тройкой детей массивный, совершенно лысый мужчина в выгоревшем «моро»^{*} отвел взгляд от потрепанной и уже крепко пожелтевшей страницы, которую держал в руках. С интересом, как и его ученики, глянул на задыхающегося гонца.

Его не удивил ни вызов, ни личность того, кто этот вызов принес. Лютик был порученцем Белого, одним из двенадцати членов гвардии, которые выполняли в анклавe функции полиции, а потому именно на нем или на ком-то из его коллег лежала обязанность сообщать людям, когда их вызывает предводитель этого сообщества.

Куда интересней ему показалось то, что Лютик прибежал в школу прямо в кожаной защите, которую носили во время ежедневных вылазок на поверхность. Броня его, к тому же, припахивала кровью и за километр воняла трупом.

Что-то наверняка случилось, и это «что-то» было действительно важным, если уж Белый отослал его сразу после того, как спустился с поверхности.

^{*} Марка польской военной униформы.

— Иду, — ответил Учитель, откладывая страницу потрепанного учебника в затертую коробку от обуви, в которой лежали остальные части ценного тома. — Передай Белому, что буду у него через пять минут.

Лютик покачал головой.

— Он приказал тебя доставить.

Бровь сидящего на разваливающемся стуле учителя поползла вверх. Вместе с нею задвигались вытатуированные на виске линии. Длинный шрам, идущий по правой щеке от линии волос до подбородка, слегка побелел, выдавая растущее раздражение. Однако учитель не произнес ни слова, лишь махнул рукой, отпуская учеников. Дети собрались мгновенно, понеслись к выходу и, порскнув мимо гвардейца, исчезли в полумраке за подъемом коридора. Они терпеть не могли школу, это было видно с первого взгляда. Мужчина, ответственный за их обучение, не слишком этому удивлялся. Здесь, под землей, кроме зубрежки и выполнения заданий, подопечные его должны были еще и трудиться. Причем — тяжело. В анклавe Иного ел лишь тот, кто на это наработал.

— Ну, тогда пошли, — проворчал Учитель.

Он поставил коробку с учебником рядом с другими картонками на верстак, сколоченный из пары кривых досок, осмотрелся в последний раз, тщательно погасил все масляные лампы и вышел из бокса, гордо именуемого школой.

Три стены из местами насквозь проржавевшей гофрированной жести, которую примотали проволокой к обычным стойкам. Старое армейское одеяло, служащее дверью. Так выглядела альма-матер анклава Иного. Над ее уродством насмехались бы даже в трущобах глубочайшего африканского зажоппя, но здесь, в каналах Вроцлава, школой изрядно гордились. В «стенах» ее училось уже второе поколение людей, переживших атомный пожар. Еще пара лет — и в единственном классе сядут внуки тех, кто первыми закончил подземную школу жизни.

Лютик соскочил на уровень канала, идущего чуть ниже, в русло, которым перед Атакой текли стоки. Двинулся вперед, грозно покрикивая на немногочисленных прохожих. Не огляды-

вался. Хотя он и не принадлежал к излишне сообразительным, но знал, что Учитель пойдет за ним. В сообществе действовала железная дисциплина. Лютик даже представить себе не мог, что-бы кто-то сумел проигнорировать приказ Белого.

Учитель и его проводник покинули короткое боковое от- ветвление канала, в котором кроме школы располагалось еще несколько мастерских, где старшие ученики могли учиться по выбранной специальности. Миновав кузницу, устроенную точ- нехонько под канализационным колодцем, что служил есте- ственным дымоходом, они повернули вправо, входя в туннель, ведущий к главной артерии анклава. Здесь тянулся ряд «апарта- ментов», как именовали — некогда с иронией, а нынче всерьез — возведенные из того, что под руку попадется, боксы: тут гнезди- лись восемьдесят четыре гражданина, из которых и состояло все их общество. Включая шестерых детей.

Дети...

Учитель ухмыльнулся. В этих подземельях в зрелый воз- раст вступали куда раньше, чем перед Атакой. В постыдном мире человек достигал совершеннолетия уже после десятого дня рождения, хотя, если верить слухам, в южных районах Вроцла- ва все еще существовали анклавы, в которых относительно без- заботное детство длилось несколько дольше. Но здесь, на краю Запретной Зоны — так называли пояс наиболее пораженной поверхности, — ситуация выглядела совсем иначе, чем в более освоенных и менее пострадавших районах города.

Сорокасемилетний Учитель был старейшим гражданином этого сообщества и одновременно — последним из местных Пом- нящих, — как называли в туннелях людей, родившихся за много лет до Атаки и хорошо знавших обычаи погибшей цивилизации. Остальные обитатели анклава Иного пришли в мир уже в кана- лах — или попали сюда в первые годы жизни и не могли знать о тех временах слишком многого.

Взрыв, который оставил между Подвалем и Рынком кратер глубиной метров в тридцать и превратил в стеклоподобную гарь целые кварталы Старого Города, был лишь прелюдией кошмара. Кто-то некогда сказал, что те, кто выживет в атомной войне, по-

завидуют погибшим. Забытый автор этой сентенции был прав. Момент Атаки пережило много вроцлавцев — после тревоги в каналы и подземелья сумели сойти десятки тысяч людей, — но это был не конец, а лишь начало их долгой дороги страданий. Излучение, голод и атомная зима собрали богатый урожай. Особенно в первые годы после апокалипсиса. Уцелевшие в атомном пожаре «счастливчики» мерли в туннелях буквально как мухи; от голода, холода и болезней. Однако те, кому удалось выжить в худшее время, произвели под землей более сильное потомство. Ницше был прав, когда заявлял: «Что меня не убивает, делает меня сильнее». Люди эти были наилучшим тому примером.

Немногочисленные обитатели, мимо которых проходили Учитель и Лютик, поглядывали на двух мужчин с интересом. Их лица и фигуры Учитель видел или в бледно-голубом свечении, испускаемом вездесущими флуоресцирующими грибами, которые в шутку звали неонками, или в золотом свете масляных ламп, которые разгоняли тьму в немногочисленных боксах, где пребывали люди, отдыхающие от трудов или готовившиеся к очередному выходу на поверхность. Жизнь в каналах была такой же монотонной, как отсидка пожизненного. По сути, здесь либо работали, либо спали. Да время от времени прикладывались к самостоятельно гонимой моче, недостойной зваться алкоголем.

Гвардеец и идущий за ним Помнящий добрались до самого широкого, транзитного туннеля, которым многие годы шли люди, несущие товары и новости из самых дальних уголков Вроцлава. Окрестные анклавы пульсировали жизнью — в лучшие времена Иной держал под своим управлением вчетверо больше душ, чем нынче было у его сына. Теперь старый путь из Купеческой Республики в просторы Шарикового поля был пуст. От комнаток для странников и мест для ночлега, нанимаемых пришельцами из отдаленных районов, не осталось и следа. Исчезли и почти все лавки местных купцов, а в тех, что все еще стояли, можно было найти лишь кучу малостоящего мусора.

В половине дороги между двумя жилыми туннелями, в стене слева, находился выложенный дополнительным слоем кирпича

зев короткого технического коридора, который вел к четырем большим камерам. Три первые, прилегающие к боковым стенам прохода, служили складами. В последней — и наибольшей — пребывал предводитель сообщества. Единственный сын и наследник Иного, прозванный Белым из-за его альбинизма.

Часовые гвардейцы расступились, когда Лютик приостановился на миг, чтобы впервые проверить, где приведенный им Учитель. Тот же был всего в шаге за его спиной, потому они сразу прошли пост и, миновав охрану складов, добрались до некогда красной портьеры, что перегородивала коридор и у которой стоял еще один гвардеец. По знаку поручика парень отвел тяжелую ткань, открывая короткий, очень тесный проход и видимые в глубине, настежь распахнутые стальные двери, из-за которых бил яркий свет.

Прямоугольная, шесть на восемь метров, комната была очень высокой, особенно если сравнивать с окружающими ее туннелями; кроме того, потолок ее, видимый в мерцающем свете развешанных по стенам ламп, нисколько не напоминал привычные своды каналов девятнадцатого и начала двадцатого веков. В отличие от них, был он прямым и не кирпичным, а бетонным — на крошащейся, покрытой лишаями влажных пятен поверхности все еще виднелись следы опалубки. Но самый интересный элемент зала аудиенций, как звали это место, все же находился под ногами Учителя. Ведь помещение имело два уровня. Из дна водосборника, которым некогда оно было, до половины наполненного ранее водой или стоками, выросла почти четырехметровая колонна, на которую опирались две скрещивающихся посередине балки шириной метра в полтора. Прямоугольные отверстия между ними и стенами были забраны тяжелыми чугунными решетками. Предводитель анклава правил наверху, а ниже устроили тюрьму, куда сажали осужденных за различные преступления граждан.

Белый пребывал на троне — как его отец привык называть слегка обгоревшее раскладное кожаное кресло, которое притянули сюда много лет назад, естественно, кружной дорогой, через сливные каналы, поскольку настолько крупная мебель черта

с два поместилась бы в каком-то из канализационных люков. От входа его отгораживал уставленный на поперечном помосте стол, у которого иной раз сживали судьи, доверенные советники или приглашенные гости. Сегодня все расшатанные стулья стояли под стенами, рядом с деревянными, грубой склейки плитами, которыми во время собраний закрывали часть решеток, чтобы ни с кем не случилось несчастье. А на столе... На столе, на военной палатке, лежало тело.

Учителю даже не пришлось вглядываться в изуродованные останки, чтобы понять, кто погиб во время нынешнего заманивания. Его лишь удивило, каким чудом Белый сумел получить останки любимой женщины. Шарик, котокаты и крылачи не позволили бы отобрать добычу, а сарлак не рвал жертву в клочья...

Лютик остался в дверях; заинтригованный Учитель спокойно обошел его, приблизившись к столу. Внимательно всмотрелся в располосованный плащ и разорванное пополам, почти лишенное внутренностей тело. Меловая белизна лица Ловкачки казалась такой спокойной, словно девушка и не почувствовала перед смертью, что сотворила с ней разъяренная тварь.

Помнящий перевел взгляд на сидящего в нескольких метрах предводителя анклава.

— Что случилось?

— Это ты мне скажи, Учитель,— ядовитым тоном ответил альбинос.

— Не понимаю.

Зал аудиенций наполнила гробовая тишина. Толстый полог и находящийся за ним коридор в несколько метров гасили звуки. В конце концов Белый не выдержал, вскочил с кресла и подошел к столу. Склонился над трупом, его лишенные пигмента радужки кроваво блеснули.

— Твоя ловушка не сработала, как нужно.

— Это невозможно,— пойманный врасплох Учитель снова опустил взгляд, чтобы присмотреться к ранам девушки.— Все было рассчитано точно. Если порвался один из тросов, ты не можешь иметь претензий ко мне. Не я их...

Белый ударил кулаком в стол с такой силой, что тело девушки вздрогнуло, словно внезапно вернув себе возможность дышать.

— Хватит нести херню! — заорал Белый, обрызгивая слюной себя, собеседника, труп. — Это все твоя вина!

— Не думаю, — мужчина с татуировкой на виске смерил предводителя гневным взглядом. — Не знаю, что случилось на поверхности, но я уверен, что мы можем спокойно все выяснить, если...

— Мы не можем и не станем ничего выяснять! — альбинос двумя кулаками уперся в край столешницы. Дышал он тяжело, словно едва сумел сбежать от шариков. — Мы сделали ловушку, поскольку ты утверждал, что она будет безопасной, и, как видно, хрен там получилось! — эту фразу он едва ли не прорычал.

Учитель тоже склонился над столом.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, — произнес, понижая голос так, чтобы Лютик и стоящие на краях помоста гвардейцы его не слышали. О заключенных думать не приходилось, камеры внизу стояли пустыми вот уже несколько месяцев. — Правда. Однако ты должен мне сказать, что там случилось, в противном случае...

Белый не слушал.

Взревел, запрокидывая лицо к бетонному потолку. Когда же наконец умолк, то отвернулся и, не глядя на собеседника, пошел к трону. И лишь с него окинул Помнящего кривым взглядом — а после ухмыльнулся так скверно, что Учитель почувствовал, как по спине у него поползли мурашки. Трагическая смерть будущей партнерши вызвала у этого неопытного восемнадцатилетнего паренька, не пережившего до сей поры ни единой трагедии, немалый шок. Матери он не знал, та умерла родами, а отец отдал душу после длительной болезни. Тогда у Белого хватило времени, чтобы смириться с фактом потери единственного родственника — да и не слишком-то он его и уважал. Зато Ловкачка...

— По твоему лицу, — захрипел альбинос, вырывая Помнящего из глубокого раздумья, — я вижу, что ты уже прикидываешь, какие словечки использовать, чтобы меня умиловать. Но это

не удастся. Не на этот раз. Не после того, что случилось во время заманивания.

— Ты так и не сказал мне до сих пор, что там, собственно, случилось,— татуировка на виске Учителя, когда он щурился, странно шевелилась.

— Я сказал.

— Тогда повтори, но на этот раз опиши, как все происходило, более подробно. — Помнящий с трудом удерживался от вспышки. Краем глаза он заметил, что гвардейцы покидают посты, а их ладони — ложатся на рукояти ножей. Пятеро... взгляд украдкой в сторону двери дал понять Учителю, что именно столько вооруженных людей находится в зале... он не справится, особенно учитывая, что никакого оружия у него с собой нету, а эти парни — по настоящему хороши в своем ремесле. Он об этом знал, поскольку сам же их и вышколил. Двое страховали оставшуюся троицу, держа наготове пращи. — Прошу тебя,— добавил он, переводя взгляд на предводителя.

— Да что ты! — произнес с издевкой Белый, усаживаясь поудобней. — Ладно, если просишь — скажу. Мы заманили шариков на последний этаж и съехали к другой стене, согласно твоим инструкциям. Пять вшивых собак попали в ловушку, но две последних — уцелели. Ловкачка... — в этот момент голос его слегка задрожал, — Ловкачка попыталась их рассердить, заставить прыгнуть.

— И подошла слишком близко... — догадался Учитель.

— Не прерывай меня, старик! — заорал альбинос, вскакивая с кресла.

Старик? Это было что-то новое. Этот щенок ранее никогда не выказывал столь серьезного отсутствия уважения к последнему из Помнящих. К человеку, которому отец его был многим обязан, не исключая и возможности править этим анклавом.

— Я лишь...

— Я сказал, не прерывай! — Белый вытер губы тыльной стороной ладони и снова рухнул на сиденье. — Нет, она не подъехала слишком близко. До отметки оставалась еще пара метров.

Он вспомнил об окрашенном в желтый цвет фрагменте веревки, указывающем место, до которого, теоретически, мог до-

прыгнуть атаковавший хищник. Учитель высчитал это расстояние после нескольких недель наблюдений. Провел немало часов на поверхности, присматриваясь к бродящим в руинах шарикам. Измерил все очень точно, набросил еще кусок на безопасность, чтобы знать наверняка: обойдется без несчастного. Он был уверен, что все дело в недоразумении.

— Тогда я совершенно не понимаю, как...

— И в этом вся проблема, Учитель,— бесцеремонно прервал его альбинос.— Или ты ничего не понимаешь, или ничего не знаешь, а я... Я из-за твоего незнания потерял женщину.

— Это не так...

Белый махнул рукою, словно отгоняя муху.

— Хватит нести херню. Твоя ловушка не настолько гениальна, как ты нам тер. Ты и только ты несешь ответственность за то, что случилось.

— Не думаю,— пробормотал Учитель. Он был уверен в своих расчетах, даром же он посвятил этому проекту столько времени и стараний.— Ты не говоришь мне всего.

— Чего-чего? — Белый грозно прищурился.

— Ты в глубоком шоке, как я погляжу. И это не удивительно. Всякий чувствовал бы себя так на твоём месте.— Помнящий выразительно глянул на гвардейцев, и те непроизвольно кивнули.— Потому позволь мне поговорить с ножовщиками...

— Ты говоришь, что я вру?! — Белый снова сорвался с трона.

Его подчиненные отреагировали моментально, выхватывая ножи из-за поясов и раскручивая пращи. Атмосфера сделалась нервной, одно неосторожное слово могло привести к концу разговора и к началу резни.

— Нет! Я не говорил ничего подобного! — воскликнул Учитель, высоко вскидывая руки и медленно поворачиваясь, словно желая продемонстрировать всем отсутствие дурных намерений. На самом деле он проверял местность, расстановку противников, их вооружение. Хорошего было мало. Выход контролировали двое парней с пращами в руках. Потянись они за мачете, Помнящий имел бы больше шансов, но если воспользуются метательным оружием, то подстрелят его раньше, чем он успе-

ет разоружить кого-нибудь из ножовщиков, а тех было трое, по одному с каждого конца помоста. Если уж бой начинать нельзя, то Помнящий решил потянуть время.— Я не говорю, что ты врешь,— добавил он примирительным тоном.— Однако я вижу, что ты ужасно расстроен, а в таком состоянии...— он замолчал, увидев, как альбинос синееет лицом.— Позволь мне проверить расчеты, поговорить с ножовщиками, они видели... видели все с другой перспективы.

Белый качал головой, и с каждым мгновением все сильнее.

— Нет, нет и еще раз нет!

Учитель замолчал. Однако продолжал стоять с широко разведенными в стороны руками, словно заверяя этим жестом окруживших его гвардейцев, что вожаку не стоит его опасаться. Однако это их не успокоило, они не отступили ни на шаг и не опускали оружия. Если Помнящий хотел выйти из схватки живым-здоровым, то требовалось изменить тактику.

— Да, ты прав. Ловушка не подействовала, как должна. И все же уверяю тебя, что я приложил все усилия, чтобы всякий манок, добравшийся до веревок, был на них в безопасности. Но мы могли что-то пропустить,— он специально использовал множественное число, чтобы дать понять Белому: он — не единственный человек, которого можно обвинить в несчастном случае.— Из того, что ты говоришь, я могу сделать вывод, что шарики нынче быстрее или сильнее, чем еще год назад...— он изобразил задумчивость, словно прокручивая эту мысль.— Да, это может оказаться настоящей причиной нашей проблемы. В конце концов, мы имеем дело с мутантами. Не знаем мы о них ничего, кроме того, что они эволюционируют из поколения в поколение.

Альбинос замер. Он не ожидал такой быстрой капитуляции противника. Может, даже рассчитывал, что облыжно обвиненный Учитель возразит ему, как делал это во время многих менее важных споров. В случае открытого противостояния он бы получил возможность на ком-то сорвать злость, переживания из-за смерти партнерши. И никто не стал бы тогда обвинять гвардейцев, рань они — или даже убей — опасного противника, который

напал на предводителя анклава, когда тот лил слезы над трупом любимой.

Учитель понял это моментально. Не видя другого выхода, решил поддаться еще сильнее. «Согнись, и не будешь сломлен. Уступи — и победишь». Эти максимы древних мастеров искусства боя сохраняли актуальность даже в постыдаерной реальности. Потому Помнящий решил воспользоваться скрытой в них мудростью, чтобы выиграть это столкновение. Белый не был настолько уж умен, чтобы меряться с ним словами, но упорства ему хватало, да и не уступал он так уж легко.

— Значит, ты признаешься, что отвечаешь за смерть Ловкачки? — спросил альбинос после короткого молчания.

— Признаюсь, что могу в какой-то степени нести за нее общую ответственность, — ответил Учитель, осторожно подбирая слова.

— Ха! — Белый тяжело опустился в кресло. Он тоже начал тянуть время, не зная, как выбраться из расставленных силков. — Ха! — повторил он.

— Уверяю тебя, что я сделал все, что в моих силах, чтобы ловушка действовала безупречно. По крайней мере, на последнем этапе приманки. Сегодня она подвела нас впервые, а пользуемся мы ею вот уже семь месяцев. Случилось жуткое, я не стану спорить. Потому — прими мое глубочайшее сочувствие, — Помнящий склонил голову, но так, чтобы не выпустить оппонента из поля зрения. — Я переживаю твою утрату столь же тяжело, как и ты.

— Не пытайся меня разжалобить, — предостерег его Белый, рассерженный неожиданной утратой инициативы. — Кара должна наступить! — добавил он, повышая голос.

— Конечно, — сразу же согласился Учитель. — Если я провинился, то я должен принять последствия этого. Я сам созову совет анклава, чтобы тот оценил мой проступок и вынес справедливый приговор.

Совет анклава состоял из четырех наиболее доверенных советников — ранее Иного, а теперь его сына. Помнящий стоял во главе его, прекрасно знал остальных членов и верил в их

рассудительность. У Белого при столкновении с ними не будет и шанса. Если пожелают его обвинить, потерпит постыдное поражение, поскольку этих людей он не сумеет ни подкупить, ни запугать, а попытка избавиться от всех советников сразу может привести к серьезным беспорядкам — и как знать, не к утрате ли власти. Потому мысль созвать совет показалась Учителю гениальной, как и все простые решения. Не говоря уже о том, что все произойдет согласно предписаниям кодекса, который даже наследник Иного не мог поставить под сомнение. «Туше, белячок!»

Альбинос нервно закусил нижнюю губу. Конфронтация с Помнящим пошла не так, как он задумал. Отец готовил его к управлению несколько лет, но мудрость, истинную мудрость, невозможно привить, даже если человек внимательно слушает наибольших мудрецов и изучает самые выдающиеся из их трудов. Таким-то образом можно обрести знание, которое сильно пригодится любому правителю, но чтобы суметь им воспользоваться, необходимо много лет практики и немалый опыт. А последнего-то наследнику Иного и не хватало.

Однако порой для того, чтобы выбраться из ряда ситуаций, хватает толики счастья, проблеска одной идеи в нужное время... как, увы, случилось и в этом случае. По крайней мере, так показалось Учителю.

— Нет,— ответил на удивление спокойным тоном альбинос.— Нам нет нужды собирать совет. Ты признал вину при свидетелях. При пяти свидетелях,— подчеркнул он с удовольствием.— А если я не ошибаюсь, кодекс четко говорит, что уже троих достаточно, чтобы я вынес приговор.

Помнящий мысленно выругался. Засранец случайно загнал его в угол. «А может, вовсе и не случайно...— и эта мысль заставила его похолодеть.— Возможно ли, чтобы альбинос все это спланировал? Использовал смерть Ловкачки, чтобы...»

Хоть еще минуту назад такое показалось бы ему маловероятным, Белый хладнокровно прокачивал ситуацию. Присутствие в зале пятерых наиболее доверенных гвардейцев говорило о том, что изначально дело было в чем-то большем, чем просто в же-

лании сорвать злость на человеке, который, возможно, — всего лишь возможно! — нес некоторую толику ответственности за трагедию, до которой дошло на поверхности. А это все меняло коренным образом.

Учитель уже давно понимал, что раньше или позже дойдет до столкновения с новым предводителем анклава. Потому сразу после смерти Иного он заверил альбиноса, что власть его не интересует. Он не стремился к ней ни разу за время главенства Иного — хотя имел к тому немало возможностей — и тем более не намеревался делать этого сейчас. Единственное, о чем он просил, — о сохранении статус-кво, на что Белый сразу же дал согласие. Это, как думалось Помнящему, решило дело. Но, видимо, его оппонент имел несколько иное мнение на этот счет. Оказался он и куда большим сукиным сыном, чем кто-то мог допускать. Прикрываясь потрясением от смерти любимой, пытался теперь испечь двух крыс на одном костре. Что, похоже, ему удастся при том преимуществе, которого он достиг.

— Я сказал, что могу в какой-то степени нести за нее общую ответственность, а это, не можешь не признать, кое-что иное, чем то, что ты говоришь. Потому я бы предпочел, чтобы именно совет решил...— Учитель замолчал, поняв, что любая попытка спастись приводит его к исходной точке.— Давай позволим разрешить этот спор тем людям, которым оба мы доверяем,— закончил он максимально безопасным для себя образом.

— Ты признался, Учитель,— триумфально заявил Белый.— Пять человек слышало это. Потому мы все решим здесь и сейчас,— добавил он, щеря желтые зубы.— Кодекс отчетливо говорит, что в подобном случае я имею полное право вынести окончательный приговор, и именно это я и намереваюсь сделать.

— Тогда — слушаю,— Помнящий взглянул Белому прямо в глаза.

— Око за око. Зуб за зуб. Так говорит наш закон.

Учитель впервые в жизни пожалел, что подбросил Иному мысль воспользоваться несколькими записями из законов Хаммурапи.

— Так гласит наш закон,— согласился он, сохраняя каменное лицо.

Он понял, что оказался в безвыходной ситуации. Теперь уже лишь чудо могло его спасти. Или Белый вынесет приговор — известно какой,— или станет тянуть до того момента, как у противника сдадут нервы, что также закончится единственно возможным способом.

— Итак...— торжествующий альбинос колебался, но лишь миг.— Впрочем — нет. Сделаем иначе,— обронил он.— Ты знаешь кодекс лучше многих из нас, ведь ты сам был его соавтором. Прочитуй мне второй пункт, прошу тебя.

— Рациионы даются только тем, кто может на них зарабатывать,— процитировал Помнящий, одновременно пытаясь понять, что пришло в голову альбиноса.

— С сегодняшнего дня правило это станет касаться всех жителей анклава,— заявил Белый.— Без исключений.

Учитель замер. Громко сглотнул. Это был точный удар. Более болезненный, чем могло бы показаться.

— У нас есть уговор...— начал он осторожно.

— У нас? — засмеялся альбинос.

— У меня и твоего отца.

— Верно, у вас был договор, но вместе со смертью Ловкачки он перестал действовать. Немой должен вкалывать, как и все остальные. Бендер! — кивнул он стоящему справа гвардейцу.— Впиши угрёбка в список завтрашних собирателей.

Учитель почувствовал знакомые мурашки по затылку. Лицо его покраснело.

— Ты не можешь этого сделать. Твой отец...

— Мой отец мертв,— альбинос уселся поудобней. Уже знал, что выиграл эту битву, а потому легкомысленно взмахнул рукою.— В свете нашего закона, обязательства моего отца утратили силу с того мига, когда я сел на его трон.

— После его смерти ты согласился...

— Это правда. Я уступил твоим нашептываниям, но теперь я передумал. Привилегии твоего... сына... закончились.

— Не забывай, что это благодаря мне Иной сделался предводителем этого анклава, и если бы не я, ты работал бы простым ножовником или...

— Старые дела, Учитель,— оборвал его Белый.— Времена изменились. Отец с лихвой оплатил тебе за все, что ты для него сделал. Твой ублюдок жил за наш счет более восемнадцати лет. Этого достаточно...

— Ты прекрасно знаешь, отчего я заключил с твоим отцом тот договор. Мой сын — глухонемой. Он не переживет первого же выхода на поверхность.

— Моя женщина тоже там погибла,— гневно фыркнул альбинос, стискивая пальцы на подлокотниках кресла.— Око за око, гласит закон. А теперь...— Белый замолчал, издевательская ухмылочка сбежала с его губ, когда со стороны двери раздался какой-то шум.

Учитель глянул через плечо в сторону выхода. За гвардейцами стояла группка мужчин и женщин с лицами, измазанными пеплом, как требовала погребальная традиция. Это было чудо, которого он ждал.

— Братья и сестры! — проговорил он, поворачиваясь к прибывшим и одновременно отступая от стола, чтобы не дать Белому шанса на скрытое нападение.— Нынче на поверхности погибла одна из нас, Ловкачка, избранница предводителя. Я ощущаю вину за ее смерть, поскольку она оказалась разодрана в построенной мною ловушке, и потому прошу вас стать судьями в моем деле.

— Замолчи, Учитель! — крикнул Белый.— Согласно кодексу...

— Согласно кодексу,— оборвал его Помнящий,— я признаю твой приговор слишком суровым и желаю вердикта двенадцати справедливых!

ГЛАВА 3

НЕМОЙ

Немой улыбнулся. Вытянул вперед руку, показывая оттопыренный в характерном жесте большой палец. «Все будет хорошо». Учитель кивнул. «Должно быть хорошо. В ином случае...» Нет, он предпочитал не думать, что случится с его сыном, если он, Учитель, проиграет очередную схватку с Белым. Двадцатилетний парень, доверительно глядящий на него, не только был глухонемым, но и обладал разумом ребенка вдвое младшего. Несчастливая травма головы имела последствия как физические, так и умственные. То, что немой прожил столько лет в жестокой реальности, уже было чудом, но сверхъестественного в том не было ничего — когда бы не упорство и жесткость Помнящего, сын его давно бы разделил уже судьбу детей-инвалидов, которые сразу же по рождению выносились судьями на поверхность и гибли там, как некогда дети-калеки викингов.

К счастью, противостояние с альбиносом произойдет на глазах почти всех жителей анклава — в главном туннеле не будет только динамщиков, лежащих больных и горстки гвардейцев, которые не могли покинуть посты на баррикадах, оберегающих три входа в анклав.

Альбинос и Помнящий представят свои версии произошедшего двенадцати — а вернее, тринадцати справедливым. Обви-

ненный и обвинитель встанут перед дюжиной «присяжных», случайным образом выбранных перед собранием из всех присутствующих, — и перед одним из двух «судей», как называли выбираемых каждый год арбитров, чьим заданием, кроме обычной работы, было решать малые споры между членами сообщества. После них показания дадут вызванные обеими сторонами свидетели. Потом двенадцать справедливых передадут вердикт присматривающему за делом судье, и так будет вынесен приговор. Выиграет та из сторон, которая сумеет убедить большее число присяжных. В случае равного раздела голосов решать, виноват ли обвиняемый, будет арбитр. Так выглядела окончательная кассационная инстанция в постъядерном аду. Максимально упрощенное американское измерение справедливости. Единственная институция, что стояла в этот момент между Учителем и жаждущим смерти его сына противником.

А может, лучше было бы сказать — единственный способ оттянуть неизбежное. Помнящий не имел никаких иллюзий. Даже если присяжные вынесут вердикт в его пользу, дни его в анклав все равно сочтены. В подземельях Вроцлава открытый конфликт с почти абсолютным владыкой местного сообщества означал или необходимость бегства, или сдачу на милость победителя, что в обоих случаях закончилось бы одним и тем же — то есть неминуемой смертью. Однако Учитель не видел иного выхода — если бы не желание жителей отдать почести убитой девушке, он бы уже был мертв.

Из задумчивости его вырвал громкий стук. Кто-то молотил металлическим предметом в трубы, окружающие вход в школу, — одновременно и апартаменты последнего Помнящего и его инвалида-сына.

— Я готов! — крикнул он в сторону закрывающего вход старого одеяла, а потом ласково глянул в карие глаза перепуганного парня и, ощерив зубы, показал ему два больших пальца. «Все должно быть хорошо...»

Обнял сына и вывел его из бокса. Оставлять его одного было не слишком разумной идеей. Между людьми он будет в большей безопасности. В туннеле перед школой ждали трое гвардей-

цев. В бледно-голубоватом свете неонки виднелись их фигуры и лица. Лютика сопровождали два наибольших скандалиста в гвардии: ножовщик Декстер и всегда мрачный молчун Дрого. Учитель ухмыльнулся про себя. Новая мода, состоящая в том, чтобы давать прозвища всем, кто вступает в возраст зрелости, обладала своей прелестью.

В первые годы после Атаки родители давали своим чадам обычные имена, однако со временем, когда в туннелях стало тесновато от необычайно популярных среди спасшихся Адамов и Ев, руководители анклавов заметили нарождающуюся проблему. Ситуация требовала разрешения — особенно учитывая, что старые имена и фамилии утрачивали под землей свой смысл. И тогда в одном из южных анклавов ввели упорядочивающее этот вопрос решение, а новость о новом законе молнией разнеслась по всем каналам, попав с караванами даже на край Запретной Зоны.

Новорожденным все еще можно было давать любые предвоенные имена, пусть бы даже странные и чуждо звучащие. Дети носили их до совершеннолетия, когда во время церемонии, в шутку называвшейся «миропомазанием», они выбирали себе подходящее прозвище, которое утверждалось одним из судей и записывалось в хроники. В этом случае заботились лишь об одном — чтобы в анклав не оказывалось двух людей с одинаковым прозвищем. А поскольку функции арбитров обычно исполняли люди, одаренные немалым разумом и чувством юмора, то редко доходило до отказа от предложения миропомазываемого — если то не вступало в конфликт с упомянутым условием.

Точно так же было и с тремя этими гвардейцами. Марцин, сын одного из самых отважных собирателей, в детстве носивший цветные рубахи, родными был назван Лютиком. Его товарищ Анджей, оставшийся в раннем детстве сиротой и воспитанный гвардейцем, работал ножом, как никто из детей, а потому никого не удивило, что он принял имя героя одного из популярных рассказов, плетущихся у костров, из тех, что базировались на известных предвоенных сериалах. Схожим образом произошло и с Дрого, хотя его случай оказался сложнее: отец этого хму-

рого верзилы, один из первых торговцев анклава, заламывал на все, что предлагал в своей лавке, несусветные цены и когда услышал, какое прозвище выбрал себе его старший сын, принял горячо протестовать, не до конца уверенный, действительно ли имя это происходит от кхала из «Игры престолов», или же оно — скрытая издевка насчет его живодерства.

В первые годы после Атаки такие правила казались забавными, однако нынче никто не видел ничего смешного в том факте, что известный своей любовью к блестяшкам сын шорника и толстой кухарки после миропомазания сделался Бендером. Для большинства обитателей анклава, рожденных уже под землей, это были обычные имена, лишь немного разнящиеся с теми, что использовались до войны.

— Ты идешь? — сухое ворчание вырвало Помнящего из задумчивости.

Гвардейцы начинали нервничать. Переглядывались неуверенно, словно не зная, что им нужно делать. Этот момент раздражения напомнил Учителю, что Белый выслал за ним самых верных и слепых последователей. Парней, которые без раздумий сделают все, что он им скажет. Неужели предводитель так сильно боится публичного столкновения, что решил убрать противника, прежде чем дойдет до расправы? Чем дольше Учитель задумывался над этим, тем более правдоподобным ему казалось, что альбинос может что-то крутить.

К этому времени все жители анклава наверняка уже собрались в главном туннеле. Согласно закону, выбор двенадцати справедливых должен состояться до прибытия сторон процесса. Идеальный момент, чтобы решить дело вдали от заинтересованных глаз.

Учитель сунул руки в карманы «моро» и сверху вниз глянул на гвардейцев. Те оказались хороши. Им хватило пары мгновений, чтобы совладать с рефлексам. Дрого неспешно жевал кусок сушеного крысиного мяса. Декстер протяжно зевал — как тот, кого едва-едва разбудили. И только Лютик, с отвращением криясь, махнул нетерпеливо рукой, подгоняя Помнящего и его сына.

— Уже время, — рывкнул он.

Учитель даже не шевельнулся.

— Мне не нужен эскорт. Я знаю, как попасть на суд,— бросил он, глядя бывшему ученику прямо в глаза.

— Ну, раз так...— не смутившийся гвардеец отступил на шаг, словно давая ему проход.— Прощу.

— Идите вперед,— предложил равнодушным тоном Помнящий.

Они не сдвинулись с места. Переглянулись со значением, словно поняв, что он предвидел их планы. Все больше подробностей указывало на то, что они получили от Белого очень конкретные приказы. Учитель же не намеревался облегчать им работу. Если хотят убрать его до процесса, то им придется изрядно попотеть. И на этот раз он был вооружен и готов к столкновению.

— Если бы мы пришли тебя убить, ты был бы уже мертв, старичок,— буркнул раздраженно Декстер.

— Если бы вы попытались меня убить, мне бы не пришлось слушать ваш скулеж,— ответил он гордо, сжимая пальцы на тяжелых четырехлучевых сюрикэнах. Каждой рукой Помнящий держал по паре убийственных «звездочек».

Распоротые карманы «моро» давали возможность дотянуться до спрятанного на поясе оружия так, чтобы противник об этом не знал. Сделай гвардейцы первый ход, и по крайней мере один из них, а то и оба — при толике счастья — будут серьезно ранены. Помнящий холодно просчитывал ситуацию. Сперва оттолкнет Немого, чтобы с ним случайно ничего не произошло, потом постарается убрать Декстера. Этот чертов забияка с улыбкой ребенка был самым опасным и самым быстрым из всей троицы, но от двух одновременно летящих «звездочек» уклониться он не сумеет. Следующей целью станет Дрого, стоящий на расстоянии пинка. Удар ботинком в висок выведет верзилу из строя — или хотя бы оглушит. Это даст время на то, чтобы атаковать стоящего дальше остальных Лютика.

— И чего вы, соседи, ждете?

Четверка переглядывающихся мужчин замерла. Вход находящейся шагах в двадцати кузницы перекрыла коренастая фигура единственного кузнеца анклава.

— Да в общем-то, ничего, Станнис, — ответил Учитель, вытягивая пустые руки из карманов.

Он соскочил на нижний уровень и помог сойти сыну, мельком заметив гневные взгляды, которые Дрого и Декстер послали побледневшему Лютику. Идиот не проверил, пустые ли соседние боксы, из-за чего вся операция пошла прахом. А кому-то же придется за это отвечать...

Помнящий и его сын оставили молчащих противников за спиной и быстрым шагом подошли к закрывающему кузницу соседу.

— А ты отчего не на собрании? — спросил притворно радостным тоном Учитель, когда они пожали друг другу руки.

Станнис зыркнул на проходящих мимо гвардейцев.

— Меня такие представления не притягивают, — обронил он.

ГЛАВА 4

СУД

Шум стих, когда обвиняемый появился в туннеле и, оставив сына в толпе, соскочил с помоста, чтобы встать перед двенадцатью справедливыми. Белый, который прибыл минутой раньше, не сумел скрыть растерянности при виде иронически улыбающегося Учителя. Морщинка на лбу Помнящего лишь углубилась, когда он приметил держащихся по краям разъяренных гвардейцев. Он делал вид, что не смотрит в сторону молодого вождя, однако внимательно следил за каждым его движением, а потому от его внимания не ушел немой вопрос, обращенный в сторону Лютика и остальных. Едва заметный жест подтвердил: подозрения были небезосновательны. И понял он еще кое-что: выигрыш в начавшемся процессе будет означать конец его спокойной жизни в анклав.

Альбинос решил убрать Учителя из сообщества, в котором он правил. Может, сделал он это по чьей-то подсказке, а может, из-за обычного страха. Несмотря на причины, одно можно было сказать наверняка — мерзавец имел возможность и средства, чтобы добиться своего. А значит, он уберет предполагаемого врага — если не открыто, то скрытно, как и решались такие дела когда-то, во времена, когда основы подземной цивилизации лишь закладывались.

Учитель глянул на собравшихся перед ним людей. Обитатели анклава уже давно заняли места на длинных лавках. Было их раза в четыре меньше, чем годы назад, когда трибунал создавали, но все еще оставалось достаточно много. Более полусотни человек, которых Учитель с вытатуированными на виске линиями знал с самого их детства. Подавляющее большинство присутствующих здесь обитателей анклава прошли через его школу. Потому он видел, как они росли, как теряли близких, а порой и здоровье. Был он для них авторитетом, а нередко — почти вторым отцом. Они ему верили, слушали его поучения и советы, а теперь он стоял перед ними как обычный преступник. Униженный, но все еще свято убежденный, что не совершал ничего дурного.

Двенадцать справедливых уселись на стулья, принесенные в туннель из зала аудиенций. Лишь пара метров отделяла их от фактического палача и его жертвы. Учитель спокойно рассматривал бледные лица присяжных. Альбинос наверняка имел три голоса, поскольку именно столько гвардейцев было отобрано, а ворон ворону глаз не выклюет, как гласила старая пословица. Еще два человека — санитар Грязный и кузина Ловкачки фильтровщица Трашка — могли, хоть и не должны были, перейти на сторону вождя. Остальные справедливые казались достаточно независимыми и честными, чтобы не поддаться прессу. Собиратели Ксаврас и Эйнштейн, надсмотрщица на ферме крыс языкастая Аннека, шорник Геральт, заведующая копильней, хромая, но все еще гордая Бона, столяр Струг и толстяк Гордый, делающий лучшие мачете от Запретной Зоны до самого Нового Ватикана, — все они не слишком любили нового предводителя, о чем охотно, пусть и не слишком громко, говорили. А значит, расклад сил в самом начале оказывался для Учителя полезным, о чем должен был знать и его противник тоже.

Судьей стал Вуко, бородатый двадцатидвухлетний парень с фигурой и внешним видом нордического грабителя, а одновременно — один из умнейших людей, встреченных Помнящим во вроцлавских каналах. Он тоже казался гарантией справедливого приговора.

Процедура была простой, как и большая часть законов подземного города. Арбитр сперва постучал деревянным молотком по толстой доске, чтобы обратить на себя внимание собравшихся, а после указал пальцем на Белого, приглашая его взойти на кафедру.

Альбинос занял место и без колебаний пошел в атаку. Говорил длинно, красочно и подробно, описывая все, что случилось на последнем подманивании, и само происшествие. Однако, противу ожиданий, не сказал ничего, о чем не говорил раньше в зале аудиенций. Обвинил он Помнящего в недосмотре, из-за которого он, предводитель, утратил любимую. Так хорошо вжился в роль оскорбленного, что чуть было слезу не проронил над трагичной судьбой Ловкачки. Однако в последний момент сдержал себя — как видно, не хотел, чтобы соратники посчитали его плаксой. Эта игра не ускользнула и от внимания справедливых.

Когда он закончил, наступила очередь Учителя. И он повторил то, что говорил раньше альбиносу. Признал, что при расчете безопасного расстояния мог пропустить несколько подробностей, но сделал все, чтобы позаботиться о манках. Рискуя жизнью, наблюдал за гнездами нескольких стай шариков, просидел на поверхности много часов, причем все — в свободное время, используя его не для собственной выгоды, а лишь в надежде, что анклав получит источник дополнительного мяса и корма для крыс. Был убежден, что в плане его нет слабых точек. Да и ловушка подействовала безупречно. В конце он добавил, что, несмотря на его отчаянные просьбы, предводитель не желал согласиться на расспрос ножовщиков, а это имело немалое значение для выяснения обстоятельств будущего дела и, возможно, позволило бы избежать этого непростого процесса. Ошибку в расчетах, если она была, необходимо поскорее убрать, если уж ловушке в полуразрушенном доме суждено продолжать действовать. Во время своего выступления Помнящий не давал присяжным понять, что Белый намеренно пытался загнать его в безвыходную ситуацию, а потом — уничтожить. Боялся, что никто ему не поверит. Ведь никаких доказательств того, что аль-

бинос все подстроил, не было — точно так же, как он не мог сказать со всей уверенностью о подозрениях, связанных с троицей гвардейцев, которые должны были «сопроводить» его в главный туннель.

На этом закончилась первая часть процесса. Во второй давали показания ножовщики, принимавшие участие в этом подманивании. Шестеро из них не сказали ничего нового — все случилось, когда они уже спустились в колодец. Двое других чуть более подробно описали последние минуты Ловкачки, но это тоже прояснило немного. Ведь работающие на поверхности ножовщики смотрели, главным образом, вниз, а потому не видели момента, когда тварь прыгнула на девушку. О том, что что-то пошло не так, они узнали, только когда огромная тварь грохнулась на заостренные прутья сразу за их спиной. Лишь тогда они взглянули вверх и увидели колыхающийся на веревке торс Ловкачки и подползающего к нему Белого. Нет, как им запомнилось, девушка висела близко к противоположной стене. Судя по брызгам на побелке, после удара она могла даже раз-другой столкнуться со стеной. Да, ее карабинчик для перемещения стоял где-то метрах в двух от пометки на канате. В этом оба они были уверены.

Учитель выспрашивал сперва одного, потом второго насчет мельчайших подробностей. Он дважды прогнал их через вопросы, в надежде, что запутаются в деталях, но нет, они всякий раз повторяли одно и то же, подтверждая версию альбиноса. Знал он их хорошо, смотрел им в глаза, но не заметил ничего, дающего понять, будто их заставили повторять заученные слова. Все указывало на то, что говорят правду.

Белому не было нужды вызывать никого из свидетелей, но он поймал врасплох всех, включая Помнящего, вызвав из толпы Бендера. Гвардеец соскочил на более низкий уровень, поклонился судье, а потом, после короткого мига колебания, с явной опаской открыл плоскую металлическую коробочку от слив в шоколаде, которую держал в руках. Альбинос кивнул в сторону справедливых. И тут же им предъявили содержимое коробки. Бендер медленно обнес ее вдоль ряда стульев, останавливаясь

перед каждым присяжным, чтобы тот мог спокойно заглянуть внутрь.

Учитель не знал, что находится на белой тряпице, выглядывающей над краем коробки, но выражения лиц присяжных подсказали ему: там находится нечто, могущее склонить вердикт не в его сторону. Громко сглотнул, когда гвардеец развернулся и двинулся в его сторону. Несколькими секундами позже он вытаращил глаза, как и все справедливые раньше. Бендер показал ему изуродованный зародыш. У трехсантиметрового эмбриона были черные глазки, выступающие ручки и ножки, вдоль его изогнутого хребта сквозь тоненькую кожу просвечивали крохотные точки позвонков. Это был ребенок... Ловкачки?!

Помнящий медленно выпустил воздух из груди. Проведя взглядом гвардейца, он взглянул на справедливых. «Худо дело. Мерзавец зашел с козырей и теперь как пить дать выиграет процесс». Это казалось предрешенным, но хватит ли заигрываний с мертвым эмбрионом, чтобы присяжные согласились с наказанием, которое предложил Белый? Несомненно, он приготовил все это представление с зародышем с единственной целью — потрясти этих бедных людей и склонить их в миг их слабости к тому, чтобы поддержали его проклятую жажду мести.

Учитель расправил плечи и поднял голову. Приближался кульминационный момент расправы. Вуко поднял с земли треснутый круглый аквариум. Установил его на постамент, который находился перед рядом стульев, потом принес туда небольшую коробку и встал так, чтобы не заслонять стеклянную емкость.

— Справедливые, вынесите вердикт! — потребовал.

В этом суде не было длинных совещаний, необходимых для того, чтобы добиться единого для всех приговора. Присяжные по очереди подходили к судье, показывали ему выбранный из коробки камень — белый, если считали обвиненного невиновным, или черный, если, по их мнению, вина была бесспорной, — а потом клали его в стеклянный шар, чтобы всякий житель анклава мог убедиться, какое решение принято. В каналах не было места для скрытности и секретов.

Помнящий считал камни. При девятом голосе он уже знал, что проиграл. Только два были белыми, остальные имели цвет смолы.

— Десять обвиняющих и два — оправдательных,— заявил судья после окончания голосования.

Сам он удержался от голосования. Кодекс давал ему такую возможность. Приговор выносился — так или иначе. Этот — был почти единогласным, а потому дополнительный камень ничего не изменял. Когда присяжные снова заняли свои места, Вуко опорожнил аквариум, вновь всыпал камни в коробку, после чего повернулся к Белому.

— Какого наказания ты требуешь? — спросил.

Альбинос ответил лишь после паузы. Сперва он окинул ненавидящим взглядом стоящего рядом Учителя.

— Закон наш говорит отчетливо: око за око, зуб за зуб,— он заговорил притворно слабым голосом, но от фразы к фразе, от слова к слову к нему возвращался пафос.— Это простое условие, согласно которому смерть нужно карать смертью, увечье — увечьем, а каждой из жертв мы обязаны полностью восполнить нанесенные обиды. Так говорит кодекс,— он услышал шум, раздавшийся со стороны жителей и даже справедливых, а потому поднял руку, словно желая утихомирить собравшихся.— Не я придумал эти законы, но сам обвиняемый! — добавил он, указав пальцем на Помнящего.— Я был ребенком, когда он и мой отец писали законы анклава, по которым все мы нынче живем.— Он сделал шаг вперед; театральный жест, ничего больше.— Око за око, зуб за зуб,— повторил несколько тише.— Так было некогда, но... — он замолчал на мгновение.— Но я хочу это изменить. Не будет смерти за смерть...

Вуко чуть склонил набок голову.

— И какого наказания ты желаешь? — повторил он, бесцеремонно обрывая тираду вождя.

Белый смерил его яростным взглядом, но проглотил оскорбление. Судья был прав: кодекс явственно требовал в этот момент конкретного решения, а не очередного выступления, должного повлиять на зрителей и справедливых.

— Я желаю, чтобы ответом на смерть Ловкачки и моего ребенка стал отзыв привилегии Немого. Желаю, чтобы сын Учителя с этого времени работал, как мы все.

— Но ведь он работает,— не выдержал Помнящий, поворачиваясь к Справедливым.— Каждый день он помогает мне в школе, а кроме того дежурит на крысиной ферме,— он указал пальцем на толстошекую блондинку.

— Я говорю о его освобождении от труда на поверхности,— нажал Белый.

— Не требуешь, говоришь, ока за око? — произнес иронически Учитель, поворачиваясь к альбиносу и невольно сжимая кулаки.— Не будет смерти за смерть?!

Вуко тут же встал между ними, спиной к вождю.

— Замолчи,— предупредил, не повышая голос.— Подашь голос, лишь когда получишь позволение.

Человек с татуировкой на виске послушно замолчал. Он сам разрабатывал эти правила, а потому — не должен их ломать, особенно сейчас, когда судили его. Поразмыслив, он также решил: если он сохранит спокойствие в столь непростой ситуации, то справедливые могут прислушаться к нему. Ведь судья позволит ему взять ответное слово. Так гласил закон анклава.

Вуко вернулся на свое место, подав Белому знак продолжать.

— Я потерял слишком много, а взамен желаю лишь, чтобы в моем анклавe все стали равны перед лицом давным-давно установленно-го закона. Всякий из вас рискует каждые несколько дней собственной жизнью — как и я сам, а потому я не вижу причин, по которым ублюдок Учителя должен быть выведен из-под этого закона.

— Я забираю у тебя слово! — судья утихомирил предводителя, а потом обернулся к Помнящему:— Говори. Но предупреждаю: один призыв — и он окажется последним, что ты скажешь во время этого суда,— он зыркнул на альбиноса: — Условие касается обеих сторон.

Учитель принял это напоминание кивком. Белый не отреагировал на упрек никаким видимым способом.

— Мой сын — калека. Он не слышит и не говорит от рождения. Он отстает в развитии, это правда. Отослать его на поверх-

ность — это обречь его на смерть, вынести ему приговор. Вам прекрасно известно, что инвалид не выживет там ни дня. Если хотите вынести справедливый приговор, накажите его работой на динамо. Даже двойной сменой, — он предлагал действительно тяжелое наказание. Крутить педали по несколько часов в день в душной камере — настоящая каторга, однако мучение это не продлилось бы долго. Неделя, самое большое — две, поскольку столько времени потребовалось бы ему, чтобы организовать бегство или избавиться от альбиноса.

Белый слегка улыбнулся, рука его вежливо поползла вверх, словно он сидел в классе. Вуко кивнул, позволяя ему взять слово.

— Другое правило, написанное рукою обвиняемого в том самом кодексе, приказывает избавляться от любого из детей-калек сразу после его рождения. И многим из вас пришлось выполнить этот суровый закон. Не далее месяца назад Голова положил на жертвенный камень свою доченьку, — альбинос протянул руку в сторону зрителей, указывая на сгорбленного, мрачного мужчину. — И стал бы кто выслушивать ваши просьбы, захоти вы сберечь порченого новорожденного? Нет, не позволили бы вам чего-то подобного, поскольку именно так и гласит наш закон. Мой ребенок, будь у него шанс прийти в мир, тоже подчинился бы этим суровым предписаниям. Потому я говорю четко: хватит привилегий. Равные права для всех!

Помнящий мысленно выругался. Если бы даже справедливые хотели оставить желание предводителя без внимания, после такого заявления — не сумели бы этого сделать. Если уж дело повернули подобным образом, то Учитель оказывался в оппозиции не только по отношению к Белому, но и по отношению к остальному сообществу. Подарить жизнь Немому означало необходимость выслушивать пожелания родителей любого ребенка-калеку, а следовательно — отказ от одного из фундаментальных правил анклав. Потому справедливые проголосуют так, как необходимо альбиносу, даже если сделают это с болью в сердце, а Учитель не сумеет их за это винить. Проклятый мерзавец снова выставил его на смех. А значит, остается ему один выход...

Он лишь ждал момента, когда Вуко снова передаст ему слово.

— Я с покорностью принимаю желание нашего нового председателя,— выдавил из себя Учитель, вызвав удивление у всех, даже у Белого.— Прошу лишь о трех днях, чтобы суметь приготовить моего сына для работы на поверхности.

Альбинос покачал головой, поглядывая на судью, словно требуя слова, однако Вуко был непримирим.

— Ты сам сказал, что хотел бы отступить от правила «око за око и зуб за зуб»,— напомнил он ему.— А послать парня наверх без подготовки равнозначно смертному приговору.

Белый опустил голову, не желая, чтобы справедливые заметили, насколько он разъярен. Когда же он снова встал ровно, лицо его напоминало каменную маску.

— Я согласен с условием обвиняемого.

Судья обернулся к присяжным.

— Обвинитель желает кары уничтожения привилегий для сына Учителя. Однако готов дать ему три дня для приготовления к работе на поверхности,— заявил он.— Приступаем к голосованию.

На этот раз все камни были черными.

ГЛАВА 5

СОН

Из полутьмы проявилось лицо умирающей женщины. Локоны светлых волнистых волос заслоняли ее лоб по самые брови. Полуоткрытый рот наполнялся темной пенной кровью. Сильно подведенные глаза раскрывались все сильнее, стекленея. Грудь, обтянутая ярко-желтой блузкой, застыла на половине хриплого вдоха. Из простреленной щеки все еще поднималась струйка синего дыма.

* * *

Вспотевший Учитель сел на постели. Опершись на распрямленные руки, он тяжело дышал, уставившись в окружающую его тьму египетскую. Кошмар, который долгие годы не позволял ему спокойно спать, вернулся! И он все еще оставался настолько же реальным, настолько же отчетливым, словно касался переживаний последних часов, а не времен дня Атаки.

«Спокойно, только спокойно». Помнящий взял себя в руки. Несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоить дыхание, а потом прикрыл глаза. Когда кровь в ушах перестала пульсировать, он лег снова, ткнувшись головою в мокрую от пота, набитую комками перьев подушку. Непроницаемая темнота и гробовая тишина обостряли его чувства, и так уже бывшие на пределе.

Лежащий неподалеку Немой чмокнул губами сквозь сон, а несколькими секундами позже шевельнулся беспокойно. В остальном же вокруг школы царил ничем не нарушаемая тишина. В «промышленном районе», как шутливо называл это ответвление канала Станнис, жизнь замирала сразу после «сумерек», когда механические, все еще рабочие часы отбивали полночь. Даже здесь, под землей, где царил вечный мрак, люди старались жить согласно старому делению времени на предельно условные для них день и ночь.

Обитатели школы были единственными людьми, остававшимися в этой части анклава после того, как приходила ночь. Разве что кузнец слишком много выпивал в последнем местном кабаке. Его жена, Ахайя, в такие моменты бывала неумолима — и ему приходилось ночевать в кузнице, пока он не мирился с ней, а такое занимало порой и пару дней. Во время подобных — редких, к счастью, — ночей стены из гофрированной жести сотрясались от доносящегося из его мастерской басовитого храпа. Остальные ремесленники обладали большей властью в собственных домах, или же их глотки не раздражали работающим на полных оборотах лесопилкам: по крайней мере, даже если они и бывали на улочке после сумерек, Учитель не имел о том ни наименьшего представления.

Чтобы выгнать из головы кошмар, нужно было сосредоточиться. Подумать о чем-то, что могло выдавить из памяти мрачные воспоминания. О чем-то, что не станет, к тому же, напоминать и о вчерашнем дне...

Смотреть в непроглядную тьму — это успокаивало Помнящего. Этим он отличался от большинства выживших, поскольку тьма, наполнявшая туннели, вселяла в них ужас. Это оказалось очень заметным сразу после Атаки. Именно тогда произошел первый серьезный отсев. Отчаявшиеся люди не выдерживали сидения в тесных, вонючих и темных каналах. Они ломались и, не слушая никого, даже родных, покидали относительно безопасные укрытия, возвращаясь на зараженную поверхность. Большинство из них не видели больше никогда, а тех немногих, которые пытались потом вернуться, просто-напросто не впускали. Поскольку те оказывались слишком больными, чтобы вновь допускать их

к гнездящимся под землей уцелевшим. Приходилось им оставаться на поверхности и умирать среди моря руин, невзирая на то, оставались ли в каналах их родные или нет. Не все желали принять это к сведению, а потому кровь продолжала проливаться.

Учитель сделал вдох поглубже, вспоминая те мрачные времена. Сгрудившиеся в тесных каналах люди радовались, словно дети, когда земля перестала трястись, когда смолк доносящийся с поверхности рев и до всех наконец дошло, что они пережили ядерную войну. Мало кто допускал тогда, что им придется провести остаток жизни в туннелях, по которым еще недавно сливались в Одер нечистоты и дождевая вода. К счастью для остальных уцелевших, среди них были и те немногие, кто не только допускал подобные мысли, но и знал, что делать, чтобы выживание в подобных условиях вообще оказалось возможным. Именно они и начали налаживать жизнь здесь уже в первые дни после Атаки.

Бывшие солдаты, полицейские, политики и даже обычные бандиты. Желających захватить власть над растерянными толпами после упадка цивилизации оказалось немало, но не им впроцлавцы могли быть благодарны за новый порядок, хоть и нельзя было преуменьшать ту роль, которую самозванные командиры сыграли в организации и мотивировке выживших. Это благодаря их отчаянным усилиям многие из участков тоннелей так быстро очистили и изолировали. К счастью — если можно так выразиться — для изолированных под землей людей, догорающие руины почти на два года оказались скованными льдами ядерной зимы. Прежде чем мерзлота отступила и в каналы снова начала стекать все еще сильно радиоактивная вода, многочисленные шлюзы и плотины закрыли ей доступ к части подземелий, в которых жили уцелевшие. Однако это был лишь первый акт представления, называемого борьбой за выживание.

Истинных героев тех времен называли — еще до войны — препперами, поскольку те утверждали, что готовы к любому катаклизму, в том числе к зомби-апокалипсису и к ядерной войне. Над ними подшучивали на каждом шагу, их высмеивали на главных медиа-каналах, их воспринимали как неопасных безумцев, но уже через несколько месяцев после Атаки, когда

начали заканчиваться добытые на поверхности запасы, эти люди сделались богами подземелий. Только они и знали, как очищать воду, только они и умели делать новые фильтры для противогазов, только благодаря им можно было добыть неотравленную еду. Это благодаря им выжила цивилизация.

Когда бы не немногочисленные препперы и их знания о постапокалиптическом мире, сейчас не было бы анклавов. И как знать, возможно, не осталось бы самих людей.

Помнящий провел кончиками пальцев по виску и по украшающим его линиям. Татуировка и свербящий порой шрам напоминали ему о чуть более позднем, хотя и не менее бурном периоде, когда он состоял в отряде охраны одного из таких странствующих мудрецов. Более года они вместе ходили каналами Вроцлава, проводывая новые и новые группки и впитывая знание, которым преппер так охотно, пусть и не задаром, делился со всеми. То самое знание, благодаря которому какое-то время спустя он и сам сделался Учителем. То самое, которое ему придется использовать сейчас, чтобы уберечь спящего на соседней постели сына. Мысль эта опасно приблизила его к видению, от которого он столь отчаянно пытался сбежать.

Если он не справится, старый кошмар сменится новым или, кто знает, не придется ли ему бороться тогда с двумя сразу... Он вздрогнул, словно кто опрокинул на него ведро холодной воды. За три дня он не сумел бы подготовить для работы на поверхности и полностью здорового человека, что уж говорить о глухонемом, да еще и отстающем в развитии парне, который и руины-то видел только по наибольшим праздникам. Помнящий знал об этом с самого начала, с того мгновения, как открыл рот, чтобы просить об отсрочке приговора.

Что бы там ни думали себе присяжные, это время было необходимо ему, чтобы подготовиться к расправе над Белым и его прислужниками. Поскольку без боя сдаваться он не собирался. Если уж придется ему отсюда уйти, то сделает он это в своем привычном старом стиле, бродя по колени в крови, по телам умирающих врагов. Альбинос на собственной шкуре убедится, чем грозит дразнить Черного Скорпиона.

ГЛАВА Б

КУЗНЕЦ

Шестнадцать чуть заржавевших сюрикэнов, много лет назад вырезанных из полуторамиллиметровой закаленной стали. Трофейный штык. Три ножа — два тяжелых, топорной работы, изготовленных ремесленниками каналов, и оригинальный «кизляр-акула», еще довоенный. Вытравленная на его клинке акула уже слабо заметна, но до блеска отполированная рукоять из настоящего орехового дерева все еще лежит в ладони как влитая. Еще — почти метровый мачете с изящным клинком. Так выглядел собранный на одеяле арсенал, с которым Учитель собирался отправиться на врага. Разобранный на части и завернутый в промасленные тряпки служебный «глок» он не считал. Последний патрон он выпустил семь... нет, уже восемь лет назад. С сожалением взглянул на лежащий рядом с пистолетом кожаный мешочек с гильзами и на кусок свинца. Огнестрельное оружие — без пороха — могло пригодиться самое большое для оглушения противника.

Учитель замер над разложенным оружием, когда Немой заворочался в постели. Парень чмокнул, громко всхрипнул, но такое с ним бывало, — а потом размашисто перевернулся на левый бок. Спал он столь спокойно, поскольку ничего не знал о планах отца. Помнящий не сказал ему, чего на самом деле касался суд,

за которым Немой следил, стоя в задних рядах зрителей, чтобы не суметь прочесть движений губ судьи и альбиноса. Впрочем, даже зная он о содержании их беседы, все равно не дошло бы до него, что означает приказ работы на поверхности. Ему это показалось бы очередным приключением, развлечением, как и все прочее до настоящего времени. А Учитель предпочел бы, чтобы парень до последнего момента оставался не в курсе, что должно произойти не далее как через пару ночей. А может, даже и раньше, если Белый не посчитает необходимым выполнить решение, вынесенное двенадцатью справедливыми. А такое было возможно, и даже куда как вероятно, если он уже дважды пытался избавиться от Помнящего.

Учитель глянул в сторону выхода — умело сплетенная сеть из бечеvy и ржавых банок не сумела бы удержать вероятных нападающих, но вызвала бы такой шум, что закончить их с Белым ссору тайно не получится. У этого бокса, в отличие от апартаментов, находящихся в обитаемых коридорах, крыша была сделана из такой же гофрированной жести, что и стены. Помнящий всегда слыл очень осторожным и предусмотрительным человеком, поэтому с самого начала настаивал, чтобы школу выстроили закрытой конструкцией, как все мастерские и находящийся на противоположном конце транзитного туннеля кабак. Уцелевшим, которые протестовали против расхода ценных стройматериалов, — а были это времена, когда в анклавe в достатке были лишь люди, а всего остального не хватало, — он предоставил очень простое и логичное объяснение: детишки порой изрядно чудят, а доставка нового комплекта учебников, по которым те так неохотно учатся читать, считать и писать, потребует организации нескольких серьезных экспедиций на зараженную поверхность. Он не врал и даже ни капли не преувеличивал. До войны в окрестностях анклава не было ни одной школы, а в выжженных жилых домах над каналом, пожалуй, не уцелело ничего, что могло бы гореть. Более упорным оппонентам он предложил купить запасной комплект книжек у странствующих торговцев. Идея эта пришлась людям по душе еще менее, поскольку купцы на границы Запретной Зоны заглядывали все реже и все дороже

просили за доставку туда заказанных товаров. Расчет оказался верным, и Помнящий быстро добился своего.

Но дело было вовсе не в шалящих малолетках. Школа должна была стать его крепостью на тот случай, если его однажды настигнут призраки бурной его молодости, а грязи под его ногтями было побольше, чем у иного мусорщика под конец смены. Однако и в самых ужасных видениях ему и в голову не приходило, что буквально через несколько лет ему придется обороняться от сына человека, которому он на блюдечке преподнес безграничную власть.

Из задумчивости его вывело тихое, неритмичное похрустывание. Кто-то приближался к школе. Кто-то не собирающийся скрывать свое присутствие. Минутой-другой позже до слуха донесся еще один, более громкий и отлично знакомый звук. Кто-то чихнул; раз, а через миг — и второй. Неужто Станнис прибыл в очередное изгнание?

Помнящий накрыл лампу жестяным колпаком, подождал несколько секунд, пока взгляд не привык к темноте, и, подползши к стене, отвел тряпку, заслонявшую отверстие в жести, чтобы выглянуть наружу.

Станнис, пошатываясь, стоял шагах в двадцати от кузницы. Его было хорошо видно в некоем подобии лунного света, отбрасываемого колонией неонки: те уже довольно давно захватили транзитный туннель и разрастались теперь в самых дальних уголках анклава. На текущий момент синеватые светящиеся полусферы доходили уже до стены мастерской шорника: еще год-другой, и весь промышленный район будет светиться, словно кожа на заднице облученного мутанта.

Кузнец ощупывал карманы, словно в поисках чего-то. Недавно он пыжился, словно павлинорог, когда выцыганил у сталкеров огромный, пусть и запертый замок, полученный от них вместе с вырванной скобой. Еще сильнее начал он задирать нос, когда через несколько недель ему удалось сделать ключ. С той поры он закрывал кузницу на замок и уходил в темноту, не опасаясь, что в подземной «ночи» кто-то сумеет что-либо оттуда стащить. Воровство в анклавe все еще случалось — хоть в по-

следнее время сделалось редким, поскольку Белый, как делал это и его отец, приказывал гвардейцам патрулировать все туннели. Ночами — тоже.

Даже в таком скупом свете было видно, что у кузнеца серьезные проблемы не только с поисками ключа, но и с открытием кузницы. А поскольку неудачи ужасно его раздражали, особенно когда он бывал выпившим, приближался неминуемый момент, когда анклавный Вулкан взорвется и это закончится — как, впрочем, и всегда — немалым переполохом и скандалом. И тогда — не впервые, кстати, — в закоулок придет патруль гвардейцев.

Учитель тихонько выругался. Предпочел бы, чтобы люди Белого держались как можно дальше от этого места, особенно теперь, посреди ночи. Он подозревал, что Декстер и остальные попытаются закончить работу, воспользовавшись сумятицей. Альбинос наверняка сухой нитки на них не оставил, а зная запальчивость молодых сторонников предводителя, можно было ожидать от них худшего.

Потому выбор оказался предельно прост. Помнящий осторожно отстегнул часть шнурков, блокирующих вход, протиснулся сквозь отверстие и, отведя в сторону одеяло, вышел наружу. Станнис еще не закончил обыскивать самого себя. Занятый поисками ключа, он не обратил ни малейшего внимания на приближающегося соседа.

— Какие-то проблемы? — спросил Учитель, остановившись в нескольких шагах от пьяного до синевы ремесленника.

Стоящий спиной к нему кузнец сперва выпрямился, а потом осмотрелся вокруг — не вполне в сознании, словно пытаясь найти источник таинственного голоса.

— Ахайя? — пробормотал неуверенно, сражаясь с заплетающимся языком. — Шо ты тут д'лаешь, ж'щина?

— Ты что, уже соседа от жены не отличаешь? — засмеялся Помнящий. — И с чего это ты нынче напился, человеке?

— А, это ты! — выдавил Станнис, щеря кривые зубы. — Бр'тишка, ты с неба мне 'пал, — показал на вывернутые карманы. — Был, с'кин сын, а я, черт, не м'гу его отыскать.

— Помогу тебе, если позволишь.

— Будь, бр'т, как у себя д'ма,— пробормотал кузнец, сгибая ноги и упираясь ладонями в край подмостков, на которых стояла кузница. Наполовину полная бутылка, которую он задел рукой, качнулась, но он подхватил ее за миг до того, как она опрокинулась.

— Можно? — Учитель быстро и профессионально обыскал его, но ничего не нашел.

Зато он заметил в бледном отсвете человека, скрывающегося за поворотом стены в туннеле. Кто-то глядел на них из-за угла. Наверняка кто-то из гвардейцев припелся сюда за Станнисом. Или проверял, все ли в порядке, или присматривался к ценной бутылке. При таком-то свете заметно было немногое, но форма бутылки, а прежде всего запах, исходящий от кузнеца, свидетельствовали, что кому-то нынче крепко повезло на поверхности, и он притащил в туннели поллитровку довоенной водки. Ради такого сокровища можно было рискнуть и в морду получить.

— И шо? — спросил Станнис, когда Учитель отступил на шаг.

— И ничего,— честно ответил сосед.— Ключа у тебя нет.

— Сп'рли,— опечаленный ремесленник тяжело присел на ступеньку.

— А может, ты потерял его по дороге или оставил дома? — подсказал Помнящий.

— Сп'рли! — гудел обиженно Станнис.— Сп'рли его, падлы!

Наблюдатель шевельнулся, когда раздались эти слова. Помнящий заметил, что по полу туннеля передвинулась тень. Что интересней, пьяный тоже это заметил.

— Ты, там! Д'вай сюда! — крикнул кузнец, махнув рукой с такой силой, что едва сам не свалился на дно канала.— В'рюга!

Тень исчезла, словно по мановению волшебной палочки. Кто бы ни скрывался за углом, он предпочел уйти прочь с глаз пьяного Станниса и Помнящего. Учитель поступил бы точно так же, но это он сейчас стоял рядом с постанывающим от переполнявших его чувств соседом и не имел другого выхода. Нужно было заняться Станнисом.

— Пойдем,— сказал он, хватая Станниса за локоть.— Переспишь у меня, а завтра поищем ключ вместе.

— Сл'вный ты м'жик,— всхлипнул кузнец, ощупывая кирпичный фундамент в поисках бутылки. Когда ухватил ее за стройное горлышко, дал глотнуть Помнящему.

Лихо покачиваясь, они подошли к школе.

Учитель в последний момент вспомнил о не до конца разобранной страховке и... об оружии, разложенном на одеяле.

— Подожди здесь,— попросил он, пытаясь освободиться из захвата Станниса, но тот не хотел отпускать Учителя. Более того, притянул соседа поближе и шепнул ему на ухо вполне трезвым голосом:

— Спокойно, дружище. Я справлюсь.

Учитель скривился, чувствуя запах подгоревшего крысиного мяса и алкоголя.

— И что ты, человек, тут устроил? — прошипел раздраженно, когда кузнец ему подмигнул.

Станнис не ответил; оттолкнувшись от Помнящего, пошел к кирпичному помосту и принялся неловко на него взбираться.

ГЛАВА 7

РАЗГОВОР

Кузнец был трезв, как стеклышко. Когда одеяло опустилось за его спиной, он сразу же встал ровно и окинул внутренности школы внимательным взглядом.

Накрытая колпаком лампа давала немного света, но и этот слабый отблеск позволил гостю заметить разложенное оружие. Он некоторое время вглядывался в него. А потом, ни с того ни с сего, рыкнул во всю глотку, имитируя пьяное пение:

— Од'н еще и од'н раз! — закончил выступление громким чихом и тяжело свалился на стул.

Скрежет ножек по кирпичному полу был настолько ужасен, что по спине Учителя поползли мурашки.

— Что ты творишь? — прошипел он разозленно.

Станнис кивнул на все еще приоткрытое отверстие в стене.

— Проверь, не вернулась ли та гнида, — прошептал, после чего снова принялся громко и невнятно бормотать.

Помнящий выглянул наружу. В туннеле царила полная тьма и тишина. Гвардеец, если это был один из людей Белого, а не просто любитель дармовой выпивки, отступил вне поле зрения.

— Пусто, как у тебя в башке, — проинформировал он кузнеца.

— Лучше посматривай вокруг, — посоветовал ему Станнис, игнорируя ядовитый комментарий. — И отреагируй же, наконец,

на мои вопли, — добавил с усмешкой, начиная очередной куплет пьяной песенки.

— Да заткнись и ложись, наконец!

Короткого напоминания хватило, чтобы кузнец присмирел и с гоготом потянулся за бутылкой.

— П'сто грамм!

— Давай, только пасть закрой, пол-анклава разбудишь!

— Да ладно...

Увидав вопросительный взгляд гостя, Учитель еще раз зыркнул в дыру в стене и снова покачал головой. Кто бы ни следил ранее за Станнисом, теперь — ушел.

— Нужно поговорить, — чуть позже проговорил кузнец, передвигая стул так, чтобы оказаться на расстоянии вытянутой руки от сидящего на полу соседа.

Откупорил бутылку и глотнул настоящей водки, наслаждаясь ее вкусом. Самогон, который гнали под землей, не мог равняться с предвоенным алкоголем. Даже настоящие викинги имели бы проблему с усвоением канальной бормотухи, а в их-то времена случалось по-настоящему скверное пойло.

«Собиратели давненько уже не находили настолько ценного предмета», — подумалось Помнящему. Последняя бутылка настоящей водки попала в анклав год назад и была продана кузнецу — а как же иначе? — за поднебесную цену в броне и стали. Богатый все может — это правило не перестало действовать и после апокалипсиса, пусть даже деньги и исчезли из оборота.

— Раз считаешь, что мы должны поговорить, — говори, — ответил Учитель, набожно принимая бутылку, на которую ему пришлось бы работать месяц, а то и дольше. — Твое здоровье, сосед! — крикнул он, повышая голос для возможного наблюдателя.

— Вза'мно! — пробулькал Станнис, снова вживаясь в роль подхмеленного забулдыги, а потом, добавил нормальным голосом: — Я пришел, чтобы тебя предупредить...

Помнящий отер запястьем губы. Бутылка, после секундного колебания, вернулась к владельцу.

— Ты мог сделать это утром. Без всякого цирка.

— Может да, может нет,— кузнец сложил руки на груди.— Скажи-ка мне лучше — в нескольких словах — что там с Белым?

Учитель немного подумал:

— Он чувствует угрозу.

— И у него есть на то причины?

— Нет. Я не сделал ничего, совершенно ничего, чтобы поставить под сомнение его статус. Меня власть не интересует.

— А не удивляет тебя, что он, хотя ты и подчинился, все еще пытается тебя убрать? — спросил Станнис, загадочно улыбаясь.

Кузнец был прав.

Это было странно. Очень странно.

— Я сегодня задумался над этим,— признался Помнящий.— Там, в зале аудиенций.

— Тебе не кажется, что он поставил на тебя ловушку?

— Верно.

— А ты на такое не рассчитывал, поскольку оно совершенно не в его духе.

— Верно.

— И если бы мы вовремя не отреагировали...

— ... я был бы уже трупом,— признался Учитель, не сводя с соседа глаз.

«Значит, внезапное появление плакальщиков — тоже твое дело?»

— Я пытался тебя уберечь,— пояснил кузнец, заметив в глазах хозяина вопрос.— Тогда, в зале для аудиенций, и после, перед самым процессом. Я не случайно остался в кузнице Кому-то крайне необходимо тебя убрать.

— Демоны прошлого настигают человека в самый неудобный момент,— обронил Учитель.

— Ты и правда веришь, что кто-то желает отомстить тебе через почти двадцать лет за поступки, которых ты и сам уже не помнишь? — спросил Станнис.

— Ты бы удивился, расскажи я тебе, что я помню до сих пор.

— Хм.

— А кому другому может понадобиться меня убивать?

— А это, дружище, вопрос, на который я все еще ищу ответ...— кузнец собрался с мыслями, прежде чем заговорить снова, переходя, собственно, к главному.— Я проверил, как все было. Там, на поверхности. Ты не несешь ответственности за несчастный случай с Ловкачкой.

— Хочешь сказать, оба свидетеля врал? — удивился Учитель.

Он бы голову поставил на кон, что ножовщики говорили искренне, не утаивая ничего. Годы практики научили его отделять правду от лжи.

— Нет, они не врал, — Станнис отпил небольшой глоток водки, скривился, словно на этот раз она не пришлась ему по вкусу, а потом громко рыгнул и снова загоготал, словно обычный пьяница, одновременно указав на дыру в стене. Помнящий окинул взглядом пустой туннель, после чего выжидающе глянул на гостя.

— Не понимаю, — прошептал.

— Речь о перспективе. Белый и Ловкачка висели у них над головой. Парни были настолько испуганы нападением шарика, что не обращали внимания на несущественные, с их точки зрения, подробности. Ты бы тоже ошибся, лейся тебе на голову кровь и падай кишки...— кузнец содрогнулся, автоматически поднимая к губам бутылку.— Слушая их, я чувствовал неладное. А учитывая, что Белый вот уже несколько дней к чему-то готовился...— он вскинул руку, видя, что Помнящий открывает рот.— Не перебивай меня, пожалуйста. К этому мы тоже доберемся, но пока — сосредоточимся на причинах несчастного случая. Как ты наверняка знаешь, после каждой охоты мне приходится проверять, не слишком ли погнулись прутья арматуры и не затупились ли они. Согласно с правилами...

— Знаю, — прервал его Учитель.— В конце концов, я ведь сам их разрабатывал. Ты мог бы и к сути перейти.

— Ага, конечно. Коротко говоря, Ловкачка погибла не потому, что шарики теперь прыгают дальше, и не потому, что выехала за ограничитель. Убила ее гордыня и собственная глупость. По моему скромному мнению, ее веревка начала опускаться с того места, где лютвала уцелевшая тварь. Сделала это, не ожидая,

пока сука-вожак отойдет. Этих пары метров хватило, чтобы... — он показал руками вероятное течение событий.

— Как это? — спросил Помнящий, протягивая руку к ополовиненной бутылке.

— Не пей так мн'го! — проревел Станнис, видя, что на этот раз хозяин приложился к горлышку всерьез. — Отда-ай!

— На, алкаш, только пасть закрой, а? — рявкнул и Учитель, дезориентированный этой внезапной вспышкой, и отдал водку владельцу.

— Оба ножовщика признались, что верхняя половина тела Ловкачки, после того как она была разорвана шариком, удари-лась о стену, — напомнил кузнец, смерив взглядом уровень иде-ально прозрачной жидкости.

— Да, якобы на побелке остались брызги.

— Верно. Когда я осмотрел место происшествия, то прове-рил, на какой высоте должна была находиться девушка, чтобы труп ее мог ударить в то место. Этот эксперимент дал мне пол-ную уверенность, что она успела опуститься вниз как минимум на несколько метров, прежде чем тварь до нее добралась.

— Вот сука... — выругался Помнящий. — Да, в этом есть смысл. Если бы...

— Если бы Ловкачка оставалась на месте до конца охоты, как ты ее учил, шарик никак не смог бы причинить ей вред, даже если бы он прыгнул, — подвел итог Станнис и снова глот-нул из бутылки, да так, что аж булькнуло.

Скромные остатки алкоголя перешли в руки учителя.

— Это все меняет, — шепнул распереживавшийся Помня-щий, осушив бутылку до дна — с молчаливого согласия прияте-ля. — Утром я потребую нового созыва справедливых...

— Это ничего не изменит, — мрачный тон кузнеца момен-тально остудил его запал.

В школе снова сделалось тихо. Учитель использовал корот-кий перерыв в разговоре, чтобы снова проверить ситуацию сна-ружи. На этот раз он не был настолько уж уверен, действительно ли ровна и неподвижна тень на углу, как еще минуту назад. Или ему передалось конспирологическое настроение, усиленное

воздействием настоящей водки, или же таинственный наблюдатель вернулся и вновь присматривал за ними. С такого расстояния, однако, он не сумел бы услышать, о чем они разговаривают.

— Что ты плетешь? — прошипел он, поворачиваясь к кузнецу.

— Я знаю, что ты считаешь альбиноса дураком, но поверь мне, на этот раз ты играешь не только против него, — кузнец поднял ладонь, не дав соседу запротестовать. — Позволь мне закончить. Я не знаю всех подробностей, поскольку Белый с самого начала держит важнейшие из карт за пазухой, но знаю одно: за всем этим должен стоять кто-то куда более умный, чем наше Солнце Стоков...

— Если это так, то завтра мы перечеркнем планы его доверителей, если такие есть. Расскажешь собранию о своих выводах. У нас есть железное доказательство, что Белый соврал всем — причем, несмотря на принесенную клятву. Раскрытие правды дисквалифицирует его как вождя анклава. Люди...

— Ты меня не слушаешь, дружище, — бесцеремонно прервал его Станнис. — Будь все настолько просто, я бы сам заявился к судье сразу после возвращения с поверхности. Но вся проблема в том... — он сделал короткую паузу, — что наш таинственный противник подумал обо всем. Прежде чем я закончил проверять прутья, на улице появилась команда Тавота. А потом ловушку разобрали. На моих глазах, поскольку наш любезный механик уверял, что во время несчастного случая серьезно повредились шестеренки. Понимаешь?

Учитель покачал головой, хотя все прекрасно понял. Теперь никто не сумеет доказать, что шестеренки не опустились под тяжестью напавшей твари. Утром же будут смонтированы новые механизмы, а обвиненный во лжи Белый покажет справедливым всего лишь кучу сломанных шестерен, доказав: Ловкачка оказалась ниже, чем должна, не перед столкновением с шариком, но — после.

— Понимаю, — прошептал он раздраженно.

— Я знаю, что это вероломный обман, поскольку я успел сам осмотреть оба механизма. Они действовали корректно, но потом появился Тавот и с улыбкой заявил, что шестерни после

случившегося с Ловкачкой треснули и что если их продолжить применять — могут рассыпаться в пыль. Если бы это было правдой... — ему можно было и не заканчивать.

Они снова замолчали. В туннеле снаружи царила тишина.

— Если так, — отозвался наконец Учитель, — то мне не остается ничего, кроме как решить дело по-своему.

Кивнул на разложенное оружие.

— Мы догадывались, что ты попытаешься его убить, — Станис даже не обернулся. — Потому-то я и пришел к тебе, прежде чем ты сглумишь по-настоящему.

— Мы? — Помнящий насторожился. — Какие такие «мы»?

— Люди, которым не по вкусу то, что в последнее время творит Белый, — ответ был настолько же краток, как и загадочен.

— И почему я о вас ничего не знаю?

Кузнец тихонько засмеялся:

— Может потому, что мы до поры воспринимали тебя как одного из его присных?

Учитель задумчиво кивнул. У них было на это право. Он всегда оставался лояльным к Белому, как раньше и к его отцу, — пока сам не оказался на мушке.

— Что ж, теперь можешь спать спокойно. Завтра я уберу этого мерзавца.

— Я уже говорил тебе, дружище, дела это не решит.

— А мне кажется, решит. Все проблемы — и мои, и ваши. Лишимся правящего анклавом идиота, а его доверители, если такие существуют, утратят возможность влиять на нас и им придется отступить.

— Ты ошибаешься.

— Правда?

— Пока ты доберешься до альбиноса, тебе придется пробиваться сквозь его приспешников.

— Нож сквозь масло, — презрительно проворчал Помнящий.

— Теперь — это синоним чего-то недостижимого, — издевательским тоном напомнил ему кузнец.

— Не лови меня на слове. Если будет такая нужда, я пробьюсь сквозь всех его присных.

— Даже через половину гвардии?

Учитель глянул на него исподлобья.

И правда, Белый удвоил свою охрану. И никуда не выйдет как минимум три ближайших дня, а потом... Взгляд Помнящего прошелся по спящему на постели Немому. Потом убийство будет лишь актом бессмысленной мести.

— А может...— сказал он куда менее уверенным голосом.— Я не говорю, что будет легко, но, по крайней мере, попытаюсь.

— Ага. Однако позволь задать тебе один вопрос. Ты знаешь, кто такие эти мальчишки?

— Как это — кто? Они — приспешники этого гада.

— Чистая правда. Грязи под ногтями у них — достаточно. Но я не о том.

— Не понимаю, о чем ты...— Помнящий утратил нить беседы.

— Серьезно? Ты, ученый человек, не понимаешь, что гвардейцы не на грядках растут? Это сыновья людей, которых ты прекрасно знал, братья наших друзей, приятели соседей. Отцы детей, которые через несколько лет попадут в эту школу. Кто из справедливых встанет на твою сторону, если ты убьешь хотя бы одного из них?

— Мне нет нужды убивать их, если уж это настолько тебе мешает.

Станнис покачал с недоверием головой.

— А ты сам себя хоть иногда слушаешь? Нападение на Белого — будет не ножом сквозь масло, если уж использовать твою довоенную риторику. И убьешь ты этих парней или только ранишь, не будет иметь ни малейшего значения. И в одном, и в другом случае появится у тебя немало врагов. Даже если удастся убить альбиноса, ты не сумеешь спасти сына, а ведь в нем все дело.

Учитель смерил его ненавидящим взглядом.

— Другого выхода нет,— не сдавался он.

— Ты ошибаешься, дружище.

— Правда?

— Да.

Очередной взгляд наружу позволил Помнящему удостовериться, что в туннеле все еще никого нет.

— И что вы предлагаете? — спросил он.

Станнис глянул ему прямо в глаза. И там было видно колебание, словно он не знал, нужно ли произносить вслух то, что вертится у него на языке.

— Единственным разумным выходом мне кажется бегство, — проворчал он наконец.

— Бегство? — Помнящий вытаращил глаза. — Ты серьезно? Куда?

— В Башню.

То место имело немало названий. Башня, Мордор, Палец, Хер. Любой, кто выходил на поверхность, видел маячивший вдали скелет гигантского небоскреба. Самая высокая постройка Вроцлава некогда была туристической достопримечательностью, доказательством богатства и гордыни человека. Потом, в первые годы после Атаки, она сделалась символом возможного возрождения — это оттуда, из Купеческой Республики, отправлялись в город многочисленные караваны, доставляющие в дальние и сильнее прочих пострадавшие районы необходимое оборудование и товары. Надежда, поддерживаемая в изолированных анклавах, из-за мифа Башни не умирала, даже когда купцы окончательно проиграли столкновение с постыжерной реальностью и отказались от опасных странствий на другой конец города. Огонь, каждую ночь зажигаемый на вершине небоскреба, давал людям, обитающим в анклавах, отрезанным от богатого юга, знак, что непрерывная борьба за выживание пока имеет смысл, поскольку все еще может наступить тот день, когда человек перехватит инициативу и отобьет поверхность для себя. И понадобилось несколько лет, чтобы и самые безумные уяснили, в конце концов, что этот слабый огонек над горизонтом — не что иное, как обычный мираж. Добраться туда было невозможно, в чем убедились десятки смельчаков, предпринимавших отчаянные попытки прорваться на юг. Любая дорога, которую они выбирали, вели к верной гибели.

Учитель знал об этом лучше прочих, поскольку это он выслушивал первые рапорты возвращающихся недобитков и это он записывал потом их свидетельства в хронику как предостережение. И именно это знание позволяло ему теперь оценить предложение кузнеца.

— Ты всерьез? — спросил он, не скрывая иронии.

Кузнец кивнул. Не казалось, что он шутит.

— Погоди, у меня идея получше, — обронил Учитель, вскакивая с пола. — Я дам тебе мое мачете. Оно острее когтей молодого пиляка, — двинулся в сторону одеяла, где разложил оружие.

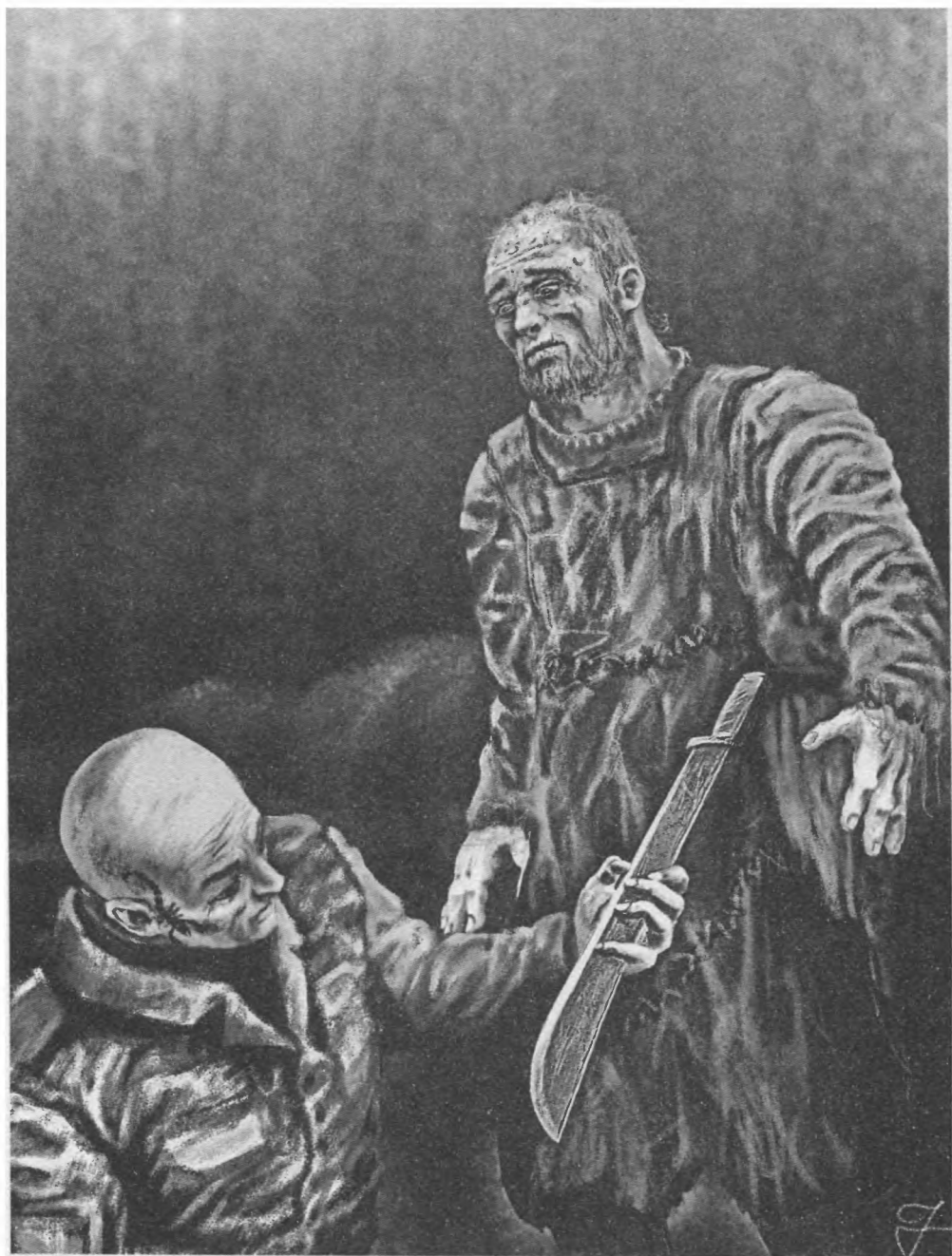
Станнис развернулся вместе со стулом.

— И что мне с ним сделать? — спросил, крепко обеспокоенный иррациональным, как ему казалось, поведением Помнящего.

— Да все просто: убьешь меня, а потом Немого, — спокойно пояснил Учитель, склоняясь над арсеналом.

— Ты охренел, что ли? — простонал кузнец.

— Я? — Помнящий выпрямился, взвешивая оружие в руке. — Скорее ты, брат. Приходишь ко мне, разыгрываешь этот... этот... спектакль, а потом говоришь, как ни в чем не бывало: ты должен идти в Башню, — он вернулся к неподвижно сидящему Станнису и наклонился так низко, что чуть не уткнулся в него носом. — В Башню?! Знаешь, человеке, где мы сейчас находимся? — процедил он, а когда кузнец кивнул, добавил быстро: — Похоже, ты и малейшего понятия не имеешь, но не бойся, сейчас я все тебе поясню. Ты задумывался когда-нибудь, отчего все вокруг так воняет? Да потому, что сидим мы в самом глубоком уголке жопы этого медленно разлагающегося города. Да, брат. На самом ее дне. А ты хочешь послать меня на прогулку. И куда? В продуваемый ядерным дыханием железобетонный хер, — он хрипло засмеялся. — Скажу честно, я предпочел бы помереть здесь, а не подыхать неделями в не обозначенных на картах зарослях сарлака или загибаться от голода в каком-нибудь забытом Богом и людьми лабиринте труб, из которого нет выхода. На, — он протянул Станнису мачете. — Ты сильный, прикончишь меня одним ударом. Бей вот сюда, — встал на колени, указывая на шею. —

Обещаю, что сопротивляться я не стану. А парня приколешь во сне. Если постараться, он и вообще ничего не почувствует.

Кузнец не шевельнулся. Выдержал взгляд Учителя, хотя веко его начало понемногу дрожать.

— Думаешь, я предлагаю тебе этот поход и не уверен, что ты доберешься до цели?

— После того, что я тут услышал, такой вероятности я исключать бы не стал.

— Гонишь, как подорванный,— рассердился Станнис, отталивая рукоять поданного ему оружия.— Прекрасно знаешь, что ждет тебя и его,— указал на спящего Немого,— если ты останешься здесь или если убьешь Белого. В обоих случаях ты подпишешь вам обоим смертный приговор.

— Если все правильно разыграем, то, может...

— У тебя нет и малейшего шанса, пойми наконец.

— А там, выходит, шанс у меня будет? — Помнящий указал глазами наверх, на потолок туннеля.

Кузнец поднялся, положил ему руку на плечо.

— Выслушай меня до конца, и увидишь, что идея наша не настолько безумна, как тебе может показаться.

Учитель посмотрел на него с жалостью.

— Не настолько безумна? — повторил он, даже не пытаясь замаскировать издевательского тона.

Станнис подошел к стене с дырой, присел на корточки, чтобы глянуть на туннель, а когда удостоверился, что снаружи никого нет, опустился на кирпичный пол и уперся спиной в ржавую арматуру.

— Сядь,— попросил кузнец Учителя, указав на стул.— И не прерывай меня, хорошо?

Подождал, пока хозяин займет место, а потом, тяжело вздохнув, начал излагать свой план.

ГЛАВА 8

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Бегство в Башню.

Идея, которая в первый момент показалась Учителю совершенно неуместной, всего лишь через несколько минут обрела куда более отчетливые формы.

— Если кто и сумеет это сделать, то только ты, — подытожил кузнец.

И не ошибался. В первые годы после Атаки Помнящий прошел немало километров туннелей. Он не был вроцлавцем с дед-прадеда, как большая часть уцелевших, а потому не чувствовал никакой связи с местами, до которых добирался во время бесконечных странствий. Ища безопасную пристань для себя и сына, он обследовал немалый фрагмент подземелий, сперва в северной периферии города, на Шариковом поле, а потом и под старым Фабричным районом. И именно там, во время стоянки в одном из едва-едва возникших анклавов, он наткнулся на преппера по прозвищу Президент и после коротких переговоров присоединился к немногочисленным его сопровождающим. Однако довольно быстро понял, что предложение сотрудничества прозвучало потому лишь, что при нем был сын-инвалид. Немой сделался талисманом группы, ключом, что отворял любую дверь — вернее, проход в баррикаде. Некоторое время спустя,

после трагической, пусть и заслуженной гибели работодателя, Учитель вступил в ряды недоброй славы Черных Скорпионов. Вместе с ними он покорял новые анклавов, сражался за спорные территории с гангами районных, а затем возвращался на пограничье зараженной зоны к сыну, оставленному в месте, которое всякий рассудительный человек должен был бы обходить далеко стороной. Двумя годами позже он совершил вещь почти невозможную. Убегая от эпидемии, которая проредила колонию, созданную старыми солдатами, с Немым на плечах он прошел широкий, километра в четыре, радиационный пояс Запретной Зоны, через несколько дней блужданий в лабиринте покинутых каналов добравшись до новых для него северо-восточных районов города.

Потому ничего странного, что поступок его сделался легендарным в Вольных Анклавах. От русла Одера до границы Нового Ватикана не было кабака, где не рассказывали бы о нем хотя бы раз в неделю. Никто раньше, а уж тем более позже, не преодолел этот путь самостоятельно — после того как остатки высланного в Запретную Зону отряда сталкеров вернулись, принеся пугающие новости с запада города, обеспокоенные вожди Вольных Анклавов решили заблокировать все известные им проходы. Раззадоренные падением Черных Скорпионов районные бандюки сразу же заняли ничейные территории, поделив их на два воюющих лагеря — Лигу Полос и Панвроцлав Спортивок, — где всякий чужак воспринимался как злейший враг. По приказу тогдашнего совета, объединявшего людей, командующих немалой частью окрестных анклавов, большую часть дорожных туннелей завалили и замуровали, оставив лишь два хорошо защищенных шлюза, ведущих к пограничному магистральному каналу, чтобы разведчики могли патрулировать территории под Запретной Зоной, высматривая приближающиеся угрозы. Благодаря их усилиям, возникла в меру подробная карта этой части подземелий, та самая, копию которой Учитель держал теперь в руках. Люди, которые ее выполнили, должны были проводить его на запад, до одного из анклавов тамошнего пограничья.

Помнящий предпочел бы идти в одиночку, как когда-то, но ему пришлось согласиться на эскорт по одной простой причине. Отравленные локальными радиоактивными осадками территории со временем сделались рассадником страшнейших мутаций — это оттуда расплзались по городу твари, которых не придумали бы и создатели самых кассовых фильмов ужасов. Именно потому одиночная вылазка в пограничье, а затем и в саму Запретную Зону казалась, скорее, дурацкой идеей.

К отряду сталкеров ему придется присоединиться еще и потому, что в Запретную Зону чужих не впускали. Оберегаемые мощными довоенными шлюзами проходы открывались лишь несколько раз в году, чтобы можно было провести поверхностную инспекцию туннелей. Кузнец обещал, что смотритель одного из шлюзов, его хороший знакомый, включит беглецов в высылаемый на днях патруль. Объяснение, отчего они не вернулись, будет простым. Люди все еще гибли в тех туннелях, хотя в последнее время и не заходили в них слишком глубоко.

Станнис придумал толково. У Учителя было достаточно опыта, он знал местность и, пожалуй, что самое важное, не был заносчивым наглецом, как большая часть молодых, которые отправлялись в неизвестность, рассчитывая исключительно на фарт. С другой стороны, со времен его героических деяний прошло уже немало лет. Когда Помнящий отправился на восток, был он еще молод, полон веры и сил. А нынче?... При одной мысли, что придется покинуть анклав Иного, у него странно обмякали колени. Увы, кузнец был прав в одном: оставаться было невозможно. Даже в том случае, если бы он принял бой и уничтожил Белого.

Потому единственной альтернативой оставалось — покинуть анклав. Вот только...

— Все хорошо,— Учитель прервал молчание после долгой паузы.— Вижу, добраться этим путем до границы Запретной Зоны можно без проблем. Супер. Твои парни, как утверждаешь, доставят меня на запад. Клево. Но вся проблема в том, что ты забыл об одной мелкой, но необычайно важной подробности,— он указал пальцем на татуировку.

— Я не забыл,— спокойно ответил Станнис.— Со времен эпидемии, которая положила конец владычеству Черных Скорпионов, прошло уже почти двадцать лет, да и, кроме того, ты обойдешь далеко стороной места, которые вы оккупировали... прежде чем ты сбежал на восток,— он постучал пальцем в карту, разложенную на полу, а потом медленно провел вдоль западного края Запретной Зоны, почти доведя до Пепелища и граничащего с ним Старого Мяста, который нынче называли просто Мястом.

— Я знаю, что шансы повстречать старых приятелей и врагов — минимальны,— признался Помнящий,— но ты ведь не станешь утверждать, будто весь запад пережил приступ амнезии и полностью позабыл о том, что мы сделали на территории Фабричного. Мужик, да в мои времена половина жителей Мяста готова была обосраться от одной мысли о том, чтобы увидеть одного из нас на противоположном краю Поповиц,— он кивнул на карту.

— Полагаю, ты всегда можешь воспользоваться фокусом с повязкой,— напомнил ему Станнис.

Перевязать голову — было хоть каким-то выходом. Учитывая, сколько времени прошло, местные не должны бы поглядывать с подозрением на пришельца с замотанным правым виском, и уж наверняка не станут видеть в нем агента враждебной фракции, которая перестала существовать многими годами ранее. «Это может удалиться,— мысленно признал Учитель,— но не наверняка». Он все еще не был уверен, хороша ли идея кузнеца и его соратников. Хотя перед ним лежал очень подробный план туннелей, оставалась одна, но большая проблема: на карте этой отображалась ситуация пяти-шестилетней давности. А с того времени многое могло измениться.

— Когда эти твои сталкеры в последний раз ходили на запад? — спросил он подозрительно.

— Некоторое время назад,— неохотно признался Станнис.

— Некоторое? — иронично произнес Учитель.— Мы, сосед, говорим о нескольких годах, так мне кажется.

— Не совсем...— кузнец слегка ухмыльнулся.— Трассу проверяют систематически, как минимум, раз в год,— уверил он Помнящего.— Конечно, неофициально.

— Твои парни неофициально входили в Зону? — удивился Помнящий.

Станнис фыркнул:

— Ты бы удивился, дружище, как много можно сделать без чьего-то надзора.

«Если бы ты знал, кому ты это говоришь», — подумал Учитель, сохраняя каменное лицо. Он и сам был лучшим доказательством таких слов. Никому бы и в голову не пришло, что он, необычайно спокойный человек, вскоре после прибытия на восток заключил договор с Иным и, проделав всю «мокрую» работу, превратил того в предводителя анклава. Об этом эпизоде нынче не знал никто, кроме самих заинтересованных сторон, из которых одна уже успела распрощаться с жизнью. Даже Белый не знал подробностей операции, которая дала иммунитет Немому. Услышал столько, сколько должен был — что отец его большой должник Помнящего. Конец, точка. Кузнец и его товарищи тоже не сумеют проникнуть в эту тайну. Ибо Учитель был уверен, что спасители его могли бы утратить желание спасти персону, которая тайно убрала наиболее разумного кандидата в предводители, приготовив жителям пятнадцать лет управления истинного деспота, а потом — и его глупого сына, так легко поддающегося манипуляциям.

Никто не додумался до истинного положения дел, даже когда в Вольных Анклавах появились наконец-то купцы, прибывшие на территорию бывшего Средместья через несколько лет после Помнящего, предлагая уцелевшим не только товары, но и новости из остальных районов. Охотно рассказывали они обо всем, что происходило со времен Атаки, в том числе и о большой захватнической войне на западе, в которой столкнулись бывшие солдаты, стоящие в Козанове, и не менее отчаянные банды, контролирующие кварталы Нового Двора и Гендовую. Это от них, хотя и не непосредственно, Учитель узнал об окончательном падении бывшей своей колонии, о погромах, которые устроили остаткам Черных Скорпионов, и обо всей массе кровавых событий, сопровождавших возвращение Спортивок на спорные территории.

Он выслушивал эти доклады из вторых рук, поскольку опасался сам встать с купцами лицом к лицу — те моментально распознали бы в нем старого палача с запада. Татуировка, которая пробуждала дрожь у жителей подземелья от границ Мяста до самых обводных каналов, здесь, на северо-востоке, была всего-то еще одним странным украшением лица. О том, что эти символы значат на самом деле, местные узнали уже после того, как носящий их человек сделался уважаемым местной общиной Учителем. Потому ничего странного, что они высмеивали купцов, которые рассказывали невероятные, как им казалось, истории о безжалостных убийцах в мундирах, подчинивших себе чуть ли не четверть города. Ведь один из них был много лет их соседом и даже другом. Всегда вежливым и готовым помочь. Они видели в нем лишь отца-одиночку, истово опекающего сына-инвалида.

Учитель отряхнулся от этих воспоминаний.

— Если все так, как ты говоришь, ты должен хорошо знать, как выглядит ситуация на западе,— сменил он тему.

Станнис окинул его внимательным взглядом. Он был достаточно опытным заговорщиком, чтобы понять, к чему ведет собеседник.

— Не тяни меня за язык, дружище. Тебе не обязательно знать все.

— Я и не хочу знать все. Интересует меня лишь одна вещь. И касается она этой экспедиции.

— Тогда — спрашивай,— кивнул кузнец.

— Кто теперь управляет этими территориями? — Учитель указал на анклав, находящиеся между пограничьем и Мястом.

На этот вопрос Станнис не ответил сразу, а когда наконец отозвался, в голосе его Помнящему послышалось... опасение?

— Еще год тому назад эти анклав принадлежали Спортивкам,— пояснил он.— Но ситуация там предельно динамичная, а потому запросто можешь наткнуться там сегодня на Полос.

Спортивки и Полосы. Две конкурирующих банды, гопники и фанаты, захватившие каналы под самыми большими спальниками в Фабричном районе. Наибольшие и самые лютые враги

Черных Скорпионов. Для них повязка на том месте, где каждый вражеский солдат носил татуировку, все еще могла быть подозрительной, особенно если находилась она на голове незнакомого и, к тому же, пожилого человека, а Учитель не сумеет скрыть возраст, как бы он ни старался.

— Твои парни доставят меня до границы Зоны и вернутся.

— Да.

Палец Помнящего продвинулся по той самой линии, которую некоторое время назад показывал его собеседник.

— И эту часть пути я должен преодолеть сам?

— Да.

Кузнец отвечал очень кратко, но, одновременно, резко и решительно.

— Знаешь, что Полосы или Спортивки сделают со мной, если я попаду им в руки?

— Не попадешь,— уверил его Станнис.— Мы позаботимся, чтобы отвлечь их внимание от пограничья.

— Несмотря ни на что, я бы предпочел идти через государство церковных, там и дорога в два раза короче, и...

— ... в сто раз опасней,— закончил за него кузнец.— До Запретной Зоны ты доберешься, ни разу не выходя на поверхность, оттуда попадешь на старую свалку, а там до границ Мяста — рукой подать.

— От сталкеров, которые ходили в охране караванов, мы знаем, что туннели к югу от нас не настолько уж и непроходимые, как представляли это купцы,— защищал свою идею Учитель.— Торговцы обходили самые сложные участки, идя по поверхности, чтобы сэкономить время и облегчить труд носильщиков. Я спокойно преодолею большую часть известных мне осыпей и завалов. Могу обойти их и боковыми, узкими проходами — у меня-то не будет ящиков с товарами на спине.

— Знаю, знаю. Но проблема не в этом,— Помнящий заметил, что последнее замечание его кузнеца рассердило.

— Тогда — в чем? — решил он продолжить тему.

Станнис вновь поколебался, как и тогда, когда предлагал ему бегство.

— Хотя бы в том, что у нас там нет людей, которые сумеют тебе помочь, если что-то пойдет не так...

— А что может пойти не так? — засмеялся Учитель.

— Все.

— Ты преувеличиваешь.

— Не преувеличиваю. Можешь поверить мне хотя бы раз и прислушаться к доброму совету? — кузнец глянул ему прямо в глаза. — Той дорогой ты до цели не доберешься.

Помнящий тоже сделался серьезен.

— Ты что-то от меня скрываешь.

Станнис медленно кивнул.

— Верно. Однако я придержал только ту информацию, которая тебе не понадобится.

— Но...

— Никаких «но»! — рявкнул разозленный кузнец. — Или ты идешь конкретной трассой, или мы забудем об уговоре.

И потянулся к карте.

Помнящий схватил его за запястье. Они снова взглянули друг другу в глаза. На этот раз — напряженно. Очень напряженно.

— Ладно, я пойду, но с одним условием. Ты скажешь мне, отчего тебе так важно, чтобы я выбрал дорогу через Фабричный.

Станнис сжал губы, с трудом сдерживаясь, чтобы не взорваться. Длилось это несколько секунд, а потом черты его лица обмякли.

— Ладно, — обронил он, со значением поглядывая на руку.

Учитель ослабил пальцы и убрал ладонь.

— Говори.

— Мы хотим, чтобы ты доставил в Башню очень важную весть, которую получишь в анклав Сlepая Ветка, — наконец проговорил кузнец, упоминая о месте, где находился шлюз. — Это совершенно секретная информация, которая ни за какие сокоpaвища мира не должна попасть в руки папских псов.

ГЛАВА 9

ИСХОД

В туннеле под колодцем стояла очередь из собирателей. Люди спокойно ждали, пока гвардейцы проверяют через визоры, пуста ли территория поблизости от выхода. Когда посланный наверх наблюдатель наконец спустился по сильно проржавевшим скобам, Бендер и двое его коллег принялись перетаскивать бетонные отбойники, из которых был сделан противовес, блокирующий толстый чугунный клапан. Семьсот килограммов бетона хватало для того, чтобы обезопасить один из немногочисленных выходов на поверхность. Механизм этой конструкции был сказочно прост. Три полудюймовых кабеля, проволоченные сквозь припаянные к средней части клапана ухваты, метром ниже сплетались в один толстый стальной канат. На нижнем его конце, сразу над фундаментом канала, размещалась крестовина, изготовленная из сваренных тавровых уголков. На нее и клали — слой за слоем — отбойники.

Дополнительной защитой выхода была петля, размещенная внизу всей конструкции, свисающая точнехонько между двумя прикрученными к полу ухватами. В случае тревоги сквозь нее вдевали толстый прут, стоящий наготове под ближайшей стеной. Клапан, таким вот образом заблокированный, невозможно было отворить снаружи — разве что с использованием тяжелого

оборудования, а таким в городе никто не обладал вот уже много лет. Разрушить колодец тоже было невозможно, по той простой причине, что шум и вибрации привлекали монстров. Потенциальные нападающие в несколько минут притянули бы на свою голову стаи шариков, котокатов, пиляков, а то и крылачей.

Разблокировка входа прошла быстро. Хватило снять крестовину и поднять крышку. Гвардейцы сделали это быстро и умело. Двое из них вышли на поверхность, чтобы защищать территорию. Внизу остался только Бендер, следя за порядком в туннеле. Собиратели по очереди проходили мимо, чтобы быстро взобраться и исчезнуть в узком проеме. Двадцать человек — в последнее время на поверхность посылали каждого, у кого не было других обязанностей. Пополнение сокращающихся припасов требовало жертвенности, все прекрасно об этом знали, а потому никто не жаловался на двойную частоту выходов.

Учитель стоял в самом хвосте очереди, рядом с Немым. Когда пришла их очередь, они без колебаний двинулись в направлении снопа света, вливающегося сквозь открытый люк.

— А вы куда? — гвардеец заступил им дорогу.

Его ладонь уперлась в грудь Помнящего. Хватило одного взгляда, чтобы Бендер отдернул руку. В глазах задержанного тлело нечто большее, чем просто холодное презрение.

— А ты как думаешь? — насмешливо спросил Учитель, обнимая сына за плечи.

Гвардеец поднял восковую табличку — старое римское изобретение, которое теперь, в постъядерную эру, вернуло свои позиции. Быстро просмотрел записи, а когда закончил, показал собеседнику аккуратно процарапанные слова.

— Вас нет в списке, а значит — не выходите, — заявил он. — Все просто, как двери.

Когда страж услышал громыханье подкованных ботов, сразу обрел уверенность. Его товарищи как раз возвращались в подземелье. Всякий, кому не было нужды пребывать на поверхности, бежал оттуда как можно скорее, едва только это удавалось. От приобретенных рефлексов непросто отказаться, и недаром люди перед войной говорили: молодого кровь греет...

Уровень облучения снижался медленно, зато постоянно. Люди, одетые в толстые кожаные плащи и дышащие фильтрованным воздухом, могли бывать в руинах и по нескольку часов в день, не рискуя ни жизнью, ни здоровьем — конечно, если не принимать во внимание угрозы со стороны все более агрессивных мутантов. И все же уцелевшие продолжали делать, что могут, лишь бы поменьше радоваться свету дня.

Не было в таком ничего странного. Учитель годами втапывал им, что наверху их может убить все, а потому они впаяли эту истину себе в голову. И немало воды должно утек, пока эти гвардейцы и их ровесники преодолеют атавистический страх перед контактом с отравленной землей.

— Немой послезавтра выходит на свои первые сборы, — спокойно ответил Помнящий, когда вся троица гвардейцев встала между ним и выходом. — Поэтому...

— Поэтому он придет сюда через два дня, сразу после побудки, а мы выпустим его, как и всех прочих собирателей, — закончил за него Бендер. — Сорри, но вот такие у нас правила, Учитель.

— Ты, сынок, забываешь об одном... — не спуская глаз с гвардейцев, Учитель передвинул сына к себе за спину, словно намереваясь убеждать их силой. — Белый перед всем собранием выразил согласие, чтобы я приготовил парня к этой работе. Ты не станешь это отрицать, поскольку ты там был и собственными ушами слышал, что сказал предводитель. А если так, то я объявляю выход на поверхность необходимым в деле обучения Немого. Сейчас.

Бендер смерил его мрачным взглядом, не понимая, что делать. Ситуация выходила у него из-под контроля.

Гвардейцы должны были исполнять приказы, оставляя раздумья предводителю. Однако в этом случае наклеивалось явное противоречие. Учитель и его сын не значились в списке тех, кому разрешен выход, но и Помнящий не обманывал. Белый согласился на подготовку Немого к работе собирателя, сделал это едва ли не перед целым анклавом, хотя никто не уточнял, в чем, собственно, эта подготовка будет состоять. Логика под-

сказывала: единственный разумный метод обучения — это показывать глухонемому, что и как он должен делать, когда окажется на поверхности, а эти территории невозможно имитировать ни в одном из каналов. И даже такой болван, как Бендер, должен был это понимать.

Нескладный гвардеец громко сглотнул. Раз-другой глянул в сторону партнеров по патрулю, но те были настолько же дезориентированы, как и он сам, а потому он не нашел в их взгляде ни малейшего следа поддержки.

— Я должен... — начал неуверенно.

— Ты должен принять решение, сынок, — перебил его Учитель. — Причем быстро, поскольку люк нужно закрыть и заклинить, — он кивнул на сноп света, падающий с потолка в паре шагов; в нем отчетливо кружились пылинки.

Это замечание полностью выбило Бендера. А Помнящий указал ему на очередную проблему — правила гласили четко: люк закрывается сразу же после того, как выйдут собиратели. Все отступления от этого правила карались очень жестко с того момента, как в подобной ситуации в туннели проник большой, нескольких метров длины шипозмей. Совладать с тварью оказалось непросто; до того, как ее последний сегмент был сожжен, она сумела прикончить семерых и ранить еще двадцать. Вид искалеченной Боны напоминал жителям анклава об этой трагедии каждое утро, поскольку хромающая из жилого квартала в копильню женщина ежедневно проходила мимо большей части апартamentов.

Бендер лихорадочно раздумывал, как поступить в этой ситуации. Товарищи же его все более нервно поглядывали в отверстие люка, словно ожидая, что в любую секунду свет исчезнет, заслоненный телом очередной мутировавшей твари.

— Обыщем их, да и пропустим, — предложил в конце концов один из них, низкий блондин с крупным носом, которого все называли Уродом, несмотря на то, что на миропомазании он выбрал себе совершенно другое прозвище.

Векера — один из двенадцати справедливых, которые судили Учителя, — поддержал эту идею негромким ворчанием. Помня-

щий мысленно улыбнулся, видя, как близок к победе. Сейчас же широко развел руки, чтобы заставить гвардейцев быстрее начать осмотр. Немой, проинструктированный еще в школе, сразу же сделал то же самое.

Бендер с помощью Урода старательно обыскал Учителя, а потом и его сына.

Ничего запретного они не нашли, поскольку иначе и быть не могло. Гвардейцы не обнаружили у Немого ничего, кроме стандартного набора собирателя, а когда Учитель открыл переброшенный через плечо рюкзак, осматривавший его парень заметил только трех вяленых крыс и пластиковую бутылку, до половины наполненную фильтрованной водой. Еды, которую они забирали на поверхность, хватило бы на один скромный перекус.

Станнис продумал все. Помнящий должен был выйти без припасов и оружия, чтобы гвардейцы ни о чем не заподозрили до самого момента возвращения собирателей. При некотором их везении Белый пошлет погоню только перед сумерками, что даст беглецам не меньше десяти часов форы. Этого времени должно бы хватить, чтобы добраться до магистрального канала,— а за воротами Помнящему не будет уже никакого дела до альбиноса и его интриг.

— Я внесу вас в список,— наконец проворчал Бендер, неохотно посторонившись.

ГЛАВА 10

УКРЫТИЕ

Выход из анклава вел на некогда широкую улицу, прямую, как стрела, и окруженную рядом разрушенных серо-черных многоэтажек. Место это, удаленное от нулевой точки более чем на пару километров, находилось на краю зоны самых серьезных разрушений, из-за чего изрядная часть сожженных домов все еще стояла, пусть состояние их и было далеко от идеального. Лишь местами, где ударная волна нарушила конструкцию почти столетних домов, на проезжую часть и аллейки порой высовывались широкие языки осыпей из строительного мусора.

Для Помнящего мир выглядел как снимок, слишком долго пролежавший на солнце. После двадцати лет, миновавших после ядерного пожара, он сделался поблекшей копией самого себя. Из-под завалов щебня, покрытых окаменевшим слоем пепла, торчали обугленные культы деревьев. Трупы пожранных коррозией автомобилей напоминали тварей, всплывших из худших кошмаров. В их порыжелых кузовах ржавчина проела сотни неровных, черных, словно смола, отверстий. От брошенного после объявления тревоги, полузасыпанного обломками автобуса не осталось уже почти ничего, кроме рамы и ободов, с которых свисали печальные остатки созревших покрышек.

В дальней перспективе улицы, в том месте, где некогда начинался парк, вездесущая серость уступала место чуть более ярким краскам. Давнишняя зелень ушла в забытие, ее скрыла палитра синевы, доминирующего цвета новых видов растений, покоряющих зараженные излучением руины. Длинные, серо-стальные, толстые, словно довоенные фонари лозы бульварных покрывали немалый кусок растрескавшейся поверхности, их более тонкие концы дотягивались до большого кирпичного массива, что находился на противоположной стороне улицы. Путаница оплетающих стены лоз систематически сжимала все, что попадало в их объятия. Даже железобетон не мог сопротивляться их разрушительной силе. Хватило года такого противостояния, чтобы старая школа, пережившая времена «Фестунг Бреслау»^{*} и воспротивившаяся ударной волне ядерного взрыва, превратилась всего лишь в кучу мусора. Похоже выглядела и угловая многоэтажка слева. Уничтожение ее дало обитателям анклава Иного понимание, что уже скоро придется им сражаться за территорию не только с шариками и с прочими мутировавшими хищниками, но и с не менее опасными растениями.

Пока же — хватало и огня. Сталкеры прокрадывались на угол и поджигали коктейлями Молотова самые густые клубки ползущих по мостовой растений, чтобы остановить их движение в направлении территории анклава, но все понимали, что эти усилия, пусть даже пока и результативные, скоро перестанут иметь значение. Учитель бывал там — причем не единожды. Видел собственными глазами, как новая жизнь поглощает пространство старого парка, как странные растения, которым никто никогда не дал — и не даст уже — названий, громоздятся, тянутся туда и сюда, выше, чем башни недавно еще видного вдали готического собора. Некогда обожженные шпильи, которые пережили даже вспышку, оказавшуюся ярче миллиона солнц, и сопровождавшие ее катаклизмы, исчезли под синими заросля-

^{*} Нем. «Festung Breslau» — «крепость Бреслау»: название Вроцлава времен штурма его Красной Армией и обороны города, длившейся с февраля по май 1945 года.

ми, словно бы никогда их там и не было. Вместо шпилей теперь клубились странные, пожирающие друг друга ядовитые и отравляющие растения-паразиты и грибы.

К счастью для Учителя и его сына, путь, определенный кузнецом, позволял им миновать эти проклятые Богом и людьми места, которые кишели мутировавшими тварями новой эры.

Помнящий окинул взглядом далекий горизонт, где виднелись руины, покрытые комковатыми растениями и обозначающие близкий край Запретной Зоны. Потом, положив ладонь на плечо Немому, Учитель развернулся и двинулся медленным шагом в направлении перекрестка, находящегося в десятке метров дальше. Метрах в двухстах от них была первая цель его пути. Небольшая площадка, где до войны располагался скверик, частью покрытый растительностью, частью — асфальтом. Однако уцелевшие позаботились, чтобы на зараженной земле ничего не росло. Любой росток, пробивавший здесь слой черного грунта, сразу же выкорчевывался или сжигался. Жителям анклава хватало, что мутировавшая от излучения растительность распространилась на прилегающие к Одеру кварталы и на близкий парк.

Эти двести метров должны были стать единственным контактом Учителя и его сына с поверхностью, по крайней мере до того, как они минуют каналы под Запретной Зоной, а может, и до самого Мяста. Другой дороги для бегства из домена, контролируемого Белым, не было — патрули бы не выпустили Помнящего за баррикады, охраняющие подземные входы в анклав, а если бы даже ему каким-то чудом удалось убедить стражников, те сразу же донесли бы о его выходе альбиносу, а тот не колеблясь выслал бы за беглецами погоню.

План кузнеца состоял в том, что Учитель с сыном вернутся под землю за первым же поворотом транзитного туннеля, метров за сто от баррикады. На улице подле сквера находился канализационный колодец, ведущий в канал, соединявший анклав Иного с соседним, еще меньшим сообществом, много лет управляемым регулярно выбираемым Советом Старейшин. Однако и место обитания псевдodemократов не было окончательной

целью путешествия Учителя, его сына и проводников, которых он должен был встретить в подвалах одного из старых жилых домов. Туннель, куда они сойдут все вместе, имел немало ответвлений — одно из них и позволит им обойти территорию, контролируемую альбиносом, и направиться в анклав, лежащий между этими местами и краем Запретной Зоны. Если все пойдет согласно плану, Учитель доберется туда еще до полудня, прежде чем все собиратели вернутся с поверхности. Когда Белый поймет, что его обманули, оба беглеца будут уже вне досягаемости его длинных рук.

Если только Станнис не врал...

Приближаясь к очередному перекрестку, Учитель сошел на тротуар и замедлил шаг. Взволнованный Немой повторял каждое его движение. Это был не первый его поход на поверхность. Отец брал его наверх систематически вот уже несколько лет, однако никогда они не отходили так далеко от входа в анклав. Обычно шли к ближайшему наблюдательному пункту, а поскольку те размещались на чердаках домов, то достаточно было пробежаться до первого подъезда или взобраться по самодельным лестницам на второй этаж, а там, по ступенькам, добраться до крыши. С таких-то мест Немой с открытым ртом тараторчил на останки неизвестного ему мира. Города, в котором он родился, но который не мог помнить.

Теперь парень оказался куда дальше от безопасных туннелей, чем когда-либо ранее, да, к тому же, было это лишь начало общего их путешествия. Потому ничего странного, что отец все время за ним приглядывал — а еще ежеминутно проверял, помнит ли Немой, взволнованный приключением, о нескольких простых приказах, которые он вложил в него за прошлый день.

Поднять руку, сжать в кулак. Учитель оглянулся через плечо. Чудесно. Немой скорчился под стеной, рядом с выломанной годы назад дверью небольшого магазинчика. Дышал там тяжело, со взглядом, устремленным на руку отца. Помнящий медленно распрямил пальцы. «Можешь встать, мальчик», — подумал, довольный проверкой. Сам же сосредоточил все внимание на

выжженном до голой земли скверике. Несмотря на длительное наблюдение, никаких следов жизни в его окрестностях он не заметил. «Прекрасно». Махнул рукой и, пройдя угол, двинулся вдоль стены.

Укрытие, где их должны были ждать двое людей кузнеца, располагалось в подвалах ближайшего из домов, вход в который заслоняла куча мусора с рухнувших балконов. Но дыра в верхней ее части была достаточно крупной, чтобы сквозь нее сумел проскользнуть человек, не слишком при этом нашумев. Учитель открыл охраняющую лаз решетку, а едва лишь они оказались внутри дома, вновь затворил ее, поспешно задвигая оба засова. Это тоже представляло собой часть рутины, связанной с использованием укрытий.

На лестничной клетке было темно, хоть глаз выколи. Собиратели заколотили окна между этажами, чтобы укрытие не высмотрели пролетающие между парком и кварталами крылачи. Свет, проникающий в отверстие над руинами, разгонял тьму лишь возле входа, а дальше, казалось, вставала смоляная стена. По крайней мере, так оно выглядело для обоих беглецов. Немой начал дрожать. Развлечение завершилось в тот же миг, когда он шагнул во тьму. Наконец до него дошло, что этот выход на поверхность вовсе не ради развлечения.

В доме царила неестественная тишина. Учитель дважды хлопнул в ладоши. Через несколько секунд, закусив губу, повторил сигнал. Он все еще чувствовал раздражающую уверенность, что Станнис все это затеял лишь затем, чтобы сдать их Белому. Давал себе отчет в бессмысленности таких подозрений — особенно в свете всего произошедшего, — но все никак не мог избавиться от навязчивой, беспокоящей мысли о предательстве. По крайней мере, сомнению не подлежало одно: здесь и сейчас он получит ответ, не был ли договор с кузнецом величайшей ошибкой в его жизни.

Тук-тук. Тук-тук. Неподалеку кто-то ударил палкой об косяк. Мигом позже раздался тихий скрежет, после которого тьму прошил свет — сперва моргающий, но делающийся все ярче.

— Заходите,— отозвался кто-то хриплым, незнакомым Помнящему голосом.

Пучок света мазнул по облупившемуся потолку. Сталкер направил фонарь вверх, чтобы не ослепить прибывших. Учитель схватил сына за плечо. Когда пальцы его опустились на кожаную куртку, он почувствовал легкую дрожь: парень трясся от страха. Однако, подталкиваемый отцом, он послушно пошел в сторону ступеней, ведущих в подвал.

Их было там двое, как и обещал Станнис. Худых, заросших, грязных. Похожих, словно две капли воды. Типичных сталкеров, как звали людей, которые выбирали иллюзию свободы и предпочитали бесконечно бродить по сети ничьих туннелей, а не оседать навсегда в одной из многочисленных общин подземелья. Помнящий такому совсем не удивлялся. Он и сам провел в подобных хождениях изрядный кусок жизни, когда был еще молодым и глупым — хотя, наверняка, куда более умным, чем те бедолаги, на которых он теперь смотрел.

Обоим сталкерам было лет по двадцать с небольшим, а выглядели они уже, по крайней мере, лет на десять старше. В резком свете фонаря Учитель видел их худые, покрытые лишаями лица, свидетельствовавшие о том, что долгое общение с излучением брало свое. И все же он уважал выбор этих парней — существование под каменным небом, где день ничем не отличается от ночи, давило порой даже на него. В такие минуты ему казалось, что кирпичные арки медленно сжимаются, словно желая раздавить хрупкие тела жертв, заманенных в ловушку иллюзорной безопасностью.

Он отряхнулся от этих мыслей, когда услышал треск захлопывающихся за спиной дверей. Фонарь погас, но, прежде чем это произошло, второй сталкер успел зажечь масляную лампу. Мигом позже загорелась и вторая. Обе они стояли на противоположных концах длинного стола. Желтоватый свет выхватывал из темноты знакомые контуры. Поношенный рюкзак и два заплочных мешка. Те самые, которые Станнис обещал пронести на поверхность. Учитель быстро осмотрел их содержимое.

Все было на месте. Оружие, еда, инструменты, сменная одежда. Можно выдвигаться хоть сейчас.

Он отдал мешки сыну, протянул также и пояс с двумя ножами и коротким мачете. Потом вынул из кармана короткую веревку. На обоих ее концах он еще раньше завязал петли. Первую затянул на запястье Немого, вторую надел на собственную руку. Это была очередная придуманная им страховка, а одновременно и система коммуникации. Дернул за веревку один раз. Ответ почувствовал почти моментально.

Прежде чем забросить рюкзак на плечо, он взглянул на спокойно ожидающих мужчин.

— Мы готовы, — сказал им Помнящий.

Глава 11

КАНАЛЫ

Добраться до канализационного колодца было простой формальностью. Публичные проходы, которые находились на нейтральной территории, не закрывались и не блокировались, чтобы каждый, кто окажется в нужде, имел возможность быстро эвакуироваться в подземелье. Сталкеры заботились о состоянии таких переходов, поскольку именно они ими и пользовались чаще всего. Один из близнецов как раз засунул кончик лома в щель и ловким движением приподнял тяжелую крышку. Второй стоял в паре шагов поодаль, внимательно оглядывая окрестности. Наложил стрелу на наполовину натянутую тетиву. Обычный наконечник не остановил бы нападающую тварь, о чем все, включая Немого, прекрасно знали, оттого в таких ситуациях использовались отравленные стрелы. Пропитанные ядом сарлака зазубренные наконечники могли парализовать любого меньшего противника или замедлить противника большего. А в ситуации кризисной вопрос жизни и смерти человека решали порой доли секунд.

Немой вздохнул с облегчением, едва лишь оказавшись в тесном канале, — это был единственный мир, который он знал достаточно хорошо; только под каменным небом чувствовал себя уверенно, хотя для воспитанного на поверхности Помнящего это все

еще казалось странным. Прежде чем люк вернулся на свое место, в темноте раздалось знакомое жужжание. Тот близнец, что похудошавей, накручивал рычаг, подзаряжая аккумулятор фонаря. Узкий сноп света прошелся по закругленным бетонным стенам прохода, делая заметными намалеванные на них символы и указатели. Над длинной горизонтальной красной линией, которая заканчивалась стрелками на обоих своих концах, с одной стороны виднелась надпись «ИНЬЕ» и число 50, означающее количество шагов, необходимых, чтобы добраться до границ анклава Иного, а над противоположным краем находилась надпись «СОВЕТЫ 170». Примерно посредине знака Учитель заметил вертикальную риску, лишенную каких-либо дополнительных знаков. Над ней и под нею размещался короткий список названий остальных анклавов. Последние надписи нарисованы были куда большими буквами. Верхние надписи говорили, что, выбирая южное направление, можно добраться до самого Нового Ватикана, а нижний указывал в сторону Запретной Зоны.

Беглецы отправились на запад, едва лишь замыкающий сталкер оказался в туннеле. Им пришлось идти гуськом, склонив головы. Большая часть каналов и проходов в этих местах имела диаметр до полутора метров. Именно поэтому анклавы, обычно, и возникали на тех отрезках подземелий, где современная их сеть соединялась с куда менее клаустрофобной немецкой инфраструктурой или же исключенными из оборота задолго до Атаки туннелями, датированными еще девятнадцатым веком. Учитель в первые годы подземных мытарств исследовал множество такого рода старых каналов. Несмотря на серьезную нестабильность старых конструкций, уцелевшие куда охотней селились в давно замурованных коридорах, которые, если сравнивать с социалистической частью канализации, выглядели как дворцы рядом с халупами. Смелость эта имела и свою цену. Не одна семья погибла под осыпями, когда, нарушенные зубами времени и сотрясенные силой недалекого ядерного взрыва, потолки с грохотом обваливались. Порой они погребали под собой целые поселения. Одно из таких мест находилось неподалеку, как раз на пути странствия Помнящего и его сына.

Сталкеры зажгли лампы и провели беглецов к ближайшему перекрестку, а там свернули влево, даже не поглядев на очередные указатели. На этом отрезке они миновали только одного человека, спешащего на восток курьера, который не одарил их даже мимолетным взглядом. Учитель и Немой, по примеру проводников, оперлись о круглую стену, чтобы дать ему проход. Двести метров от места, в котором они его повстречали, канал раздавался в большую камеру. Два идеально округлых входа в туннели, к которым необходимо было подниматься по вбитым в бетон скобам, вели дальше на запад, а вот третий, лежащий чуть пониже, шел прямо на север, но они не выбрали ни один из них, несмотря на то, что над каждым из туннелей виднелось по четыре, а то и больше названий.

Потому что в этом месте беглецам нужно было сойти ниже, на более старый уровень каналов — если хотели они избежать ненужных проволок при прохождении через лежащий на их пути анклав. Это был очередной из хитрых пунктов плана Станниса. Споры со стражниками в контрольных точках отняли бы у путников слишком много времени. Особенно напорись они на службистов, а уж этих хватало в каждой из гвардий. По этой причине кузнец и советовал, чтобы они выбрали старые туннели, лежащие несколькими метрами ниже и редко посещаемые. Благодаря им они могли миновать анклавы Лицей и Капитолий. Путь этот, как слышал Учитель, в последнее время использовался исключительно сталкерами.

Беглецы подождали некоторое время в камере, пока встреченные здесь груженные мужчины, идущие в противоположном направлении, исчезли за поворотом туннеля.

— Это действительно безопасно, если использовать маски, — заметив колебание Учителя, заверил негромко тот из братьев, который раньше шел впереди. — Мы пришли к вам понизу, — добавил он, указывая на защищенное обычной решеткой отверстие в бетонном полу.

Помнящий задумчиво кивнул. Поглядывающий в его направлении сталкер решил, что это означает согласие, и сразу же присел, чтобы поднять запертый на один засов люк.

— Погоди,— остановил его Учитель.

— Нечего опасаться,— поддержал брата второй сталкер.— Люди рассказывают жуткие вещи о тех местах, но это все враки,— казалось, он говорил искренне.

Помнящий знал, что они не врут. Сомнение у него возникло не из страха перед неизвестным или из опасения за жизнь. Люди Станниса, не зная, что место это ему знакомо, полагали, будто он испугался дурной славы, которая окружала находящиеся под их ногами туннели. Но правда была куда сложнее.

Тринадцать лет назад, когда отряды копателей из окрестных анклавов пробились сквозь толстую стену, блокировавшую кусок коридора, находящийся на нижних уровнях ровно под этой камерой, глазам людей открылся удивительный вид. Нитка канала, выстроенная в девятнадцатом веке, вела в большое помещение, состоящее из четырех идентичных, параллельных холлов. В каждом было метров пятьдесят длины, метра четыре ширины и столько же высоты, если считать расстояние до высшей точки свода, который подпирался двадцатью толстыми колоннами. Чем было это место и для чего оно служило — не знал никто. Наиболее правдоподобная версия гласила, что это регуляционные камеры, где собиралась вода из окрестных коллекторов, если пропускного размера системы не хватало для быстрого ее сброса. Однако истинность этой теории подтвердить было невозможно.

Каково бы ни было назначение этой комнаты, она казалась идеальным местом для создания анклава. Обитатели окрестных переполненных лагерей принялись состязаться за получение привилегии перебраться в Собор — как по очевидным причинам называли эти таинственные камеры. В анклав Иного даже устроили лотерею, победители которой — ровно сорок шесть человек — получали право перебраться в подземный дворец. Среди счастливых была и Ананси, невысокая музыкальная двадцатидвухлетняя девушка, с которой Помнящий познакомился вскоре после прибытия в Вольные Анклавы и с которой тогда связал свою жизнь. Его раздражал факт, что она приняла участие в лотерее, не поставив его в известность, но, с другой стороны, радо-

вала перспектива переезда — поскольку счастливы, выбранные лотереей, могли забрать в новый анклав своих близких. Однако Иной имел некоторые возражения и выразил их предельно ясно. Не по нраву ему была потеря своего наиболее доверенного человека. Только когда он понял — не без подсказок Учителя, — что может получить контроль над вновь возникшим сообществом, он перестал чинить препоны.

Ананси отправилась в Собор одной из первых. Хотела забрать с собой Немого, но тот не пожелал покидать отца, в чем не было ничего странного: в конце концов, они были рядом друг с другом с того момента, как мальчишка начал воспринимать окружающий мир. Решили тогда, что Помнящий присоединится к переселенцам, едва лишь обучит своего преемника — через несколько недель.

И он отправил Ананси в Собор, помог ей выбрать место, где они должны были позже поселиться — под стеной у пятой колонны в последнем ряду. Подальше от входа, зато у накрепко замурованного входа в канал. Наполненная окаменевшим илом, выступающая на добрый метр труба идеально подходила для второго этажа их будущего жилья... и для дополнительной комнаты, в которой у них было бы немного приватности под боком у растущего ребенка.

Тремя днями позже, во время урока, Учитель почувствовал короткое дрожание пола. Знал, что это означает, однако и допустить не мог, что катаклизм коснется места, которое должно было стать его домом. Не подумал об этом даже когда гвардейцы объявили тревогу, словно безумные колотя в висящую на цепи рельсу, использовавшуюся в анклав вместо колокола. Он до сих пор не мог простить себе, что не появился на месте обвала раньше, хотя отлично понимал: это ничего бы не изменило. Свод Собора рухнул, когда пришедшие туда люди принялись бить в потолок дыры для улучшения циркуляции воздуха. Достаточно было нарушить кладку в нескольких местах, чтобы пошла цепная реакция и вся конструкция обрушилась. Поселенцев накрыли тысячи тонн земли и обломков.

Помнящий понятия не имел, где могла оказаться в тот момент Ананси, но подозревал, что работала возле собственного

бокса, а значит... Он требовал, чтобы спасатели попытались добраться до угла камеры, прорыть туннель вдоль стены, но предводители отозвали людей после двух дней работ, как только заметили, что находящиеся неподалеку от входа остатки потолка нестабильны и грозятся обрушиться.

Потом, годы и годы, Учитель обещал себе, что попытается докопаться туда собственными силами и проверить, прав он был или нет, полагая, что свод у самой стены не обрушился или обвалился не сразу, дав Ананси шанс спрятаться в трубу и выжить. Все советовали ему забыть, но он упрямо заставлял себя думать, как напугана была его женщина, когда пыль опала, а она поняла, что ее ждет медленная смерть от удушья. Успокоился он только когда нашел человека, который рассчитал ему, насколько хватило бы воздуха в небольшом замкнутом пространстве. Результаты — всякий раз, сколько бы вариантов он ни прикидывал, — однозначно указывали, что Ананси не имела ни малейшего шанса дожидаться спасения. Даже если бы не остановили работу, девушка не дожидаясь спасения день-два.

Это была единственная причина сегодняшнего колебания Учителя. Когда Станнис объявил ему, куда пойдет их путь, он почувствовал неуверенность, но ничего не сказал. Полагал, что сумеет справиться с эмоциями и спуститься в этот массовый могильник, где оказались погребены и его мечты о создании семьи. После тех событий у него было еще несколько женщин, но ни с одной из них связь не оказалась настолько сильной, как с Ананси. Он не хотел заново переживать ту боль, какую почувствовал тогда, когда его, бывшего в истерике, выводили из канала.

— Это действительно необходимо? — спросил он наконец чуть дрогнувшим голосом.

Сталкеры со значением переглянулись. «Видят во мне всего-то лишь перепуганного гражданского... да и пусть оно так останется», — подумал он.

— Если хочешь, можем идти верхом, — обронил один из них, не скрывая досады. — Но нужно решиться сейчас. Каждая минута промедления уменьшает наши шансы на...

— Сколько времени мы можем потратить? — этот вопрос был задан затем лишь, чтобы оттянуть момент принятия решения.

— Четыре поста... — сказал тот сталкер, который сидел у люка. — По полчаса — на каждый, понятное дело. У нас при себе достаточно оружия, значит, не обойдется без разговора с кем-то из властей анклавов, а это — лишняя потеря времени. Сказал бы я, что из Форта мы выйдем в лучшем случае часа через четыре. Низом доберемся до того самого места раз в десять быстрее, но если у тебя с этим проблема... — он сделал красноречивую паузу.

У сталкера в голове не укладывалось, что человек с татуировкой на виске может быть настолько труслив. Может, решил сделать себе такой узор лишь затем, чтобы сойти за крутого?

Учителю хватило на раздумья секунд десять. Он должен попрощаться с женщиной, которую любил по-настоящему.

— Спускаемся, — скомандовал он, обнимая сына.

ГЛАВА 12

СОБОР

Воздух в туннелях на низшем уровне вонял падалью. Здесь, в отличие от используемых каналов, не было вентиляции, поэтому сталкеры приказали беглецам надеть маски, прежде чем позволили им спуститься в узкий колодец.

Учитель замер только раз, когда они проходили место, где некогда находилась стена, отрезающая остальное пространство этого уровня. Теперь от нее не осталось и следа — идеально круглый туннель был однообразно сер, а за ним скрывался лишь мрак, разгоняемый теперь светом фонаря и двух ламп. Одна из масляных ламп покачивалась в руках Помнящего. Только Немой себе не подсвечивал. Однако ему и не нужно было этого делать, поскольку шел он за отцом шаг в шаг, связанный с ним, трясущийся, как при воротах, когда до него впервые дошло, что он не на прогулке.

Ход из магистрального канала был коротким, всего в несколько метров, а за ним начинался зал Собора, от которого нынче остался лишь узкий проход вдоль одной из стен. Горы обломков, смешанных с землей, убрали только от стены, чтобы спасатели могли продвигаться без серьезных препятствий. В нескольких местах из осыпи торчали вершины колонн и чудом уцелевшие фрагменты свода. В слабом свете масляных ламп,

здесь еще менее ярких из-за недостатка кислорода, приходилось двигаться осторожно, словно сотрясение, обрушившее потолок, вот-вот начнется снова.

Учитель опустил взгляд. Пятьдесят метров — это немало, особенно для людей, живущих в тесных подземельях, но преодоление этой дистанции заняло всего несколько минут. Еще чуть-чуть, и он покинет этот могильник навсегда. Еще минута, и он оставит позади один из страшнейших своих кошмаров. Когда идущий впереди сталкер добрался до противоположного конца Собора, Помнящий передвинул лампу влево и окинул взглядом все еще видимый вход в туннель, который он когда-то, вместе с несколькими другими спасателями, бил попеременно, пока нестабильная земля не осыпалась снова и едва не погребла их под собой. Выхваченный оттуда в последний момент, он предпочитал не замечать опасность, хотел сразу же вернуться к прерванной работе, но его увели силой и не позволяли вернуться, пока накал эмоций не упал и не погасла последняя искорка надежды.

— Бедные сукины дети, — идущий в арьергарде худощавый сталкер заметил движение Учителя и инстинктивно перекрестился. Тут, под этими завалами, некогда осталось более ста пятидесяти тел. Мужчин, женщин и детей, которые полагали, что схватили Бога за бороду и получили шанс на новую, лучшую жизнь. — Хорошо еще, что погибли на месте.

Помнящий вздрогнул, услышав эти слова. Он никогда не был в этом уверен. Даже странно, что в приходящих к нему кошмарах он видел лицо той женщины, а вовсе не Ананси...

Ведущий их сталкер вынул из рюкзака веревку, что заканчивалась «кошкой». Развернул ее, раскачал в чуть согнутой руке, а потом широким замахом бросил, с первого раза зацепив одним из крюков за настежь открытую решетку, которая должна была охранять вход в находящийся высоко над их головами канал. Подергал для проверки за толстую веревку, а потом стал ловко подниматься.

Учитель не обращал на это внимания. Стоял на краю осыпи в глубокой задумчивости, успокаивающе поглаживая дрожащего Немого.

Парень наверняка помнил веселую женщину, чьи губы часто двигались непонятным для него образом. Благодаря усилиям отца и собственному упрямству он, в конце концов, научился читать по губам, но так никогда и не понял смысла музыки и сильно раздражался, когда Ананси начала что-нибудь напевать, поскольку пение слов сбивало его с толку. О том, что она не бросила их, а погибла, Немой узнал только через несколько лет, когда Учитель решил, что он достаточно созрел и вынесет это известие. Только не сказал сыну, где она умерла. Не хотел, чтобы Немой легкомысленно выбрался из анклава, поскольку мир, в котором им пришлось жить, был далек от совершенства — как и для большинства уцелевших.

Теперь же, приняв решение, он повернулся к сыну, сдвинул маску на лоб и поднял лампу так, чтобы ее свет убрал тени от его рта.

— Тут погибла Ананси, — он произнес эти слова не вслух, а одними губами, не желая, чтобы сталкеры узнали об истинной причине его колебаний.

Глаза Немого расширились. Он сперва боязливо оглянулся через плечо, а потом развернулся полностью. Посмотрел на завалы земли, тянувшиеся от его ног до самого потолка, и начал задавать вопросы. Указал двумя пальцами на свои глаза, потом развел руки в вопросительном жесте. «Покажи, где».

Годы назад, когда стало понятным, что задерживающийся в развитии мальчишка не будет ни говорить, ни слышать, Помнящий сделал все, чтобы найти человека, знающего язык жестов или хотя бы учебник, по которому можно было бы обучить мальчика. Увы, или везение его было невелико, или же слишком немного глухонемых пережили Атаку. Потому ему пришлось создать собственный способ коммуникации с сыном. И он сделал это так, как умел. Со временем усовершенствовал систему знаков настолько, что они с сыном могли разговаривать на многие темы.

«Покажи, где!» Толчок погруженного в свои мысли отца заменял повышение тона. Подгоняемый ворчанием второго стал-

кера, Учитель опустил маску на лицо. Но, прежде чем двинуться в сторону веревки, он указал пальцем на едва заметную яму. Там, где некогда находилось начало выкопанного им спасательного туннеля. Два выпрямленных пальца. Сжатый кулак. Двадцать. Потом движение, имитирующее шаги.

— Хватит уже этой пантомимы! — крикнул сверху проводник, встряхивая веревкой.

Они поочередно взобрались в низкий туннель с плоским дном. Некогда это был один из многих каналов, по которым дождевая вода или талый снег стекал через Собор в главный коллектор. Теперь они представляли собой часть отрезанных подземелий, которым, скорее, грозил обвал, чем новый контакт с водой.

Когда все оказались наверху, сталкеры втянули веревки и закрыли круглую решетку, притянув ее к ржавой, но все еще солидной раме. Замочная скоба с хорошо слышным хрустом вошла в узкую щель замочного навеса, сделанного из длинной, без малого метровой, трубы, и сразу же была закрыта знаком выглядящим замком. Проводник заметил интерес в глазах Учителя.

— Одолжил у кузнеца, — пояснил он, скаля зубы. — Обычно мы не закрываем этот проход, но Станнис попросил сделать все, чтобы задержать вероятную погоню.

— Ловко вы придумали, — одобрительно кивнул Помнящий, заглядывая в трубу.

— Мое изобретение, — похвастался второй сталкер. — Снаружи не открыть, — добавил с гордостью.

Он был прав. Человек, который взобрался бы к решетке, как они только что, не имел ни единого шанса добраться до спрятанного запора. Труба была длиннее человеческой руки. Если Белый попытается пойти напрямую, его ждет изрядная неожиданность и лишние четверть часа на решение проблемы.

Преодоление не такого уж и длинного коридора заняло у них почти двадцать минут. Идти приходилось на корточках, а порой и на четвереньках — это было непросто и изматывающе даже для людей, приученных к подобного рода активности, а Учитель

и его сын не путешествовали по туннелям уже долгие годы. Но в конце концов они кое-как добрались до очередного колодца и упали там на кирпичный пол, дыша, словно новобранцы после многокилометрового кросса.

Они преодолели триста пятьдесят метров низшего уровня подземелья. В сумме, с того момента, как они покинули анклав Иного, прошли около километра — и уже были едва живы. К их счастью, в этом месте заканчивался самый трудный перегон первого отрезка пути. Взойдя по двадцати пяти скобам, они попадут в новые каналы, где-то между Фортом и Капитолием. Нужно пройти еще один анклав, чтобы оказаться на краю Запретной Зоны.

Вертикальная шахта вела в очередной шлюз. Тут, как и в предыдущей, почти идентичной камере, у них было три дороги на выбор. В отсвете покрывающих потолок и все стены фосфоресцирующих неонов они заметили канал, ведущий прямо на север, и два туннеля, идущих на запад. Проводник указал пальцем на дыру правого овального входа. Размещенный над ним указатель гласил, что это обводной путь, по которому можно добраться до Слепой Ветки, на границе Запретной Зоны.

— Кузнец велел, чтобы в Капитолий мы не входили.

Помнящий вызвал в памяти карту этих мест. Капитолий, несмотря на громкое имя, на самом деле был одним из наименьших и наиболее открытых анклавов, проход через него занял бы у них не больше четверти часа, да и передохнуть перед дальнейшей дорогой не мешало.

— Окружная — лишь ненужная потеря времени, — сказал он, думая, скорее, об усталости сына, чем о том, чтобы быстрее добраться до необходимого магистрального канала.

— Станнис полагает, что мы должны обходить стороной все анклавы. Это собьет с толку возможную погоню. Кроме того, чем меньше людей видят нас вместе, тем лучше для меня и брата. Мы ведь тут остаемся... — добавил он со значением.

Учитель кивнул. Насчет тех нескольких путников, с которыми они разминулись в туннелях, можно было не переживать. Люди эти были ему совершенно чужими, направлялись они

к им одним известным местам, а потому не могли оказаться поблизости, когда разъяренный Белый разошлет своих гвардейцев по самым дальним анклавам. Он глянул на часы. С момента выхода на поверхность прошло едва-едва полтора часа. Если все пойдет согласно плану, через десяток-другой минут они окажутся у баррикады, которая ведет в Слепую Ветку, а оттуда — уже рукой подать до шлюза.

— Хорошо. Сделаем, как советует Станнис. У нас достаточное превосходство.

ГЛАВА 13

СЛЕПАЯ ВЕТКА

Сорок минут.

Столько времени потребовалось им, чтобы добраться до контрольной зоны перед баррикадой, стерегущей вход в Слепую Ветку. По дороге они не встретили ни одной живой души, что несколько их не удивило, — несколько лет назад люди из этих мест бежали в страхе перед разрастающимися над их головами постыдными джунглями, чьи форпосты поглотили — в полном смысле этого слова — почти весь приграничный пояс. И ничего не обещало, что они остановятся в ближайшее время. Неизвестные ранее, странные и смертельно опасные растения распространялись по поверхности почти так же быстро, как фосфоресцирующие грибы в туннелях.

Немецкий канал в этом месте был прямым, как стрела, и настолько широким, что двое мужчин могли встать тут плечом к плечу. Благодаря бледно-синему отсвету путники прекрасно видели цементные полукруги баррикады, черные, словно уголь, дыры бойниц и находящуюся между ними стальную плиту закрытого прохода.

— Кто должен стоять сейчас на посту? — спросил обеспокоенный проводник, когда после довольно долгого времени ему так никто и не ответил.

Его брат вытащил из кармана затрепанный блокнот, перевернул несколько пожелтевших страниц в поисках нужной, а потом, не отводя глаз от бумаги, произнес:

— Рубин и Полурослик.

— Эй! — крикнул сталкер, пытаясь обратить на себя внимание охраняющих проход гвардейцев.

Он миновал оградку, встал рядом со сбитым из досок столом, снял со спины лук и положил его на неровную столешницу. Минутой позже туда же легли пояс с мачете, три ножа, рюкзак и остальные вещи.

Худощавый медленным шагом приблизился к баррикаде. Все время говорил, звал обоих охранников по именам. Приблизился на пару метров к бетонной стене, но ответа так и не получил. То, что блокирующая проход железная плита была закрыта на четыре засова, Учителя не удивило. В такие опасные времена обитатели анклавов, расположенных на обочине, имели право охранять свой дом любым доступным способом. Но Помнящий, однако, не понимал, почему они никого не оставили на посту: все свидетельствовало именно об этом. Проводники выглядели растерянными и пойманными врасплох таким-то поворотом дела.

Худощавый сталкер как раз остановился перед самой баррикадой, на краю ведущего ко входу гофрированного помоста, на которую в случае нападения обороняющиеся могли лить горящее масло. Однако против одного безоружного человека никто не применил бы оружия массового поражения постъядерного мира. И все же сталкер заколебался перед входом на гриль — как на жаргоне гвардейцев назывались такие места.

— Рубин?! Полурослик?! — крикнул он снова. — Это я, Шурп! Пришел с Гвоздем, как мы и договаривались! Я привел клиентов к Горлуму!

Учитель улыбнулся, поглядывая на стоящего рядом с ним сталкера. Получается, он узнал их не слишком-то оригинальные прозвища. И хотя они были предельно тривиальны, чтобы он сумел связать их с одним из знакомых ему мест, одно он знал наверняка — судья анклава, в котором парни воспи-

тывались, не принадлежал к людям интеллектуальным или начитанным — ну ни капли фантазии. Вот Иной — другое дело, это невозможно было не признать. К тому же, был он точен в оценках. Умел верно подсказать родителям. Помнящий знал его достаточно, чтобы без труда распознавать ассоциации, которые приводили к тому или иному выбору. Взять хотя бы сына предводителя, Белого...

— Вот сука, — пробормотал он, оглядываясь через плечо.

В туннеле, сколько видел глаз, не было никого, а благодаря отсветам он видел немалый кусок овального канала.

— Что случилось? — Гвоздь непроизвольно схватился за нож. Немой, стоящий между ними, тоже осмотрелся по сторонам, не понимая нервного поведения мужчин.

— Белый, — Учителю не было нужды что-то объяснять.

Сталкер обернулся, вынул из рюкзака половину большого бинокля и приложил окуляр к глазу. Подрегулировал резкость, а потом опустил руки.

— До поворота — никого, — сказал спокойно. — Альбинос не смог бы добраться сюда раньше нас, — добавил, немного подумав. — Даже отправься вскоре после вас, что совершенно невероятно. Нет, — покачал он головой, — это невозможно. И поверху он никак не успел бы этого сделать.

— И как ты в таком случае объяснишь, что ваши приятели не желают вас впускать? — спросил Учитель, поворачиваясь лицом к баррикаде.

Тем временем Шуруп добрался до бетонной стены и, продолжая ласково приговаривать, попытался заглянуть в одну из амбразур. Сперва с некоторого расстояния, потом — прижавшись к холодной поверхности.

— Полагаю, они закрыли дверь и с другой стороны, потому что темно, словно у ступача в жопе, — крикнул он остальным, не скрывая удивления. — Рубин, зараза, если это одна из твоих дурацких шуток, то я с тобой больше не вожусь! — возмутился он, приложившись к щели в бетоне.

Учитель облегченно вздохнул. Если местные гвардейцы, знакомые сталкеров, порой над теми подшучивали, это могла быть

одна из таких шуток. И совсем недурственная, если учитывать уровень адреналина, который они сумели нагнать в вены ждущих людей. Облегчение, однако, продолжалось недолго. Шуруп выпрямился, медленно оглянулся, сделал пару странно неуверенных шагов и... рухнул, словно подкошенный.

Гвоздь отреагировал с некоторым запозданием. Сперва открыл рот, словно желая что-то сказать, потом ухватился за лук. Однако отбросил его, еще не успев потянуться за стрелой из колчана, и бросился к брату. Эти несколько секунд спасли ему жизнь. Помнящий ухватил его за плечо, а когда сталкер попытался вырваться, умело взял его в замок за шею.

— Хочешь погибнуть, идиот?! — прошипел в ухо бьющемуся от боли мужчине. Тот покачал головой. — Я тебя отпущу, но ты должен обещать мне, что не полетишь сразу к нему.

На этот раз Гвоздь кивнул.

— Обещаю, — выдохнул он.

Учитель убрал руку. Мигом позже сталкер кинулся бежать. Но он был медленнее более опытного, пусть и куда старшего мастера контактного боя, а потому рывком все и закончилось. Подрубленный и ударенный в висок, он безвольно повалился на бетон.

— Дурень... — проворчал Помнящий, поспешно обыскивая карманы лежащего без сознания мужчины. В одном из них он нашел то, что ему и было нужно: толстые ремешки, выправленные из шкуры шарика. Завернул руки сталкера и связал их в запястьях. Потом он спутал ноги проводника. Это решило дело. По крайней мере, пока.

Немой глядел на все это широко раскрытыми глазами. В дрожащей руке он держал нож, будто ожидая нападения невидимого противника. Учитель попросил жестом, чтобы он успокоился, потом приказал спрятать нож. На вопрос, что случилось, ответил согласно с правдой: «Не знаю. Останься здесь. Следи за ним», — показал на связанного Гвоздя.

Сам же вынул из заплечного мешка противогаз, надел его и старательно подтянул все ремешки. Также надел кожаные перчатки, какие использовали на поверхности. Он не знал еще,

что обездвижило или убило проводника, и потому предпочел перестраховаться. Прежде чем двинуться в направлении лежащего под баррикадой сталкера, еще раз успокоил жестом сына, а после короткого раздумья приказал надеть маску и ему.

Шуруп оказался мертв.

Перевернув его на спину, Помнящий увидел посиневшее лицо, вытаращенные глаза и неестественно распухший язык, вывалившийся из раскрытого рта. Типичный вид жертвы отравления. Учитель глянул в сторону баррикады.

Подошел к бетонной стене и сам заглянул в отверстие. Ничего, одна темнота. Непроницаемая, словно пространство с другой стороны залили густой смолой. Кто-то, должно быть, заслонил щель — поскольку грибы расплодились здесь по всей поверхности стены.

Помнящий подошел ко второму отверстию, но и там не смог ничего увидеть. Потом присмотрелся к плите, закрывавшей вход. Сталь толщиной в три миллиметра, с характерными «елочками», идеально прилегала к углублениям в бетонной стене. Он знал, как строили подобные укрепления в анклавах, и отлично понимал, что легче разбить стену, чем вырвать ворота из завес.

Здесь их дорога на запад и заканчивалась.

Они прошли такой кусок пути, чтобы наткнуться на непродоходимую преграду. От другого анклава с шлюзом их отделяло два километра туннелей. Им придется отступить до самого Капитолия, а потом отправиться на север и... Учитель покачал головой. План кузнеца, похоже, рухнул. Некий Горлум, кем бы он ни был, должен был передать ему весточку для людей из Башни и информацию о нынешнем состоянии за Запретной Зоной. Да хрен с ней, с весточкой, но без этой информации он будет беспомощен, словно ребенок в тумане. А чужак в этой стране гибнет быстро, как говаривали в его время на территориях, управляемых нынче железной рукой Спортивок и Полос.

— Да мать же его так! — крикнул он, а потом изо всех сил ударил в стальную плиту, которая отрезала его не только от магистрального канала, но и от будущего.

Сталь завибрировала, металлический звон отразился эхом в клаустрофобическом пространстве. Прежде чем тот смолк вдали, Помнящий уже шел в направлении сына.

Немой, сидя на корточках рядом со все еще лежащим без сознания сталкером, вскочил. Отступил на шаг, выпустив нож из руки.

Учитель замер.

Услышал за спиною тихий скрежет, словно металл терся о металл. Он медленно обернулся, чувствуя, как встают дыбом волоски на его шее. Когда снова глянул на баррикаду, почувствовал холодок. Стальная плита падала все быстрее, скрипели петли, ослабленные цепи клекотали. Пойманный врасплох тем, что увидел, он даже не вздрогнул, когда падающая защита двери громыхнула о бетон. Стой он на шаг ближе — его наверняка бы раздавило.

— Я е... — голос его завяз в глотке, когда он взглянул в непроницаемый мрак, царящий во тьме канала за баррикадой.

ГЛАВА 14

НЕОНКИ

Учитель прислонил Гвоздя спиной к столу, на котором прибывающие в Слепую Ветку гости оставляли свое оружие. Сам же присел рядом с Немым. Вместе ждали, пока оглушенный сталкер придет в себя. Однако, на всякий случай, не стали его развязывать.

Гвоздь очнулся только через несколько минут. Приходил в себя медленно, кривясь при каждом движении головой. Удар, которым Помнящий послал его в короткое ничто, был не сильным, но — хорошо рассчитанным. Синяк с виска сойдет только через пару дней, однако боль уйдет куда быстрее.

— Не вертись так, — предостерег Учитель, поднимаясь.

Звук его голоса напомнил сталкеру, что, собственно, произошло. Он дернулся, что лишь ухудшило его ситуацию. Не сумел сдержать рефлексорного рвотного рефлекса. Розово-желтая масса молниеносно заполнила его маску. У Помнящего не было выбора, пришлось содрать ее с лица блюющего Гвоздя.

— Я же говорил — не вертись! — рывкнул он, поддерживая ошеломленному мужчине голову.

Сталкер глянул на него с ненавистью. Попытался поднять руку, чтобы вытереть блевотину с губ. Не удалось. Гвоздь скривился, потом сплюнул, чтобы хоть так согнать горечь с языка.

— Что с моим братом?

— Мертв,— спокойно, как сумел, ответил Учитель.— И если бы я тебя не оглушил, ты бы лежал сейчас с ним рядом,— он указал в сторону баррикады.— Понимаешь?

Ответом был очередной ненавидящий взгляд. Однако на этот раз — несколько более спокойный, чем минуту назад. Гвоздю потребовалось время, чтобы переварить известие о смерти брата и понять, что поступки человека, которого они сопровождали, не были направлены против них. Головная боль наверняка не давала ему совладать с мыслями. Потому Помнящий терпеливо ждал момента, когда удастся поговорить со сталкером спокойно. Одновременно следил за ним, высматривая первые признаки отравления. Запасной маски у него не было. Шуруп же не оставил свою вместе с остальными своими вещами, а использовать предмет, который находился в зоне воздействия яда, газа или что оно там было, казалось не более разумным, чем предоставить Гвоздя его судьбе. Особенно учитывая, что, воспользовавшись случаем, Учитель мог проверить, активен ли еще токсин. Он не знал, что убило людей в анклав, — после того, как дверь отворилась, он лишь кинул один взгляд на трупы, лежащие за баррикадой, но сразу догадался, что подобную картину он увидит во всех его туннелях за толстой перегородкой, отделявшей обитаемые каналы от поста.

Он обыскал лежащий на столе рюкзак, вынул из него тряпку и бутылку не слишком хорошо фильтрованной воды. Отер лицо Гвоздя, потом позволил ему прополоскать рот. Эти мелкие дружеские жесты должны были помочь достучаться до сталкера.

— Головная боль скоро пройдет,— пообещал он, закручивая пластиковую крышку.

— Отчего ты ему не помог? — прохрипел Гвоздь после того, как сплюнул остатки воды.

— Он был мертв еще до того, как упал,— ласковым тоном пояснил Учитель.

— Ты не мог этого знать.

— Уж поверь. Так оно и было.

Гвоздь попытался покачать головой. Издевательская усмешка на его губах моментально сменилась мерзкой гримасой.

— Сука... — прошипел он сквозь стиснутые зубы.

— Терпение. Держи, — Помнящий открутил бутылку и приложил ее к потрескавшимся губам сталкера, позволяя ему отпить несколько небольших глотков. — То, что его убило, ответственно за смерть всех людей в анклав, — добавил еще, а когда глаза сталкера расширились, кивнул. — Именно поэтому никто нам и не ответил.

— Все? — прошептал Гвоздь.

— Кажется.

— Но... как? Мы ушли отсюда вчера вечером. Ничего не указывало, что... — он замолчал, а потом медленно опустил взгляд.

Помнящий отступил на шаг. Шок миновал, боль тоже сделалась поменьше. Рассудок должен бы вернуться к сталкеру в любой момент.

Гвоздь внезапно вскинул голову. Скривился, но уже не так сильно, как в прошлый раз.

— Моя маска, — прошептал просительно.

Учитель показал ему ее — покрытую блевотиной.

— Полагаю, особо ее не используешь.

— Но яд...

— Чем бы он ни был — убивает почти мгновенно, а ты все еще живой. Кроме того... — Помнящий снял со стола лампу, поставил ее перед сталкером и поднял стекло. Огонек колебался, кренясь в сторону открытого прохода. Поток воздуха делал невозможным выход токсина из анклава.

— Если так, отчего ты сам не снимаешь маску? — возмутился сталкер, не доверяя эксперименту.

— Скажем так: осторожность никогда не помешает. У тебя маска тоже осталась бы на лице, если бы не... — Помнящий пожал плечами.

Помолчав, Гвоздь глянул на него исподлобья.

— Получается, что я должен тебя поблагодарить за нокаут.

— Я не обижусь, если ты этого не сделаешь.

— Можешь меня развязать? — попросил чуть позже сталкер. Учитель потянулся за ножом.

Через четверть часа они стояли перед открытым проходом — столько времени понадобилось сталкеру, чтобы вычистить маску. Он не решился воспользоваться противогазом мертвого брата, которого, после короткого совещания, они решили оставить там, где тот упал. Предпочитали иметь как можно меньший контакт с токсином, по крайней мере, пока не узнают, что убило обитателей Слепой Ветки, а проверить это они могли единственным способом: войдя в зону темноты за бетонной баррикадой.

— И каким чудом открылся проход? — спросил Гвоздь, с подозрением поглядывая на стальную плиту.

— Он был открыт, — сказал Учитель. — Думаю, они сами открыли, — добавил он, указывая на труп женщины шагах в двух, под бетонной стеной. — Она пыталась сбежать. Разблокировала цепи, открутила запорную балку, но... — он развел руки, подходя ближе к телу. — Кажется, к тому моменту силы ее оставили. Хотела передохнуть, оперлась о стену, отделяющую вход от тамбура, — махнул рукой в сторону места, с которого слой пыли оказался стерт, — и умерла. Когда я ударил в плиту, цепи, должно быть, сдвинулись, дернули тело, а оно, падая...

Сталкер опасливо заглянул за баррикаду. Похоже, узнал мертвую.

— Это Рубин, — прошептал, после чего зацепился взглядом за тонкого, как жердь, мужчину, лежащего правее. — И Полурослик...

— Наверняка Горлум тоже лежит где-то там, — Помнящий мотнул головой в сторону темноты.

— Отчего тут так темно? — спросил вдруг Гвоздь.

— Должно быть, лампы выгорели, — пожал плечами Учитель. — Масла хватает на три-четыре часа, а трагедия могла случиться и прошлой ночью.

Сталкер покачал головой.

— Я не о том, — пробормотал он, все еще опасаясь шагнуть в анклав.

— А о чем?

— Почему не светят неонки?

Помнящий глянул на него внимательней. До этого времени он думал, что жители Слепой Ветки по им одной известной причине очистили туннели от мутировавших грибов. Слышал, что люди посуеверней соскребали фосфорические неонки со стен туннелей. Предпочитали жить в темноте, чем подпускать нечто неизвестное настолько близко к себе. Хотя и не было таких слишком много, он не удивился бы, если б все жители здесь принадлежали именно к такому меньшинству.

— А вчера светились?

— Как мутантовы яйца,— хмыкнул сталкер.

Учитель потянул за веревку, чтобы обратить на себя внимание сына. Немой с открытым ртом таранился на мертвого проводника. Ему уже приходилось смотреть на мертвых, порой — на ужасно искалеченных, но никогда еще не доводилось видеть настолько таинственной смерти. Только после второго рывка он обратил внимание на отца. «Фонарик. Поищи в мешке». Нескольких жестов хватило, чтобы парень понял, о чем речь. Он перетряхнул мешок мертвого сталкера и подал отцу древний предмет. Помнящий поработал рычагом, а когда сноп света сделался достаточно ярким, прошел через комнату поста и приблизился к стене туннеля.

В сиянии шестнадцати LED-ов он увидел слой грибницы, покрывающей кирпичную вогнутую стену. Выпуклые грибочки, которые в коридоре за баррикадой посверкивали синим, здесь были черными и... потрескавшимися. В каждом из них, размером не больше глазного яблока, он увидел широкую щель. Когда Помнящий дотронулся до одного из грибов, тот уступил нажатую так, словно был пустым. Учитель протолкнулся между Немым и Гвоздем, чтобы вернуться в коридор, и там, спрятав фонарь в карман, осмотрел другой, целый гриб. Он тронул его — тот вогнулся под пальцем. Странно, в их анклавке эти грибы были плотными, словно вырезанными из дерева. Учитель нажал сильнее. Неоновка лопнула с тихим шипением, выбросив облачко бледно-желтой пыли. Помнящий отскочил, удивленный этой реакцией. Гриб на глазах темнел, а облачко молниеносно рассея-

лось, исчезло на глазах удивленного человека. Только несколько пылинок осели на стекле маски. Учитель быстро стер их, а после вернулся в комнату охраны, провожаемый внимательными взглядами спутников. В свете фонаря присмотрелся к стене, с которой соскользнул труп женщины. То, что его покрывало толстым слоем, было вовсе не пылью, а этой желтой гадостью.

Поглядел на бледнеющего Гвоздя.

— У нас нехеровые проблемы...

ГЛАВА 15

ГОЛОСА

Он не ошибался. Войдя в анклав, они погрузились во тьму египетскую, а повсюду вокруг них лежали тела. Немой зажигал каждую лампу, которую они встречали по дороге, чтобы разогнать не только липкий, смолянистый мрак, но и переполняющий его страх. А бояться было чего. Все обитатели Слепой Ветки погибли мгновенно. Положение трупов указывало, что падали они там, где стояли или сидели. На лицах многих из жертв Помнящий заметил удивление и гримасу боли. Смерть пришла быстро, но наверняка не была легкой, в чем он теперь убеждался собственными глазами.

Слепая Ветка была одним из самых больших анклавов этой части города. Путаница каналов, в которой легко потеряться, особенно если ты новичок, стала домом для двухсот шестнадцати людей. По крайней мере, так утверждал Гвоздь, когда на лицо его вновь вернулся румянец, а к нему самому — желание говорить. И говорил он теперь как заведенный, словно пытался своей говорливостью подавить мучающий его страх. Учитель не приказывал ему заткнуться — как раз из-за этого. Вид стольких трупов подействовал и на его воображение. Поэтому он двигался неторопливо, тщательно освещая каждый уголок коридора, а на развилках надолго останавливался, водя фонарем туда-сю-

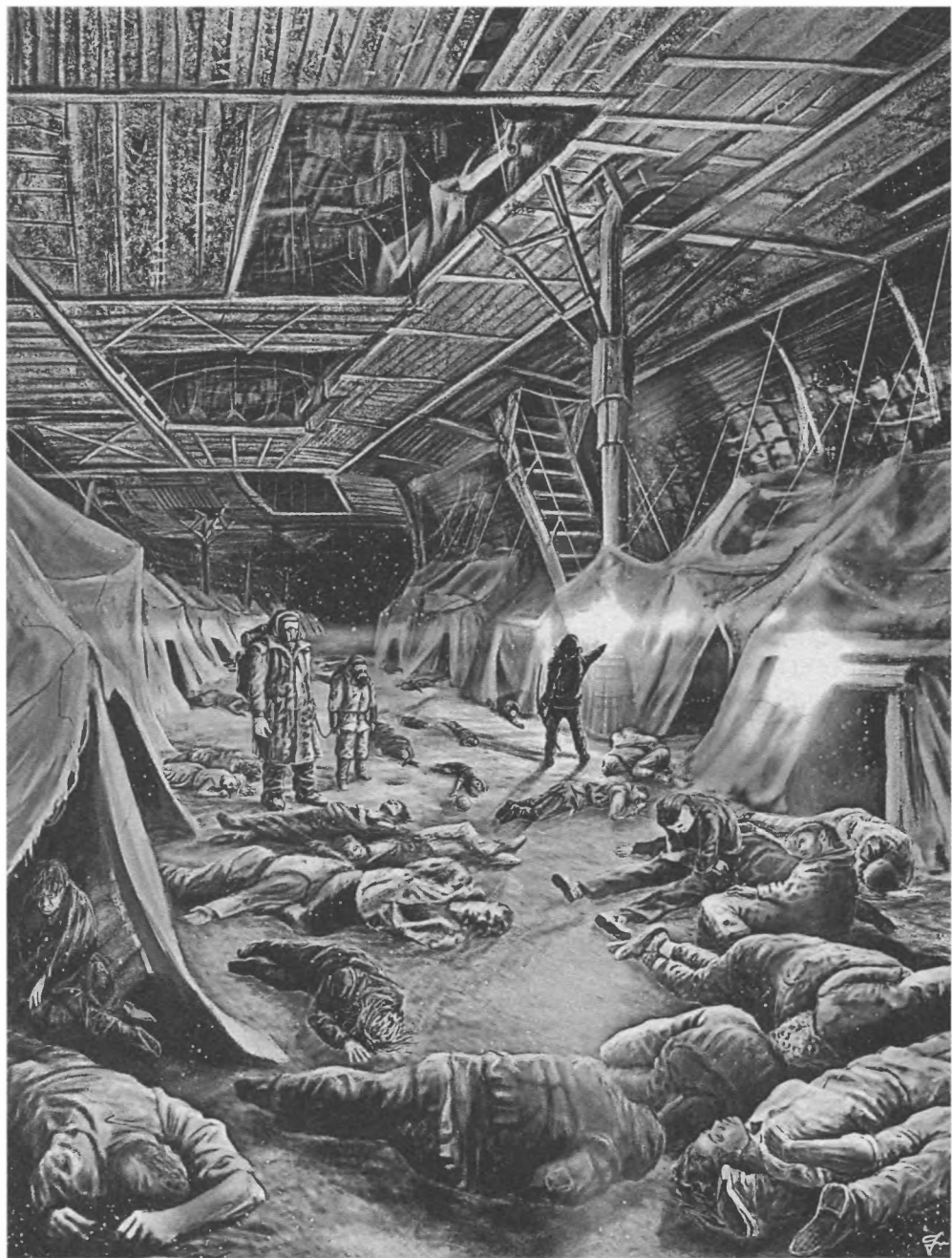
да, словно опасаясь, что из темноты в любой момент вынырнет шипозмей или какая другая тварь. Когда бы не проводник, Учитель остановился бы на первом перекрестке и там бы и остался.

К счастью, Гвоздь знал это место, как собственный карман. Возможно, он даже родился или вырос здесь, на пограничье, в одном из соседних анклавов. Сталкер провел обоих беглецов напрямик к боксу Горлума, который, судя по всему, был кем-то вроде надсмотрщика шлюза. Стальные ворота нельзя было открыть без его согласия. На сторожевом посту за осыпью держали ключ только от одного из двух огромных замков, которыми запирали переход. Второй ключ всегда лежал в кармане человека, который должен был передать Учителю зашифрованное послание руководству Башни. Без этого человека покинуть Слепую Ветку было невозможно.

Помнящий остановился перед сколоченными из досок дверями, ведущими в достаточно обширное помещение, которое напоминало перенесенный в каналы кэмпинговый домик или парковую беседку. Конструкция, сложенная из плит, крашенных в синий цвет, имела даже окно с настоящими, целыми-целехонькими, хотя и сильно грязными стеклами, на которых осел слой желтоватой пыли. Настоящая роскошь, которая наверняка попала сюда из далеких предместий. На этом берегу Одера редко видели целое стекло.

Сталкер постучал в косяк двери. Станный жест, имея в виду, что окрест не осталось живой души, но понятный, если верить словам, продолжающим литься из уст Гвоздя. Ибо хозяин был суровым человеком, жестко придерживающимся установленных им самим правил. Приди к нему без предупреждения — и ты попадешь в серьезные проблемы, в этом-де Гвоздь однажды убедился на собственной шкуре, когда неосмотрительно переступил порог бокса, неся важную весть. Не рассказывал, что тогда случилось, но, похоже, головомойку он тогда получил изрядную, если уж запомнил на всю жизнь.

Горлум, как и следовало ожидать, не ответил. Сталкер постучал снова — и снова никакой реакции. Когда он поднял руку для третьего раза, Учитель толкнул его в плечо.

— Он мертв,— процедил сквозь стиснутые зубы, пытаясь справиться со злостью.

Каждая лишняя минута на этом погосте выматывала ему нервы.

Худыш кивнул и вместо того, чтобы постучать снова, нажал на ручку. На массивную, кованую, наверняка снятую с какой-то церкви и совершенно не подходящую к этому месту. Дверь уступила, отворяясь с громким скрипом давно не смазанных петель. Гвоздь заглянул внутрь, пробормотал что-то и сразу же отошел. Даже порога не переступил.

— Нету его,— проворчал он, а физиономия при этом у него была такой, словно он почувствовал облегчение.

— Как это — нету?

Учитель протолкнулся мимо. Ему хватило единственного взгляда, чтобы понять: владелец покинул это место. Его рюкзак с инвентарем висел там, где и должен, сразу у входа, но крючок от маски оказался пуст. Помнящий посветил фонарем вокруг. У бокса была плоская крыша и четыре стены — три прямые, и одна изогнутая в трех местах, отделяющая внутренности от стены туннеля. Свет фонаря выхватывал из темноты металлическую, чуть ли не больничную, кровать, рядом стоял расшатанный комод, заставленный снимками мужчин в боевом обвесе и в черных мундирах, а еще дальше — стол, окруженный четырьмя простыми стульями. В одном из углов Горлум устроил себе настоящую ванную комнату. Там стояло помойное ведро, прикрытое куском доски, а рядом, под обломком зеркала, Учитель увидал столик с пластиковой мыльницей и... душ из пластиковой лейки — вроде тех, которые использовали для обеззараживания подле всякого выходного колодца. В общем, мужик жил богато.

В лишенном дверей шкафу — только теперь Помнящий рассмотрел, что из них сделали столешницу, — висело несколько мундиров, а под ними — большая брезентовая сумка. От легкого пинка она даже не шелохнулась. Учитель, услышав гневное бормотание сталкера, оставил ее в покое, как и увиденные мигом позже бутылки алкоголя. Настоящего, с поверхности. Кроме

двух поллитровок горькой на застеленной тряпкой полке с посудой, стояла еще и емкость с настоящим виски.

Чтобы внимательно осмотреть внутренности бокса, хватило нескольких минут. Помнящий присел на стул, ожидая, пока смущенный Гвоздь положит все на место, чтобы, когда они уйдут, и следа не осталось от их визита. Присвечивая сталкеру, он вдруг заметил, что ни на одной из синих плит не было и следа от грибницы. Не было неонов и на потолке. Как видимо, Горлум отказался от удобства дармового освещения, и это его спасло. Если он находился здесь в момент выхода токсина, у него были немалые шансы успеть надеть маску и сбежать — или переждать худшее, без необходимости покидать дом. Все указывало, что он выбрал первое решение, а это усложняло дело. «Без второго ключа мы из Свободных Анклавов не выберемся», — подумалось Учителю.

— Вот ведь сука! — рявкнул он внезапно, вскакивая со стула.

— Где? — буркнул пойманный врасплох сталкер, оборвав очередной монолог, в котором описывал свои более ранние контакты с владельцем этого пристанища.

— Мы сейчас не можем отправляться в Запретную Зону, — решительным тоном заявил Помнящий.

— Ты это о чем?

— А ты не понимаешь? — Учитель ткнул на темноту за окнами бокса. — Нужно сообщить жителям соседних анклавов, что здесь случилось, потому что это — не конец.

— Как это — не конец? — удивленный Гвоздь замер с кружкой в руке.

— Я тебя что, слишком сильно треснул? — Помнящий вздохнул и начал объяснять. — Неонки добрались до нас из Зоны, верно?

— Да.

— Здесь, на границе, они появились в самом начале, — слушающий его с открытым ртом сталкер кивнул. Слепая Ветка была одним из первых анклавов, в которых поселились фосфоресцирующие грибы. — А значит, в этом месте они — самые старые. Ты все еще не допер? Им нужно несколько лет, чтобы созреть и выбросить эти... эти ядовитые семена или что там у них.

Гвоздь снова кивнул, хотя по лицу его было понятно, что он слишком смущен, чтобы поспевать за потоком мысли Учителя.

— Споры.

— Что?

— У грибов это споры, если я верно помню.

— Сосредоточься на проблеме, а не на том, что там есть у грибов! Если здесь они полопались несколько часов назад, то следующие, в туннелях, могут выбросить токсин в любой момент. Один гриб я раздавил около входа. Он не настолько подвявший, как те, которые перестали уже светить, но он все равно куда мягче тех, что растут у нас, в анклав Иного. Понимаешь? — он схватил сталкера за плечи и крепко встряхнул. — Они уже созрели! Скоро начнут лопаться и травить! А потом придет очередь Капитолия, Форты, Лицея...

Гвоздь задышал так часто, что его визор запотел.

— Мы должны предупредить людей о грозящей опасности...

— Верно. Причем как можно быстрее, чтобы у них было время отреагировать. Такую массу грибницы не убрать за несколько минут. На это понадобятся дни, а может, даже недели, а я не знаю, сколько времени еще осталось, — Учитель потащил Гвоздя к выходу.

Ждущий в дверях Немой отскочил, выпуская их наружу.

«Возвращаемся», — передал ему на пальцах отец.

Парень смотрел удивленно. «Почему?»

«Возвращаемся», — повторил Учитель, потянув его следом.

Он не желал много говорить. Подсчитывал, сколько еще есть у него времени, успеет ли он добраться до Капитолия, а потом вернуться на пограничье, прежде чем гвардейцы Белого появятся в окрестностях, — поскольку не сомневался, что те уже могли начать его искать. В лучшем случае, они появятся на пограничье через два, два с половиной часа. Если он напряжется, может успеть. Предупредить обитателей ближайшего анклава — будет достаточно. Тамошний главный пошлет дальших нескольких курьеров, а потому новости об угрозе разнесутся по Вольным Анклавам молниеносно. А сообщить властям в Капитолии — не займет больше часа-полутора, если тамошний судья не пове-

рит на слово и захочет лично удостовериться в их сообщении. А значит, будет еще с час на поиск трупа Горлума и на то, чтобы скрытно выбраться в магистральный канал, где он навсегда исчезнет с глаз преследователей. «Может, так даже лучше», — подумалось ему. Гвардейцы Белого, которых предупредят по дороге курьеры, прервут погоню, едва только поняв, насколько большая опасность угрожает их близким. А зная их, он был почти уверен, что забудут на приказы Белого и повернут, едва лишь узнав о гибели Слепой Ветки.

Погруженный в эти мысли Учитель добрался до перекрестка самого широкого из туннелей. Прежде чем он успел повернуть, почувствовал, как кто-то хватает его сзади за воротник. Молниеносно развернулся, рефлекторно хватая за руку нападавшего, чтобы выкрутить ее в суставе, но замер на половине движения. Это оказался Гвоздь, приложивший указательный палец к тому месту, где под маской скрывались его губы. И в тот же момент Учитель услышал доносящийся из бокового туннеля скрип — словно кто-то отворил двери бокса.

«Тут кто-то есть! Значит, не все погибли?» Помнящий попытался освободиться от крепкого захвата сталкера, но тот лишь покачал головой. Убрал руку, лишь когда оппонент его отказался от сопротивления.

«Погоди», — показал Гвоздь жестом, протискиваясь между беглецами и стеной.

Присел на корточки, потом выставил голову из-за полукруглого угла. Пару долгих секунд наблюдал не проверенный ими раньше, погруженный в темноту канал, а потом, настолько же медленно, не поднимаясь, отступил назад, повернулся к Учителю. Выпрямил четыре дрожащих пальца, показывая, скольких людей он заметил. И наверняка это были не местные, поскольку — отреагировал бы иначе.

Помнящий тоже присел.

— И что тебя так напугало? — спросил он шепотом.

— Ты не слышишь? — ответил белый, как мел, сталкер.

Пришельцы, кем бы они ни были, систематически обыскивали каждый бокс и закуток каналов, словно что-то — или ко-

го-то — ища. При этом — старались не производить слишком много шума, но все равно, в такой невероятной тишине они оставались слышны с любого расстояния.

— Может, это спасательная экспедиция из Капитолия?

Гвоздь покачал головой.

— Нет. Это наверняка не наши.

— Что ты болтаешь? Говори, что ты ви...

И в этот момент из глубины коридора донесся пронзительный стрекот. Этот звук... Никто, родившийся в подземелье, не сумел бы его опознать. Однако у Учителя с этим не было ни малейшей проблемы. Такие звуки не издает ни одно живое существо, заблудившееся или доставленное в туннели. Звучал он, словно... коротковолновая рация. Помнящий вздрогнул. Действующее электронное оборудование? Через двадцать лет после Атаки?

После сигнала вызова — а именно этим должны были оказаться таинственные звуки — пришел негромкий ответ, а потом — новые, знакомо искаженные слова, лишь подтвердившие убежденность Учителя, что он слышит электронно-преобразованный голос. А потом те, кто обыскивал туннели, начали отступать. Делали это поспешно, словно чего-то опасаясь. Эхо их шагов постепенно стихало, пока не исчезло вдали.

— Что это было? — допытывался Гвоздь. Должно быть, он заметил странную реакцию Учителя, поскольку не отступал. — Говори, мужик! — прошипел, дергая беглеца за рукав.

Помнящий колебался всего секунду.

— Знаю, что это прозвучит странно, но у этих людей была действующая рация. Ты в курсе? Это такое оборудование, чтобы связывать на расстоянии, — добавил, видя непонимание в глазах Гвоздя.

Электромагнитный импульс уничтожил изрядную часть электроники, находящейся в городе, а то, что уцелело от атомного пожара, перестало работать как минимум десятилетие назад. Оборудование двадцать первого века было хорошим, дешевым, легкодоступным, но оно быстро ломалось, поскольку именно такую стратегию приняли концерны, заваливающие рынки все

более новыми моделями компьютеров, мобилок, фотоаппаратов, телевизоров и плееров. На маркетинговом жаргоне такое называлось «плановым старением». Достаточно было поместить в оборудовании одну дорогую деталь, чей срок действия ненадолго превышал срок гарантии, и фирма имела устойчиво быстрый сбыт очередной модели устройства, поскольку старое оказывалось слишком дорого ремонтировать. Эта предосудительная политика, однако, отыгралась на уцелевших. В постядерной реальности не было поставок устройств нового поколения, а немногочисленные электронные приборы, что пережили Атаку, не слишком-то могли сделать в каналах — без доступа к энергии и специализированному оборудованию. А когда, в конце концов, закончились и они, исчезла последняя ниточка, соединяющая человека со старыми технологиями. Через десять лет после войны остатки человечества бесповоротно погрузились во мрак нового средневековья. Но, похоже, с некоторыми исключениями...

Сталкер, против опасений Учителя, не высмеял его. Только медленно покачал головой, словно отбрасывая собственные мысли, а потом пробормотал набожным тоном единственное, но так много значащее слово:

— Чистые...

Помнящий тяжело вздохнул.

— Чистых не существует, — уверил он. — Уж можешь мне поверить.

У каждого города есть свои легенды. Вроцлав в этом смысле не был исключением. Еще до Атаки люди рассказывали невероятные вещи о немецком подземном городе — о километрах таинственных туннелей, тянущихся от центра до самой Собутки и Лешницы. Никто их не видел, не было ни одного доказательства их существования, и все же умы исследователей, одержимых и простых обывателей и через десятки лет раскалялись добела. Когда последний из уцелевших сошел в каналы, их мысли заняли новые рассказы, а в мифических гитлеровских подземельях зародились Чистые. Кем они были — того не знал никто. Ни одного из них никогда не схватили, а достоверные случаи, когда их видели, можно было перечесть по пальцам одной руки.

Если верить возвращающимся с поверхности собирателям и сталкерам, таинственные фигуры появлялись порой в море руин — чаще всего где-то вдаль — и исчезали, не оставив и следа, если кто-то отваживался подойти ближе. Только в нескольких случаях разведчики, как раз сидевшие, притаившись, в укрытиях, видели тех людей по-настоящему вблизи — по крайней мере, так они утверждали. Называли их Чистыми, поскольку те имели идеально гладкую кожу на лицах, словно никогда не испытывали на себе влияния излучения, а носимые ими серые защитные комбинезоны всегда выглядели новенькими, будто взятыми со складов. Так говорили немногочисленные свидетели, но никто и никогда не предоставил доказательства существования таинственных пришельцев из неисследованных подземелий. Со временем старые городские легенды слились с новыми, и Чистые теперь заселяли недоступные для уцелевших немецкие туннели, ожидая должного часа, чтобы вернуться и принять под свою руку поверхность.

— Фигню несешь, мужик,— раздраженно произнес Учитель.— Нет никаких Чистых. И не был никогда. Это только бредни, рассказываемые такими дураками, как ты, чтобы выцыганить у местных дармовую порцию самогона.

— Неправда,— возмутился Гвоздь.— Я знаю, что я видел. А ты знаешь, что слышал.

Наличие рации было неоспоримым фактом, но такое вовсе не означало, что мертвый анклав населен существами, которые оставались здесь постыдными соответствиями йети и бигфутов. Прежде чем Помнящий сумел ответить сталкеру, он почувствовал рывок веревки, соединяющей его с сыном. Сидящий чуть поодаль Немой развел руки в вопросительном жесте. Он не мог слышать людей, которые обыскивали туннель, не видел и губ отца и его собеседника. Потому ничего странного, что сильно обеспокоился странным их поведением. «Ничего серьезного,— успокоил его жестом Учитель.— Сейчас пойдем дальше».

— А ты что видел? — спросил он, поворачиваясь к сталкеру.— Говори!

Гвоздь ответил не сразу, а когда отозвался, голос его слегка дрожал.

— Фигуры странно выглядящих людей, освещенных блеском очень ярких фонарей.

— То есть — хрен там что ты видел, — оборвал его Учитель.

— Говорю тебе, я знаю, как выглядит настоящая электрическая лампочка, — вскинулся сталкер.

— Ты говоришь об этом? — засмеялся Помнящий, вытягивая из кармана довоенную игрушку, с которой ходил раньше Шуруп. — Если вы такой имели, другие тоже могут пользоваться чем-то подобным.

Гвоздь протянул к нему руку.

— Отдай.

— Получишь его, когда мы откроем шлюз. — Учитель предпочитал пока не лишаться источника света, который был не только ярче, чем масляная лампа, но и дотягивался куда дальше. — Возвращаемся к выходу.

Он чувствовал себя не в своей тарелке при мысли, что где-то в туннелях может быть некто, обладающий довоенной технологией. Как большинство трезвомыслящих людей, Помнящий не верил в легенды о Чистых, поскольку прекрасно знал, что в городе нет и сантиметра неисследованных подземелий. Тысячи людей годами пересекали каналы, прокапываясь к давно выведенным из употребления коридорам и комнатам, например, таким, как несчастный Собор. Однако никогда и нигде не обнаруживались спуски в мифический подземный город. К тому же, Учитель прекрасно знал, откуда взялись первые легенды о Чистых. Ведь он был непосредственным свидетелем эвакуации элит — людей, которые должны были переждать худшие времена в настоящих убежищах. Это они потом появлялись в руинах, чистенькие и ухоженные, покидая на недолгое время безопасные убежища, чтобы проверить, возможно ли уже возвращение на поверхность. И это они массово гибли, когда наконец выходили из роскошных — для послевоенных времен — бункеров, в которых все же заканчивались припасы.

Во второй и третий год, когда наступил апогей их возвращений, уцелевшие вырезали как минимум несколько сотен Избранных, как их тогда называли. Не щадили никого. Остав-

ленные на милость судьбы уцелевшие взыскивали цену крови с тех, кто был достаточно богат или влиятелен, чтобы обеспечить себе место в подземных ковчегах и пережил величайшую из войн в относительном покое. Последние из них появились на поверхности под конец третьего года новой эры. Изможденные, затравленные, мало чем отличающиеся на вид от обычного уцелевшего. Понимающие, что с ними может случиться, они сидели в укрытиях так долго, как только могли, — то есть, до самого конца.

Всякий Чистый, которого замечали позже, был, должно быть, миражом или порождением воспаленного мозга жаждущих славы сталкеров. Уж кто-кто, а Учитель знал лучше остальных, что в две тысячи тринадцатом году в этом городе не существовало бункера, который позволил бы людям выживать десять, а то и двадцать лет полной изоляции. Это было физически невозможно.

И все же мысль о действующих рациях не давала ему покоя. До сих пор он полагал, что в Вольных Анклавах для него не осталось никаких тайн, а тем временем хватило всего-то нескольких звуков, чтобы уверенность эта лопнула, словно мыльный пузырь.

Миновав зев туннеля, где еще несколько минут назад шуrowали таинственные люди, он повел сына и не менее возбужденного сталкера в сторону коридора, которым они сюда и прибыли. И чем сильнее они удалялись от жуткой тьмы, в которую погрузился бокс Горлума, тем сильнее ему казалось, что желтоватый свет, бьющий от ламп, прогонял не только темноту, но и страх.

И вдруг где-то за его спиной раздалось очередное пронзительное потрескивание.

Учитель развернулся на пятке, потянувшись к ножу. Свет фонаря выхватил из темноты склоненного Гвоздя. Сталкер как раз поднимал крышку одного из ящиков. Видя нервную реакцию товарища, он улыбнулся, извиняясь, и медленно ее опустил. Прихваченное смазанными шнурами дерево запищало знакомым образом.

«Рация,— подумал Помнящий.— Ну как же».

ГЛАВА 16

ПОГОНЯ

Наконец они добрались до поворота, за которым находилась баррикада — и тело Шурупа. Издали заметили узкую щель в бетонной стене, сквозь которую в туннель просачивался неземной свет. Синий, ласковый, еще недавно успокаивающий, будто кварцевая лампа в довоенных госпиталях... Всего-то несколько шагов — и они оставят позади этот мрачный, наполненный ядом склеп.

Все случилось мгновенно.

Идущий рядом с Учителем сталкер крутанулся, словно кто-то дернул его за плечо. В этот самый миг на охранном посту, метрах в двадцати, загорелись яркие огни. Кто-то зажег два — нет, три — фонаря, направляя их прямо в глаза приближающимся. Ослепленный Помнящий успел прикрыть веки, прежде чем почувствовал, как что-то бьет его в лицо.

Удар был настолько сильным, что Учитель отлетел назад и тяжело рухнул на кирпичный пол. Неожиданная атака застала его врасплох, но старые инстинкты быстро взяли верх. Он вскочил на ноги, сгреб все еще стоящего, словно солевой столп, Немого и рванул его с собой, перекатываясь за излом стены.

Мигом позже к нему присоединился ругающийся на чем свет стоит сталкер. Из его плеча торчала стрела. Обычная, из

тех, которые делали в анклавах. Вторую, такую же, удивленный Учитель заметил в визоре своей маски — и тогда понял, что в него, собственно, ударило. Наконечник нацеленной ему в голову стрелы пробил металлическую заслонку гнезда фильтров и обе угольные вставки, остановившись лишь на срединной сетке. Еще бы несколько миллиметров — и прошла бы навывлет...

Помнящий облизнул пересохшие враз губы. Еще бы чуть-чуть. Правда — еще бы чуть-чуть. Он потянулся к заплочному мешку, порылся в нем, одновременно прислушиваясь, не бегут ли те, кто в них стрелял, в глубь туннеля, чтобы завершить работу. Но со стороны сторожевого поста доносились лишь нервные покрикивания.

Учитель вынул кусачки, тронутые ржавчиной, и умело скусил древко сразу над срезом фильтра. Емкость с мазью была у него в кармане. Мгновенно замазал пробитое отверстие слоем темной, жирной кашицы и только тогда осмелился вздохнуть.

Когда закончил с маской, занялся сыном. Нападавшие, кем бы они ни были, знали, что делают. Начали с уничтожения целей, представляющих наибольшую угрозу, а безоружного парня оставили на десерт. Немой был крепко напуган и успел пару раз удариться, но в остальном оказался цел и здоров. Учитель успокаивающе похлопал его по плечу, потом отвязал веревку, которой они были соединены — чуть ли не все время, как вошли в укрытие при сквере. Ему нужно было чуть больше свободы — на тот случай, если дойдет до схватки. Отодвинув парня под стену, он присел над молчаливо страдающим сталкером. Стрела глубоко воткнулась в плечо Гвоздя, но навывлет не прошла. Помнящий обрезал ее не сильно коротко — чтобы было за что ухватиться, когда придет время вытаскивать ее и внимательней осматривать рану.

— Вот и все твои Чистые,— проворчал он, бросая кусок с оперением на колени парня.

Это было типичное творение рук уцелевших. Оперение вырезано из фрагментов искусственного материала, древко — из первой попавшейся ветки, настоящее чудо, что чем-то таким попадают в цель. Даже если стреляют метров с двадцати. Но что

за дело до такого раненому? Боль, которую он чувствовал при каждом движении, заставляла забыть обо всем — может, за исключением воли к жизни. А обстоятельства были не слишком хороши.

Если верить карте кузнеца, из этого анклава можно было выйти только двумя путями: через пост за поворотом, то есть возвращаясь к Капитолию, или через шлюз, ведущий в Запретную Зону. Из пары прочих транзитных туннелей, что шли с востока на запад вдоль путей, находящихся за анклавом, один заканчивался через пару сотен метров уже упомянутым шлюзом, второй же был накрепко заблокирован во время эпидемии, разразившейся не так давно, — чтобы отрезать поселение Горлума от прореженного заразой анклава Парикмахера. Беглецы, таким образом, оказались в большой, но лишенной выхода ловушке.

— Сукины дети... — прошипел сталкер, осторожно поднимаясь с земли.

Несколько его не слишком удачных попыток распрямить руку дали Помнящему понять, что проводник, похоже, для боя не сгодится. Рана не выглядела слишком серьезно, но слишком уж обездвиживала левое плечо, делая, тем самым, невозможным использование лука. Враг прекрасно знал, что загнал их в угол, и, как видно, не собирался рисковать в схватке лицом к лицу. Нападающие все еще сидели на посту, словно боясь углубиться дальше в темноту.

— Ты знаешь этот анклав лучше меня, — Помнящий повернулся к Гвоздю. — Подумай, нет ли отсюда другой дороги.

Сталкеру не пришлось раздумывать долго.

— Есть, но из двух зол я бы уж предпочел попасть им в руки, — он кивнул на ползущие по кирпичному потолку круги света.

— А пояснить? — попросил Учитель.

Гвоздь ушел от вопроса пожатием плечей, за что заплатил очередной порцией невыносимой боли. Снова скривившись, он указал на потолок. Ну да. Это и правда была не очень хорошая идея. Старые железнодорожные ветки уже долгие годы относились к Запретной Зоне непрерывно расширяющегося

царства всяческих мутаций. Выход на поверхность в этом месте, даже сейчас, через двадцать лет после зараженных осадков, мог закончиться единственным образом. Только вот излучение было меньшей из угроз, с какой мог столкнуться там человек. Помнящий содрогнулся от одной мысли о визите в самую гущу сине-фиолетовых джунглей, в которых почти все формы жизни были ядовитыми или отравленными.

— Значит, нам не остается ничего другого... — начал он, но замолчал на половине фразы, слыша крики со стороны поста:

— Учитель, побереги свои и наши силы! Это конец твоего пути!

Он хорошо знал этот голос, как и издевательский смех, который мигом позже отразился многократным эхом от стен и потолка туннеля.

— Белый, — прошептал он, подозрительно зыря на сталкера.

Он не мог верить, что альбинос так быстро добрался до Слепой Ветки. Этого попросту не могло случиться. Даже если бы Бендер донес об их выходе сразу после того, как они оказались на поверхности. Даже если бы предводитель анклава сразу же догадался, что он имеет дело с хитростью. Нет, отыскать следы беглецов и добраться до них так быстро было невозможно.

«Разве что кто-то подсказал альбиносу, каким путем мы станем убегать, — с горечью подумал Учитель. Об их планах знало лишь несколько человек. — Кузнец и его сообщники, кем бы они ни были...» Помнящий почти сразу отбросил эту мысль. Люди Станниса предприняли слишком много трудов, чтобы его спасти. Это сужало круг подозреваемых до двух человек. Вопрос только, кто из братьев продал их этому уроду? Судя по искреннему удивлению на лице Гвоздя и торчащей из его плеча стрелы, предатель — Шуруп...

— Да пошел ты! — крикнул в ответ Учитель, а когда альбинос вновь зашелся в смехе, снова взглянул на сталкера и, понизив голос, спросил: — Где у нас лучшие шансы противостоять этим гадам? Нам нужно хорошее место для обороны или для того, чтобы устроить засаду.

Особо не задумываясь, Гвоздь покачал головой.

— Этот анклав — настоящий лабиринт коридоров и переходов. Если мы отступим за первый перекресток,— он указал здоровой рукой на зев ближайшего бокового коридора,— люди Белого смогут зайти к нам с тыла или даже напасть с двух сторон сразу.

— Здесь тоже нет никакой защиты,— Учитель окинул взглядом пустой туннель.— Если они выдвинутся, мы не спра...

Альбинос оборвал его на полуслове. На этот раз он говорил дольше и казался еще более веселым.

— Я дал бы тебе время на размышление, дружок,— орал он,— но обстоятельства подгоняют! Решай быстрее! Трах-бах! Выходите по-доброму, или мы так вас отделаем, что вы до конца жизни будете помнить! То есть, где-то с четверть часа, если я правильно считаю...— он засмеялся злобно и заразительно. Его люди еще ржали, когда он добавил.— У тебя простой выбор! Сдаешься и погибаешь быстро и в меру безболезненно. Или разыгрываешь крутого и подыхаешь в невероятных муках вместе с твоим ублюдком. Выбор за тобой.

«Выбор. Ну да».

— Как-то не слишком я тебе верю! — крикнул в ответ Помнящий, пытаясь выиграть время.

Ему было нужно что-то выдумать. Это не могло закончиться так вот.

— Твоя проблема! — коротко ответил Белый.— Решение за вами, господа!

Из-за угла доносились какие-то удары и треск, словно там ломали доски. Когда Учитель вопросительно взглянул на сталкера, тот указал пальцем на раненое плечо и покачал головой. В таком состоянии в качестве разведчика пригодиться он не мог. Немой трясся, словно осина, и в том не было ничего странного: он впервые в сознательной жизни оказался в опасной ситуации.

«Погаси те лампы»,— попросил его Учитель, выполнив несколько жестов, после чего указал на ближайшие источники света. В этом не было нужды, в туннеле и так царила тьма, он просто хотел, чтобы парень занялся чем-то конкретным и хотя

бы на минуту-другую перестал думать о том, что сейчас произойдет. Пусть верит, что у его отца есть план.

Помнящий встал на колени, потом лег на живот на кирпичный пол у стены и очень медленно пополз к углу. Держа голову пониже, выглянул. Возле сторожки кипела работа. Однако гвардейцы не готовились к фронтальной атаке, как можно было предполагать. В свете фонарей и отблесков из открытой двери Учитель увидел, что они разбирают перегородки, которые окружали огневые ячейки, и устраивают из полученного дерева и тряпок изрядную поленницу посередине коридора. Понимание пришло в долю секунды. Эта сволочь собирается поджечь собранный мусор и задымить весь анклав. Это затянется на какое-то время, но отсроченный приговор все равно будет приведен в исполнение, а обещанная им смерть и вправду окажется болезненной и тяжелой, особенно если они решат сражаться до конца.

Лежа под стеной, Учитель пересчитал врагов. Семеро. Белый взял с собой половину гвардии. С этого расстояния и при таком слабом свете Помнящий не мог разглядеть подробности, но не сомневался, что это должны быть наиболее доверенные и умелые солдаты нового предводителя анклава. Семеро на одного. У него не было шансов. К тому же, чем дольше он будет оттягивать конфронтацию, тем большее страдание навлечет на себя и сына. Сталкер был не в счет — он знал, на что подписывается, когда принимал поручение от кузнеца.

Помнящий отступил к тому месту, где его дожидались Немой и Гвоздь.

— Худо дело, — прошептал он, глядя сталкеру прямо в глаза. Потом, отвернувшись к сыну, показал ему большой палец и широко улыбнулся. Парень спросил жестом, что он собирается делать. «Увидишь», — ответил он, прежде чем снова сосредоточил внимание на сталкере.

— Этот твой Горлум, если я верно понимаю, до войны был копом?

Гвоздь кивнул.

— Антитеррор. Но какое это имеет значение?

— В его боксе я заметил несколько разных мундиров и большую брезентовую сумку. Можешь ее мне принести?

— Я не стану обкрадывать мертвецов,— фыркнул сталкер.

— Тогда ты скоро к ним присоединишься.— Учитель в нескольких словах передал ему, что готовит Белый.

Картина длительной и болезненной агонии задела воображение Гвоздя. Все еще кривясь, он побежал в темноту, прижимая раненую руку к боку.

«А что я должен делать?» — передал жестами Немой.

«Загляни в ближайшие боксы и принеси все оружие, какое сумеешь найти», — попросил Помнящий. На самом деле ничего такого для реализации своего плана ему не было нужно, но необходимо было чем-то занять обеспокоенного сына.

Когда же он остался один, вернулся на угол.

— Почему ты просто нас не отпустишь? — крикнул он в сторону поста, расстегивая выгоревшее «моро». — Мы бы ушли за Запретную Зону и ты бы никогда нас больше не увидел!

— Может, я и странный,— крикнул в ответ альбинос,— но предпочитаю чистоту! И потому я решил, что не стану придерживаться условий договора! Если уж ты должен исчезнуть из моей жизни, то — навсегда!

— Я никогда не сделал ничего, чтобы тебе навредить!

Пояс с сюрикенами упал на землю, как и упряжь с ножами.

— Это ты так говоришь!

— Нет! Такова правда! Если бы я хотел власти, то получил бы ее давным-давно, а ты бы нюхал себе цветочки из-под земли!

— Это что, одно из твоих довоенных образных обозначений смерти? — веселым тоном прокричал Белый.

— Да. Что-то вроде: приклеился бы как слепой манок к щупальцу сарлака!

— Нюхать цветочки из-под земли! Хорошо! Сильно! И так поэтически! Я должен это запомнить, Учитель! — последнее слово Белый произнес с большим презрением.

— Я знаю еще!

— Очень жаль, что ты не успеешь поделиться с нами своим знанием!

На этот раз рассмеялись уже все. Работы подходили к концу. Около баррикады делалось все тише. Еще пара минут — и гвардейцы бросят на собранные дрова последние куски дерева и пропитанную жиром ветошь. Помнящий обернулся и пожалел, что приказал Немому погасить все лампы. Он видел бы, возвращается ли сталкер, и тому было бы легче волочить мешок.

— Посмотри вокруг! — крикнул он, переводя взгляд на людей альбиноса. — Ты не видишь, что тут случилось?! В этих туннелях, кроме нас, не осталось ни одного живого человека!

— Я не слепой! — уверил его Белый.

— Вместо того чтобы терять людей в схватке со мной, тебе бы разослать их по окрестным анклавам и предупредить всех! Станешь героем! Другие предводители тебя в жопу станут целовать за то, что спас их от такой судьбы!

— Спасибо за добрый совет, Учитель! Отправлюсь на спасение остальных анклавов, как только покончу с вами! Как знать, может, на целовании жопы все не закончится и я добьюсь того, о чем тот старый хер мечтал все эти годы!

— Говоришь о своем отце?

— А ты догадлив!

— Ты ему и до щиколоток не дорос, ублюдок! — Помнящий специально повторил любимое ругательство альбиноса. — А кроме того, ты, похоже, давно не глядел в зеркало! — издевательски крикнул он, еще раз оглянувшись в темноту за спиной. Время заканчивалось, а сталкера все еще не было. «Или он тоже предатель?» — Люди никогда не пойдут за клоуном, который выглядит как труп с выпущенной котокатом кровью! Ты для них — карикатура на человека! Ты бы об этом знал, если бы решался ненадолго высовывать нос из собственной задницы и слушать то, что уцелевшие из других анклавов о тебе говорят!

— Ну, как вижу вот прямо сейчас, это ты теперь в одиночестве, а совсем не я! — засмеялся Белый.

Голос его даже не дрогнул. Альбинос давал вывести себя из равновесия. «Странно», — подумал Помнящий, теряя надежду на то, что насмешками он может заставить врага изменить планы и броситься в глубь туннеля.

— А я и предпочел бы оставаться в одиночестве, а не окружать себя такими пиндюками! Да у Ловкачки яйца были побольше, чем у всех их вместе взятых! — попытался он зайти с другой стороны.

— Слышали, парни? Учитель вас хвалит! — иронизировал Белый, никак не реагируя на упоминание только вчера убитой партнерки. Или было ему все равно, или кто-то хорошенько над ним поработал. — Поблагодарим же его пламенно! Давайте!

Помнящий выругался. «Где этот проклятуший Гвоздь?» Первая лампа разбилась на сложенном топливе. Промасленные тряпки и сухое дерево занялись мгновенно. Языки огня выстрелили вверх, увенчанные клубами черного дыма. Это был последний момент. Отчаявшийся Учитель вынул из кармана фонарь. Закрутил рукоять и направил пучок резкого белого света вглубь туннеля, выдергивая из темноты сгорбленную фигуру, которая волокла что-то продолговатое и черное.

У раненого Гвоздя уже не было сил тянуть тяжелый мешок. Учитель сорвался с места и, схватив пояс с оружием, подбежал к задыхающемуся сталкеру, подсвечивая себе фонарем. Немой, увидав свет в туннеле, тоже вернулся с поисков. Принес целую охапку мачете, топоров и даже несколько луков и спортивный арбалет.

— Кинь это, — попросил отец, светя себе прямо в лицо, чтобы парень прочитал с его губ, что он говорит, — и поддержи фонарь.

Когда Немой выполнил приказ, Учитель быстро подтянул тяжелый, словно кирпичами набитый, мешок, одним движением раскрыл его и принялся выбрасывать уложенное там оружие. На кирпичный пол полетели: темный полицейский шлем с забралом, завернутый в промасленную тряпку «калаш», несколько пистолетов, черный, словно смола, «моссберг», несколько больших мешков гильз и пласты свинца. Помнящий прервал работу только на миг, чтобы глянуть на встающее над завалом зарево. Под овальным потолком туннеля уже собиралось толстое облако черного дыма. Время бежало неумолимо а вместе с ним — уходил кислород.

Он нашел то, что хотел, на самом дне мешка, под всем этим арсеналом, которому в первые годы после Атаки позавидовал бы

не один из анклавов. Он поспешно вытащил сложенный в плоский сверток «броник». Черный, как и мешок, в котором его хранили, темнее наполняющего туннель мрака.

— Часы у тебя есть? — Учитель схватил Гвоздя за здоровое плечо и, когда тот кивнул, добавил: — Возьмите лучшее оружие, какое найдете, и лягте вот здесь, лицом к земле. Чем ниже, тем меньше будет дыма. — Потом, надевая тесноватый броник, он проинструктировал должным образом и сына, повторяя то, что уже сказал сталкеру. Потом потянулся за шлемом. Тот, в свою очередь, был чуть великоват, но достаточно было положить внутрь мокрый платок, чтобы тяжелая защита головы перестала съезжать на глаза. Концом мокрой тряпки Помнящий заслонил стекло маски. Намоченная арафатка плотно легла на поверхность плексигласа. Потом он склонился над кучей принесенного оружия, поднял два топорика и, оглянувшись через плечо, процедил: — Ждите ровно минуту, а потом хватайте оружие и бегите в сторону выхода. Режьте каждого, кто встанет у вас на дороге.

И, прежде чем те успели отреагировать, он обернулся и исчез в густеющем облаке дыма.

Низко склонившись, Учитель быстро миновал угол стены и, прибавив скорости, побежал прямо на костер, пылающий с такой силой, что стоящие за ним гвардейцы ничего не могли слышать. В нескольких шагах от костра он широко размахнулся, посылая сквозь пламя сперва один, а сразу после — второй топорик. Те исчезли в дыму, прежде чем он успел выхватить из ножен два самых длинных ножа. Помнящий сильно оттолкнулся, заслонив лицо руками. Жар моментально усилился, кожу под толстой одеждой запекло, словно кто-то ободрал ее и посыпал при том солью. Тряпка, заслоняющая стекло, быстро отдавала влагу, шипя змеей. Время замедлилось, сдерживаемое очередными порциями адреналина. Что-то ударило его на высоте живота, второй удар он почувствовал чуть выше. Третий, самый болезненный, около стопы. Однако он не успел крикнуть.

Мигом позже Учитель был по другую сторону огненной стены. Падая, сорвал ненужную уже арафатку с маски. Он летел

прямо на тянущихся за новыми стрелами гвардейцев. Четверо стояли по бокам перед бойницами, двоих в середине строя — как он и хотел — выбили топориками. Один лежал на земле с разбитой головой, второй стоял на коленях, тупо глядя на широкое острие, воткнувшееся ему в живот.

Белый стоял в трех шагах за своими миньонами. Стоял там с раззявленным ртом, словно не мог поверить собственным глазам. Черная, словно смола, дымящаяся фигура внезапно вынырнула из огня и в классическом развороте выросла сразу перед ним. Коричневые пеньки зубов клацнули с громким стуком, когда широкий нож напавшего пробил кожу под нижней челюстью Белого, входя глубоко в небо и втыкаясь в мозг. Тело альбиноса мгновенно расслабилось. Прежде чем оно бессильно рухнуло на труп Рубин, Учитель успел выдернуть клинок, крутануться на пятке и метнуть оба ножа. С такого расстояния промазать он не мог. Едва-едва разворачивающиеся Декстер и Дрого отлетели назад. Первому повезло больше. Тяжелая финка вошла под углом ему в глаз, а потому он погиб на месте. Голубоглазый же верзила получил в шею. Давясь собственной кровью, он попытался и рухнул на спину, прямо в огонь. Его нечеловеческий визг сбил с толку двух оставшихся гвардейцев. Прежде чем они успели отбросить только мешающие им в этой ситуации луки, безоружный уже Учитель подскочил к первому и быстрым движением сорвал маску с его лица. Второго, то есть Бендера собственной персоной, ничто уже не могло спасти.

ГЛАВА 17

СХВАТКА

Гвоздь выпрыгнул из бушующего пламени с диким воплем и поднятым над головой мачете. Тихий, как сама смерть, Немой появился по эту сторону огня через секунду. Оба встали, как вкопанные, увидев результат молниеносной атаки Помнящего.

Учитель даже не глянул в их сторону. Он стоял на коленях над подрагивающим в конвульсиях гвардейцем. Из живота жертвы все еще торчала перевитая ремнями рукоять боевого топорика — одного из тех, которые Помнящий всего-то минуту назад взял с кучи трофейного оружия. Расправив плечи, он глянул на маску, которую сжимал в руках, но тут же отбросил ее в угол. Она была покрыта не только слоем желтой пыли, как и все в этих мрачных коридорах, но и густой кровью.

Гвоздь пришел в себя первым. Переступая через тела убитых, он осмотрел поле боя, больше всего внимания уделив мертвому альбиносу.

— Похоже, ваше противостояние завершено,— обронил он наконец, всовывая мачете в примитивные ножны из плохо выделанной кожи.

Учитель покачал головой.

— Не совсем,— прохрипел, протискиваясь рядом с Гвоздем, чтобы выйти в погруженный в голубое свечение туннель.

— Не понимаю,— сталкер двинулся следом.— Теперь ты можешь спокойно исчезнуть. Достаточно отыскать труп Горлума, забрать его ключ и открыть шлюз. Идите своей дорогой, а я позабочусь о том, чтобы все как можно скорее узнали об угрозе со стороны этой мерзости,— он указал на невинно светящиеся мелкие грибочки.

Сталкер ловко придумал. После исчезновения беглецов он сделался бы героем, живой легендой подземелий. Человеком, который ценой жизни брата спас от верной смерти сотни невинных людей, а может и весь гребанный город.

— Нет,— бросил Помнящий, отстегивая броник, из которого все еще торчали две стрелы.

Наконечники их не сумели пробить всех слоев кевлара, но воткнулись достаточно глубоко, чтобы не выпасть самим. Третья стрела торчала из голенища высоких военных берцев. Вошла под острым углом в одно из металлических гнезд для шнуровки. Острие наконечника разорвало толстый «язык» берцев, поцарапав кожу на голени Учителя. К счастью, яд от грибов воздействовал только через дыхательные пути. И как раз в этом Помнящий был совершенно уверен. В противном случае раненый чуть раньше сталкер был бы уже мертв.

— Нет? — Гвоздь не скрывал разочарования. Видимо, он решил, что Учитель имеет намерение отобрать у него единственный шанс сделаться героем.— И что ты тогда собираешься делать?

— Сперва — давай погасим огонь,— ответил Помнящий, указывая на освещенные огнем ящики с песком и висящие над ними саперные лопатки.— Потом подождем, пока рассеется дым, а я перевяжу твою рану. Где-то через часок начнем обыскивать анклав, чтобы отыскать труп Горлума. После того, как получим второй ключ от шлюза, ты займешься уничтожением следов после схватки с Белым и спрячешь трупы гвардейцев.

— Это как, интересно? Что мне с ними делать? — вскинулся Гвоздь.

— Что-нибудь выдумаешь, ты же сталкер, верно?

— А что станете делать вы?

— А мы вернемся в анклав Иного. Не бойся, дружище,— добавил он быстро, видя, что Гвоздь собирается протестовать.— Ты останешься величайшим героем Вольных Анклавов — но станешь им только через несколько часов, после того, как мы решим свои дела и исчезнем в Запретной Зоне.

А поскольку во взгляде сталкера все еще таилось недоверие, он добавил:

— Слепая Ветка будет закрыта наглухо, едва только люди узнают, что случилось с местными обитателями. И как мы тогда доберемся до шлюза?

* * *

Проверять туннели они, по совету сталкера, начали с поста около шлюза. А куда бы еще мог отправиться Горлум, как не туда? Это было очень разумное решение, сберегшее им немало времени. Добравшись на место, они, правда, не нашли тела зрителя, но обнаружили веское доказательство того, что он здесь побывал, когда ситуация ухудшилась.

Длинный, прямой, как стрела, коллектор довел их до точки, где провалившийся некогда пол открыл уцелевшим столетний сток. Они сошли по отвесной осыпи в просторный зал, погруженный в полную тьму. Он был похож на тот, которым правил Белый, вот только здесь все элементы оказались не из бетона, а из красного кирпича. В одну из стен встроили большие стальные ворота, которые в первой половине двадцатого века служили для блокировки туннеля на случай наводнения — чтобы возросший уровень воды из русла Одера, отрезанного теперь провалом, не дал ей выплеснуться в центр города. Все стражники — а было их четверо — лежали мертвыми, как и остальные жители Слепой Ветки. Ни один из них не успел даже потянуться за маской. Погибли там, где стояли или сидели.

— А, чтоб тебя,— прошептал удивленный Гвоздь, когда луч фонаря Помнящего осветил некогда окрашенные в зеленый цвет ворота.

Одна из высоких, метра в три, створок оказалась приоткрыта, а этого невозможно было бы сделать без ключа, находящегося в распоряжении зрителя.

— Может, он сидел в своем боксе, когда все началось? — прикидывал сталкер, когда они закончили осматривать помещение. — Ты, может, не обратил в темноте внимания, но в его доме — четыре стены. Однажды я его даже спросил, зачем он растратил зря столько дерева, но он только засмеялся и сказал, что от камня тянет холодом, а колотун ему ни к чему.

Судя по тону Гвоздя, ответа зрителя он не понял.

— «Колотун» — это в переносном смысле, — неохотно пояснил Помнящий. — Так раньше говорили про переохлаждение.

— В переносном... — сталкер кивнул.

Учитель взвесил его теорию. Если зритель закрылся на четыре запора в достаточно герметичном домике — шансы на выживание у него были. Однако он должен был бы знать, что происходит снаружи. В этот момент Учитель вспомнил об окне, которое его так заинтересовало, когда он впервые осматривал бокс Горлума. Да, негодяю очень повезло. Когда другие мерли, как мухи, он мог спокойно взять маску, а потом, после всеобщей гибели, дернуть из вымершего анклава.

— Я одного не понимаю, — отозвался Учитель минут через десять, уже у последнего поворота. — Ведь от бокса до шлюза куда дальше, чем до выхода.

— Раз в десять дальше, если не больше, — сразу же кивнул сталкер, хорошо знавший анклавы.

— Так отчего он побежал туда, а не сюда?

— Понятия не имею, — признался Гвоздь. — Я бы сбежал в Капитолий, предупредил соседей и привел помощь.

— Я тоже. Каждый рассудительный человек так сделал бы, — поддержал его Учитель. — В его ситуации сбегать в Запретную Зону не имело никакого смысла. Именно оттуда пришли эти неонки, и наверняка там они прежде всего и полопались... — он замолчал, осознав все выводы, которые можно было из этого факта сделать. — Смена планов! — бросил, ускорив шаг. — Ты тут приберись и сообщи в Капитолий, а мы — исчезаем.

- Идете на север? — спросил пойманный врасплох сталкер.
- Нет,— Помнящий кивнул на погруженные в темноту туннели.— Там может оказаться еще хуже, чем здесь. Предпочту не рисковать. В Башню можно попасть и через государство церковников.
- Кузнец говорил, что...
- Кузнец не знал о яде, когда нас сюда посылал.
- Тоже верно,— согласился Гвоздь, — но...
- Никаких «но». Станнис приказал тебе провести нас к шлюзу. Ты это сделал. Все, точка. Тут наши пути расходятся.

ГЛАВА 18

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— А ты что тут делаешь? — удивленный кузнец широко распахнул глаза, когда увидел Учителя в дверях кузницы.

— Пришел замок вернуть,— Помнящий покачал на пальце массивный кусок железа.

Забрал он его с Собора, возвращаясь той же дорогой, которой прошел утром.

Станнис, не отложив молоток, пошел, покачиваясь, к входу. Когда проходил мимо Учителя, запахло от него самогоном и... блевотиной. Хоть было еще рано, он неплохо набрался, а бормотуха, которую гнали в туннелях, нисколько не напоминала нормальную водку, которую они делили прошлой ночью.

— Ты что, сбрендил, мужик? — прошептал он, заговорщицки выглядывая наружу.— Тебя не должно здесь быть. Если кто-то из парней Белого тебя заметит...— Он замолчал, словно поняв кое-что.— А где Немой?

— В безопасном месте,— успокоил его Помнящий.

— И то хорошо,— буркнул кузнец, но тут же насторожился снова.— И как ты сюда вообще пробрался?

— Главным туннелем,— ответил Помнящий, садясь на освободившийся табурет.

— В таком случае альбинос уже в курсе...— Станнис посерел и снова выглянул наружу.— Кто-то видел, как ты ко мне входил?

— Да не переживай об этом засранце...— Учитель принялся отстегивать клапан рюкзака.— Он нам уже не мешает.

Кузнец закрыл дверь и двинулся в сторону очага, но вдруг остановился.

— Ты его что... порешил?

Помнящий кивнул.

— Он попытался меня задержать — вот я прополол дурную траву.

— Он полез за тобой? — Станнис открыл рот, словно не в силах поверить в то, что услышал.

— Ага, полез,— подтвердил Помнящий.

— Вот мандовошка! — Кузнец аж присел на тяжелую наковальню.

Восемь человек тянуло ее с противоположного берега Одера, вскоре после того, как Учитель построил свою школу. Заняло это у них два дня. Проклятушая штука весила, должно быть, килограмм четыреста. Предыдущий кузнец заказал ее себе у сталкеров. Жаль, что не смог ее испытать.

— Мандовошка? — фыркнул Помнящий.— Не обижай этих милых козювок.

— Как...— начал Станнис, но Учитель остановил его поднятой ладонью.

— Долго рассказывать.

— Да что ты! Это ж, небось, эпический бой состоялся. Вас четверо — ну, пусть трое,— поправился он сразу, отминусовав не того, кого стоило.— Против... сколько их было? Или ты скажешь, что он пришел туда один?

Помнящий ухмыльнулся себе под нос, словно вспомнив кое-что смешное, а потом покачал головой.

— Шестеро гвардейцев. Но мы сейчас не о них. Сперва я должен тебе кое-что показать.

Кузнец беспокойно шевельнулся. Молоток в его ладони подрагивал.

— Ты и вправду охренел,— пробормотал он.

Учитель не ответил. Встал с табурета и подошел к двери. Приоткрыл ее и выглянул наружу, словно проверяя, и правда ли никого нет в туннеле.

— В моем рюкзаке найдешь пластиковую флягу,— обронил он, не оглядываясь.

— Ага.

Услышал, как Станнис встает, а минутой позже до ушей его донеслось копошение и тихое побулькивание.

— Это то, о чем я подумал? — спросил кузнец дрожащим голосом.

— Да,— Помнящий оглянулся через плечо. Станнис стоял спиной к нему, склонившись над рюкзаком.— Попробуй,— добавил, сильнее открывая дверь и сунув руку в карман за замком.— Гарантирую, что до конца жизни не забудешь этот вкус.

Кузнец поглядел на свет на наполненную янтарной маслянистой жидкостью флягу. Громко сглотнул и вынул затычку. Долго обнюхивал небольшое отверстие горлышка.

— М-м-м,— промурлыкал расслабленно.— И откуда ты вытаскивал настоящий вискарь?

— Правильный вопрос: сколько я могу его принести,— обронил Учитель.

— Верно, дружище. Святая правда.

Заинтригованный Станнис приложил флягу к губам и сильно сжал ее, а дури в руках, привыкших к молоту, было немало. Закашлялся, когда комочек замазки, которой Помнящий заткнул горлышко, выстрелил изнутри узкого отверстия прямо ему в глотку, одновременно освобождая и облачко желтой пыли. Это была простая ловушка. Достаточно было налить во флягу виски из дома Горлума, приклеить внутрь по окружности крысиный пузырь, наполненный собранной в Слепой Ветке пылью и запаять горлышко комком уплотнителя. Перед тем как войти в кузницу, Помнящий полил флягу толикой алкоголя, который отлил в бутылочку от лекарств. Нажатие на

эластичные стенки заставило яд выстрелить прямо в раскрытый рот Станниса.

Учитель только этого и ждал. Используя момент неожиданности, выскочил из кузницы и, захлопнув за собой дверь, закрыл ее на замок. Надев маску и взяв в руки мачете, он надеялся теперь, что токсин не потерял силы. Если Учитель ошибся, Станнис без труда пробьет дыру в какой-то из стен и выберется наружу, распространяя смертельный яд.

Прошла секунда, потом вторая. Наконец что-то ударило в дверь. Но не слишком сильно, словно кто-то привалился к ней, а не толкнул что было сил. Из-за обитых толстой кожей досок доносился приглушенный хрип. Помнящий с трудом различил несколько слов.

— Что... это...

— Благодарность за то, что выдал нас Белому, ты, сволочь, — ответил он с чувством. — Один из его приспешников перед смертью напел, отчего альбинос так на меня ополчился и как сумел так быстро меня найти.

— Что... это... — двери снова дрогнули.

— А, ты об этом спрашиваешь? Убивает тебя токсин, произведенный теми славными фосфоресцирующими грибочками, которые освещают туннель на всем пограничье. Токсин удивительно быстрый и результативный. Мгновенно выбил под корень всю Слепую Ветку.

— Уже...? — это слово умирающий произнес таким тоном, словно был удивлен.

— Что — уже? Не знаю, что ты имеешь в виду, да и, сказать честно, в гробу я это видал. Ты меня втянул, сволочь, в такое дерьмо, что теперь мне и правда придется отсюда уйти. А прежде чем я исчезну, скажу тебе одно: я доберусь до Башни, но другим путем. Через государство церковников.

— Не... мо...

— Да. Могу. И сделаю. Жалею только, что та отравка, которой ты нализался, убьет тебя быстрее, чем ты сумеешь сказать мне, зачем ты напустил на меня того обормота. Но подыхай спокойно, я управлюсь и без этого знания.

Внутри кузницы установилась тишина. Помнящий постоял у дверей еще некоторое время, внимательно прислушиваясь. Кузнец перестал шевелиться. Не было слышно и его свистящего дыхания. Выдержал чуть дольше, чем Шуруп. Видимо, со временем пыльца теряет силу — но не обязательно, просто догадки.

Учитель соскочил на самый нижний уровень туннеля, прошел несколько шагов и помахал рукой ожидающему за поворотом Немому. Парень тотчас отступил подальше. Убить Станниса — это одно, но перед уходом надо бы еще озаботиться, чтобы люди узнали о яде и разобрались с отравленной кузницей. Разносить токсин по анклаву, особенно сейчас, когда установится короткое безвластие, — имело бы печальные последствия.

Помнящий подошел к стене туннеля. Снял перчатки и осторожно дотронулся до покрывающего большую часть кирпичей фосфоресцирующего ковра. Почувствовал под пальцами теплые и твердые утолщения. Не поддавались даже сильному нажатию, всего лишь изменяли цвет, делаясь в месте нажатия темно-фиолетовыми, но с каждой секундой после того, как он убирал руку, светлея.

Неонки выползли из Запретной Зоны и через месяц-другой появились в анклав Иного. Сначала уцелевшие с ними сражались, соскребая любой налет, замеченный на стенах туннеля. Боялись их, как и любую мутацию, но со временем запал ослабел, а потом... Потом они привыкли к коридорам, освещенным голубым сиянием. Грибки, на которые Учитель теперь смотрел, были чуть моложе — если это верное определение — тех, что отравили обитателей Слепой Ветки. Означало ли это, что они продержатся еще несколько недель? Этого Помнящий не знал. «Даже если в ближайшее время они не угрожают жизни людей, которые годами были моей семьей, необходимо убрать их уже сейчас, сразу же, чтобы не дать этой гребаной мутировавшей гадоности ни шанса».

Из-за угла донеслись крики. Минутой позже Учитель увидел и людей, бегущих в направлении кузницы. Немой пригнал сюда

всех, кого встретил в жилых туннелях, — всего больше пятнадцати человек. Этого должно бы хватить.

Учитель, широко разведя руки, заступил им дорогу. Люди остановились как вкопанные, когда увидели, что на лице его — маска.

— Слушайте меня внимательно, — начал он, повышая голос, чтобы те не упустили ни слова.

Что им сказать — обдумывал он всю обратную дорогу, а потому решил дело быстро и конкретно.

ГЛАВА 19

ИЗБАВИТЕЛЬ

План Помнящего сыграл.

Если хочешь обмануть кого-то, не выдумывай, а просто умело интерпретируй факты. Это старое правило годилось в любых обстоятельствах. Потому Учитель рассказал о предостережении, переданном паникующим посланником из Капитолия, а потом сообщил о смерти кузнеца, всеми уважаемого здесь человека, который узнал обо всем первым, поскольку в анклав не было ни Белого, ни судьи. Увы, добавил Помнящий, когда люди перестали ворчать, Станнис оказался настолько пьян, что высмеял все просьбы о быстрейшем созыве собрания. Более того, пытаясь доказать собеседнику, что неонки не вредны, содрал кусок грибницы с ближайшей стены, занес ее в кузницу и на глазах у гостя разрезал несколько фосфоресцирующих головок... Результаты этой глупости все могли увидеть собственными глазами, когда Учитель распахнул двери. Синее опухшее лицо, бледный язык, вывалившийся между зубов, и вылезшие из орбит глаза. Подобный вид напугал бы и самого крутого, а что уж говорить о простых пожирателях крысиного мяса.

Они не спрашивали ни о чем. Сразу же понадевали маски и принялись очищать туннели от грибницы. Были настолько испуганы образом жестокой смерти, что позабыли обо всем

прочем. Даже об исчезновении Белого и половины его гвардии. Учитель был уверен, что нынче никто и не вспомнит о судьбе предводителя. А завтра он и его сын уже будут далеко отсюда.

Он не хотел покидать анклав в тот же вечер. Немой устал от беготни по туннелям, которой они занимались день напролет, да и ему пригодился бы отдых перед очередным, еще более трудным этапом их похода. Кроме того, сейчас, будучи уверенным, что Белый не вернется, он уже мог не спешить.

Подавая пример уцелевшим, он, вместе с сыном и остальными ремесленниками, принялся сдирать всю грибницу, которая нашлась в промышленном районе. Закончив дело, они оба попрощались с ремесленниками, помылись, съели сытный ужин и, проверив в десятый раз вещи, легли спать. Немой, как с ним бывало, нырнул в сон моментально и ритмично засопел, едва закрыв глаза. У отца его было куда больше проблем со сном. Он долго лежал на спине с руками под головой, тараща в едва видную крышу. Несмотря на поздний час, издали все еще доносились обрывки громких бесед и звуки чистки стен. Он раздумывал над убитыми сегодня людьми. За несколько часов он лишил жизни восьмерых. Да при том не каких-то чужаков, чьи лица можно позабыть, едва лишь сойдет адреналин. Каждый из парней, погибших в Слепой Ветке, когда-то был его учеником. Каждый из них просиживал часами всего-то в нескольких шагах от того места, где он теперь пытался заснуть, тщетно стараясь выбросить этих людей из головы. Верно, он убил их, защищаясь, но это нисколько не уменьшало чувство вины. Пощади он альбиноса, мог бы сделать его заложником и приказать остальным бросить оружие и уматывать куда подальше... может, это спасло бы дуракам жизнь, но ведь наверняка не решило бы проблему. Они даже тогда продолжили бы на него охотиться. Поскольку тогда они лишились бы всех привилегий, которые получили, став приспешниками Белого. А этого ни Дрого, ни Декстер никогда бы ему не простили. Кроме того, Помнящий не смог бы вернуться в анклав. Им с Немым пришлось бы убежать в Запретную Зону, прямо в наполненные токсином туннели.

Убийство гвардейцев было необходимостью, — уговаривал он себя раз за разом. Уничтожения альбиноса было не избежать. Но отравление кузнеца... это совсем другое дело. Умиравший в Слепой Ветке Лютик — топором в живот получил именно он — пел как по нотам, надеясь на милосердие. Не знал, дурак, что дни его — вернее, минуты — и так сочтены. От таких ран еще никто не выживал, даже во времена, когда существовали настоящие госпитали. Сорвать маску с его лица, после того как он замолчал, было актом милосердия, а не жестокости.

Но, прежде чем это случилось, парень рассказал обо всем, что произошло тем утром. Когда Помнящий вышел на поверхность, Лютика вызвали в зал приемов. и вместе с остальными гвардейцами он пошел со своим шефом в кузницу. Там он стал невольным свидетелем разговора альбиноса с кузнецом. Если верить его докладу, а борясь за жизнь, он наверняка не врал, Станнис с самого начала подзуживал Белого — и именно он был главным и единственным автором идеи использовать несчастный случай с Ловкачкой для окончательной расправы с Учителем. И именно он рассказал альбиносу о пути, которым должны были эвакуироваться Помнящий и его сын.

«Вот ведь гнида», — подумал Учитель. Но он так и не мог понять, зачем кузнец помогал ему в бегстве от угрозы, которую сам же и создал. Чего хотел таким-то образом добиться? Уничтожить свой собственный план? Это не имело никакого смысла.

Водоворот такого рода мыслей еще долго клубился в голове, но усталость все же победила, и Учитель закрыл глаза.

* * *

Из полутьмы выплывало лицо умирающей женщины. Прядки светлых кудряшек заслоняли ее лоб до самых бровей. Приоткрытый рот наполняла быстро темнеющая, вспененная кровь. Сильно накрашенные веки раскрывались все шире, глаза стекленели. Грудь, обтянутая ярко-желтой блузкой, застыла на половине хриплого вдоха. От простреленной щеки все еще поднималась струйка дыма.

Вспотевший Учитель сорвался с постели. Сон как рукой сняло, и вряд ли теперь он вернется, как бы Помнящему ни хотелось иного. Внутри школы царила непроглядная тьма. Такая же стояла и в туннеле. Теперь, после того как убрали грибы, ничто не разгоняло тьму в этой части подземелья. Помнящий нащупал лампу, взвесил ее в руке. «Легкая, весь жир уже выгорел...» Это означало, что проспал он как минимум пять часов.

Он встал.

«Сон не вернется, а если так, то самое время покинуть это место, на этот раз — навсегда».

Он разбудил Немого, потом приготовил скромный завтрак. Они съели оставшуюся от ужина прекрасную ветчину из молодого шарика — отчасти, была это награда за предупреждение про неонки, — запили ее несколькими глотками воды тройной фильтрации, которую Учитель пропустил через песок и уголь еще до того, как лег спать, чтобы сделать запас на дорогу.

По второму разу приготовились они уже лучше, поскольку отправлялись одни, без проводников и шансов на помощь извне. К счастью, визит в Слепую Ветку позволил им добыть немалый запас самой ценной в подземелье валюты. В рюкзаке Немого находились пара десятков новеньких угольных фильтров. Часть из них они используют во время путешествия поверху, а за остальные купят необходимые вещи, информацию и... доброе отношение встреченных по дороге людей. Этой же цели послужит и взятый из бокса Горлума алкоголь — несмотря на искренний и громкий протест Гвоздя. В том числе, была тут почти полная литровка жидкого золота, как называли редкий, как единорог, довоенный виски. Еще две бутылки водки Учитель в эту ночь отдал местным контрабандистам за горстку ценной информации.

Они покинули анклав Иного через южный выход еще до того, как объявили побудку. Гвардейцам сказали, что выходят пораньше, поскольку хотят передать весть в лежащие в отдалении анклавы. И это не было полностью ложью. Помнящий соби-

рался предупреждать всякого, кого повстречает по дороге, — по крайней мере, на первом отрезке своего пути.

Прежде чем покинуть школу, он внимательно рассмотрел карту Вольных Анклавов, в поисках простейшей и наиболее безопасной дороги на юг, к лежащему там городу в городе. Им был Новый Ватикан, подземный религиозный доминион, известный снаружи под куда менее громким именем церковного государства. И это не было ошибкой или оговоркой. Вскоре после Атаки, когда во всем городе царил хаос, а тысячи людей искали своё место в подземельях, немногочисленные церковники и священники заложили основу своих новых владений. По их призыву на восток города пришли толпы наиболее пылких и при этом испуганных верующих, привлеченных пламенными речами десятков миссионеров, бродящих лабиринтом каналов и ищущих среди спасенных тех, в ком еще тлел жар веры. Звали их прибыть на территории, которые Церковь веками считала своими, — на святую, стало быть, землю. Территории те тянулись от границы Пепелища, которое почти достигало Тумского острова, едва ли не до Щитницкого моста и русла Старого Одера. На юге границу Нового Ватикана очерчивала река, на севере она шла по улице Сенкевича, чтобы за старым Ботаническим садом повернуть на юг к Вышинского, а потом оттолкнуться к востоку и через Грюнвальдскую площадь снова добраться до рухнувшего Щитницкого моста, за которым лежали территории, оккупированные лекторами.

Сперва управляемый духовными город был открыт для всех, однако со временем власть там перехватили самые пылкие последователи фундаментализма, которым хватило неполных пять лет, чтобы извратить каждую из идей, которую ранее пропагандировала Церковь. Это они называли свой домен Новым Ватиканом, решив, что Столица Петра перестала существовать, это они выбрали Сверхпапу — на всякий случай провозгласив его кем-то большим, чем Святой Отец — и Сверхпапа этот сделался официальным духовным предводителем всех уцелевших. Когда же оказалось, что большинство вроцлавцев с прибором клали на издаваемые им запреты и поучения, Томаш II покарал их, при-

казав замуровать большинство каналов, ведущих на территорию Нового Ватикана, и оставить к северу лишь одни большие ворота — старый Грюнвальдский Пассаж, — чтобы получить полный контроль над идущими с юга на север торговыми путями.

Пройти через те места в последнее время было сложнее, чем верблюду пройти в угольное ушко, если уж держаться библейской терминологии. Но сталкеры не были бы сталкерами, когда бы не нашли способ обойти возникнувшие проблемы. Карта кузнеца показывала два альтернативных пути, которыми обитатели Вольных Анклавов могли незаметно пробраться по ту сторону границы, причем только один из них шел вблизи от важнейшего прохода. Выбраться с острова, на котором лежали Новый Ватикан и Вольные Анклавы, было возможно одним лишь способом. Путникам нужно было дойти до одного из двух мостов, соединяющих церковное государство с нейтральными землями и с находящейся там границей города.

«Так близко — и как же далеко», — подумал Учитель, идя по освещенному синим светом туннелю. От пассажа его отделяла пара сотен метров по прямой. До войны он добрался бы до руин торговой галереи за несколько минут, не слишком при этом спеша, а нынче его ожидала многочасовая переправа тесными коллекторами. Чтобы добраться до ближайшей из нелегальных дорог, ведущих на территорию церковного государства, ему пришлось бы обойти половину района.

На ближайшем перекрестке он повернет направо, в транзитный туннель, минует входы в три небольших анклава, с которыми Иной заключил пару лет назад договоры, громко названные пактами о ненападении. Их жителей уже предупредили об опасности, а потому он мог туда и не входить. Его целью был следующий перекресток, над которым до войны пересекались улицы Вышинского и Сенкевича. Теперь там шла граница с Новым Ватиканом и находилось место, внушающее ужас. Старый Ботанический сад. Самое крупное логово мутантов в окрестностях, если не считать пояса лежащей недалеко Запретной Зоны.

ГЛАВА 20

ЛАЗ

Под перекрестком им пришлось покинуть довольно широкий туннель, который уводил прямо и дальше. Туннелем поуже через десяток-другой метров они добрались до провала, блокирующего путь. Тут заканчивалась самая легкая часть пути. Выбор у них был двойным: воспользоваться ближайшим канализационным колодцем и выйти в самом центре мутировавших джунглей или вползти в лаз, соединявший этот канал с соседним коллектором. Учитель долго не раздумывал. Проверил на сигнализаторе над входом, свободна ли дорога. Табличка над чугунным кольцом стояла в нейтральном положении. Он провернул ее так, чтобы зеленая ее сторона была направлена наружу.

Система был простой, как палка. Опиралась она на решения, еще до войны принятые при дорожных работах, когда движение на определенных участках шоссе должно было идти циклически. Если кто-то входил в лаз с этой стороны, то выставлял механизм таким образом, чтобы соединенные веревками двухцветные таблички работали как цветовая сигнализация. Благодаря этому путник, который окажется у второго конца лаза, увидит там красную табличку и будет знать, что он должен подождать, поскольку дорога — заблокирована. В тесной трубе невозможно было разминуться, а другой ее конец находился метрах в ста.

Помнящий сбросил свой рюкзак и, еще раз проинструктировав сына, вполз в черное, как смола, отверстие. В таких узких переходах стены очищали от всего, что могло ограничивать поле маневра. Потому неонки уничтожали здесь с самого начала — и слава богу, поскольку проверенные на перекрестке грибки казались куда более мягкими, чем те, которые только вчера отдирали от стен в анклавe Иного.

Толкая рюкзак перед собой, Учитель медленно двигался в абсолютной темноте. Слышал при этом лишь собственное, все более тяжелое дыхание и сопение Немого позади. Рюкзак застилал ему поле зрения, и так серьезно ограниченное, а еще — гасил все звуки, доносящиеся из глубины трубы. Собственно, именно потому он не сразу заметил, что они не одни. Понял же это, лишь когда хотел совершить очередной рывок вперед, но понял, что не может сдвинуться с места. Что-то блокировало ему дорогу.

Когда он остановился и напряг слух, до него донеслись звуки дыхания. К счастью, он не позабыл советов из библии преперов, как называли одну книгу, которую ему довелось внимательно прочесть во времена, когда он защищал Президента. Потому перед тем, как войти в эту ловушку, он позаботился о том, чтобы иметь под рукой не только защиту, но и оружие. Сперва он насадил вынутый из бокового кармана рюкзака штык на обломок кия, а когда пика оказалась готова, быстро крутанул рычаг на фонаре. Зарядный механизм в тесном пространстве оглушительно затарахтел. После некоторого времени, проведенного в полной темноте, свет направленных вверх LED-ов показался ему ослепительным.

Через несколько секунд, когда глаза немного привыкли к свету, Помнящий направил фонарь вглубь трубы и выглянул из-за рюкзака, чтобы проверить, кто блокирует дорогу. Полагал, что увидит перепуганного котоката или молодого шарика, поскольку слышал, что в окрестностях Ботанического сада появляются порой заблудившиеся твари, упавшие во время охоты во многочисленные дыры, пробитые корнями. Он был готов к схватке, но в последний момент сдержал руку со штыком.

За рюкзаком, скорчившись, лежала девушка. Что-то бормоча себе под нос, она заслоняла глаза худой рукой. Уровень адреналина в венах Учителя снизился, но злость — напротив, лишь возросла.

— Какого черта ты не переставила сигнализатор? — рывкнул он.

— Отвали, прыщ насрачный!

Он оторопел. Мало того, что идиотка нарушила все базовые правила движения — которых в подземельях придерживались куда жестче, чем до войны на поверхности, — так еще она и возмущается. А нервничающий Немой начинал уже паниковать. Сидящий в темноте, он не знал, в чем дело, а потому все сильнее дергал за веревку, которая соединяла его с отцом. Проблема в том, что Учитель подумал обо всем, только не о сигнале на такой случай. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то может заблокировать дорогу.

— У тебя три секунды, ползи назад, — бросил он, пытаясь сохранять спокойствие.

— Отвали, уродец! Я туда не вернусь! — боевито пропищала девушка.

— Назад — и сейчас же! — потребовал он ледяным тоном.

— А ты меня заставь, — буркнула она и сразу же о том пожалела.

Ослепленная фонарем, не могла видеть штыка, которым Учителем ткнул в ее сторону.

— Ты что делаешь, засранец?! — взвизгнула девушка, слизывая кровь с рассеченного предплечья.

— Вежливо прошу тебя выполнить наши правила.

— Чего?

— У меня нет времени на шутки. Шевели задницей и уходи с дороги. Я второй раз повторять не стану.

На этот раз она не отбрехивалась. Только заворчала себе под нос, а потом принялась медленно отползать. Учитель двигался следом, выслушивая новые и новые ругательства. Сперва эта болтовня его раздражала, но со временем, когда девушка начала использовать многоэтажные инвективы, злиться он перестал. Он знал многих сквернословов, как до Атаки, так и после, но

половины проклятий, какие она посылала в его адрес, в жизни не слышал. Жалел только, что не сумеет всех их запомнить.

Четвертью часа позже, после нескольких передышек, девушка, наконец, замолчала. Ноги ее почувствовали свободное пространство, а это означало конец лаза. Девушка ловко вылезла из трубы и отступила на пару шагов, не сводя глаз с поблескивающего в электрическом свете штыка. В камере, куда она добралась, было довольно светло. Здесь никто не чистил стен от грибницы, может, лишь за исключением мест над трубами, где находились следы дорожного указателя.

Учитель вытолкнул рюкзак наружу, после чего остановился и смерил девушку внимательным взглядом.

— Руки, — бросил он.

— Что — руки?

— Держи их на виду, — процедил он сквозь стиснутые зубы — для лучшего эффекта.

Он не намеревался дать себя заколоть какой-то соплячке. Не здесь и не теперь. Когда она выполнила его просьбу, Помнящий высунулся из трубы и приземлился на решетку, сделав классический кувырок. Она даже не вздрогнула — оттого, может, что увидел шнурок, тянущийся в отверстие, и голову Немого.

— И сколько вас там? — удивилась она, отступив под стену.

— Осторожно! — Учитель остановил ее жестом.

Как бы она не раздавила гриб-другой. Хотелось бы предварительно надеть маски.

Девушка съежилась и застыла в шаге от стены.

— Что там? — спросила она, несколько напуганная.

— Это всего лишь мой сын, — пояснил Помнящий, подавая знак Немому, чтобы он как можно быстрее выбирался из лаза.

— Не в трубе, дурак, а за мной! — она скосила глаза, стараясь заглянуть себе за спину. — Шарик?

Учитель покачал головой.

— Ничего там нет.

— Не ври, — насупилась она. — Я видела, как ты бледнееешь... Убей это... ну, коли, гад. — И через миг добавила шепотом: — Я не хочу тут умирать...

— Если не обопрешься о стену, ничего с тобой не случится,— сказал он так спокойно, как только сумел, снимая штык с кия.

Девушка сперва выпучила глаза, а потом почти незаметно кивнула и приподняла левую ногу. Это был самый медленный шаг, который Помнящему приходилось видеть. Когда она наконец поставила ногу на бетон, то развернулась уже нормально, окинув стену внимательным взглядом.

— Тут нет никаких теняков или лепиков, ты, сволочь дражная! — взорвалась она.

Забавно она выглядела, так вот щеря зубки и сжимая кулачки. Невысокая и очень худенькая, может, килограммов сорок, сорок пять. «Умойся она — личико было бы вполне симпатичным», — подумал Помнящий. Большие голубые глаза и узкий подбородок делали ее похожей на героиню манги. Девушке было не больше тринадцати — четырнадцати лет, в этом мире — вполне взрослая женщина. Одета она была в мешковатое полотняное платье до колен, наверняка — канальную самоделку, толстые чулки с таким количеством дырок, что напоминали они, скорее, сеть, чем деталь гардероба, и тяжелые боты с высокими голенищами. Одежду дополнял широкий кожаный пояс с большой пряжкой, наверняка скаутовский, и переброшенный через плечо дорожный мешок.

— Я ничего такого и не говорил,— ответил он, берясь за свои вещи.

— Чтоб тебе засраный шарик ядом в самую морду твою татуированную плюнул, ты, лживая срань из лишайной жопы растоптанного ступачом шипозмея... — начала она очередную тираду, но замолчала, увидев, как стоящий у входа в лаз парень отчаянно жестикулирует.

— Мой сын — глухонемой,— пояснил, позабавленный ее реакцией Учитель.— Умеет читать по движениям губ, но ты говоришь так быстро, что он потерялся на третьем слове.

— Ой... — девушка отвернулась к Помнящему так, чтобы парень не видел ее губ.— Он долго не протянет,— конспиративным шепотом добавила она.

— И почему ты так считаешь?

— У нас в анклав был один такой,— сказала она, наклоняясь сильнее, чтобы не повышать голос — будто оно имело хоть какое-то значение в их ситуации. — Немамочный его звали, сама не знаю, отчего, но он всегда первым подхватывал любую болячку. Прошлой зимой на одном из собраний слетел мордой вниз со второго этажа. Пол под ним провалился. Мы думали — конец ему, но выжил, немытый хрен мозгожорский. После — перестал слышать, а вместо того, чтобы говорить, бормотал так, что не понять было. Мы его даже в Новый Ватикан водили, но все без толку. Говорю тебе, лучше за границу не иди: эти выскребки в рясах, из котокатового говна вытканых, брешут, что твои сирены. Парню твоему не помогут, как Немамочному не помогли,— девушка кивнула, словно было ей жаль Немого.— А вообще я тебе того не должна говорить, гребаный ты в пупок дедуган...— она снова лизнула свою ранку,— но пусть уж. Познай доброту настоящей сталкерши.

Она окинула его презрительным взглядом и двинулась в сторону лаза.

— Ты... сталкерша! — крикнул он ей, проглотив так и просящиеся на язык более злые определения. — Давай сторгуемся.

— Я в жопу не даю,— рывкнула она, не поворачиваясь.— Особенно таким старым варнакам. Сколько тебе, дед? Ты ж облысел, небось, еще до того, как по нам хряпнула эта в хвост дерябленная бомба.

— Ну, твоя проблема,— он пожал плечами.

— Твоему ублюдку я тоже не дам. Даже за пять крыс.

— Дам кусок свежевяленной ветчины из молодого шарика...— обронил Помнящий, вытягивая из рюкзака пахучий сверток. Одного движения хватило, чтобы обнажить кусок аппетитно выглядящего мяса.— Настолько чистый, насколько вообще возможно при таких-то обстоятельствах.

Девушка громко сглотнула, прежде чем сумела взять себя в руки и снова нагнать на лицо маску равнодушия. Кривясь с видимым отвращением, она смерила взглядом спокойно ждущего Немого.

— Ну ладно, дед, не ради мяса это сделаю, лишь из милосердия,— заявила она, касаясь защелки потрепанного пояса, но тут же отдернула руку.— Сперва заплати!

— ... за информацию,— закончил Учитель.

Он ее подловил. Такая же была из нее сталкерша, как из него — парень. Хватит и одного взгляда, чтобы раскусить ее, как крысиную полутушку. В каналах мало кто заботился о гигиене, но эта девушка была исключительно запущенной. Волосы ее выглядели как вырыганный котокатом колтун. А судя по голоду в лихорадочно блестящих глазах и явному слюноотделению, бродила она по окрестностям пару-тройку дней. Он не знал, почему ей пришлось покинуть свой анклав, и не хотел об этом спрашивать. Подозревал, что дело могло оказаться в слишком липких ручонках. Однако он не особо об этом задумывался. Девчонка была местной, а потому Учитель намеревался выжать из нее все, что может оказаться полезным, чтобы распланировать дальнейший путь.

— За информацию? — растерянно повторила она.

Помнящий кивнул.

— Сядем, поедим, поболтаем, а потом каждый пойдет своей дорогой. Подходит?

— А то,— ощерила она мелкие зубки, протягивая руку за обещанным куском мяса.

— Присядем,— повторил он.

Было довольно рано, место располагалось на отшибе, потому никто не мог им помешать. Он дал знак Немому, попросив поставить сигнализаторы в зеленой позиции. Если кто-то захочет к ним присоединиться, они узнают об этом с некоторым опережением.

ГЛАВА 21

ИСКРА

— Как тебя зовут? — спросил Учитель, когда девушка закончила есть — вернее, жрать, поскольку заглотила протянутый ей кусок мяса за несколько секунд, вырывая из него куски и давясь ими.

— Искра.

— Даже подходит, ты ведь рыжая, да? — он прищурился, пытаясь понять, какой цвет у ее волос на самом деле. — Да и мечешься, словно из огня выпала. И погаснешь настолько же быстро из-за своего несдержанного язычка.

Она взглянула на него с сожалением.

— Ты что, издеваешься, дед? Я зовусь как самолет. Самолет, сечешь? Пэ-зет-эль-тэ-эс-одиннадцать!* Папаша был маньяком авиации. Всех нас поназывал по тем дурацким машинам. Моя сестра — Вильга**, а брат — Цикач.

— Цикач? — удивился Учитель. — Я в жизни не слышал о таком самолете***.

* PZL TS-11 Iskra — польский двухместный реактивный учебно-тренировочный самолет, первый польский реактивный самолет.

** PZL-104 Wilga — польский учебно-спортивный самолет.

*** D-1 Sukacz — первый польский спортивный самолет, созданный после Первой мировой войны; первый полет состоялся в 1925 году.

— Потому что не только старый, но и глупый,— выпалила она, посмеиваясь себе под нос.

— Скажи лучше, откуда ты,— Помнящий сменил тему, чтобы не вступать в очередной пустой спор.

— Из анклава Ветерана,— ответила она, протягивая к нему жирную ладошку.

Он отрезал еще один кусок, на этот раз — большой, и бросил его девушке. Испеченная над настоящими углями ветчина из шарика тотчас отправилась в рот. Искра замолчала.

«Анклав Ветерана...». Помнящий слышал об этом месте, хотя никогда там не был. Какой-то солдат осел на куске сточного канала, что заканчивался у Щитницкого моста, и брал налог со всех товаров, доставляемых через это место в подземелье. Эльдорадо закончилось, когда на поверхности не осталось ценных вещей, а на окрестной территории сделалось слишком опасно. Поток доходов начал иссякать даже быстрее, чем река поблизости. Наследники умершего солдата не могли похвастаться серьезными успехами. Анклав их обнищал куда сильнее соседских, чьи обитатели куда раньше научились, что нельзя ничего достичь без тяжелого труда. Но это все оставалось сущими пустяками рядом с проблемами, с какими люди Ветерана столкнулись буквально недавно.

— И отчего ты оттуда сбежала? — спросил он.

Девушка снова протянула к нему руку, но он покачал головой, закрыв мясо тряпкой.

— Давай, чувак, ты обещал,— настаивала девушка.

— Хватит с тебя, съешь больше — лопнешь,— ответил он, но, увидав ее выражение лица, сразу же добавил: — Получишь остальное, когда ответишь на мои вопросы. Слово.

— Ага, получу — разве что в морду...— буркнула искра, но руку убрала и принялась слизывать жир, покрывающий тоненькие, словно палочки, пальцы.

— Говори.

— А что говорить. Лектерцы.

— Что — «лектецы»? — воспоминание о каннибалах заставило Помнящего напрячься.

— Как это — что? — девчонка глянула на него внимательно. — Ты что, ничего не знаешь, дед?

Он не стал отрицать, поскольку было это бессмысленно.

— Говори.

— Мясо, — она требовательно протянула руку.

Он покачал головой. Обернутый в тряпочку кусок спрятался назад в рюкзак.

— В первом же анклавe на дороге я все узнаю даром и безо всяких расходов, — заявил он, потянувшись к замку.

— Эй, дед, расслабься! Не будь таким жмотом! — прикрикнула она, однако тут же успокоилась. — Ладно, что ты хочешь знать?

— Так что там с лектерцами?

— С чего бы начать...

— Лучше — сначала.

— Хм... Ну... Но...

— Давай покороче.

— Покороче ситуация выглядит так. Лектерцы пригласили на гриль очень важного архиепископа, который как раз ходил в паломничество в ближайшие анклавы.

«Пригласили на гриль», прекрасный эвфемизм...

— И зачем это он полез за Одер?

— Дед, ты меня вообще не слушаешь. Они его цапнули на нашей стороне. В главном офисе между анклавами.

— Гонишь? Каннибалов нет по эту сторону Старого Одера.

Она издевательски хохотнула.

— Да где ты двадцать лет был, дед...

— Перестань меня так называть.

— Почему? Мужик, да ты наверняка старше большей части деревьев и некоторых камней.

— Вернемся к теме, — нахмурился Помнящий. Он уже давно понял, что переговорить соплячку без рукоприкладства не удастся, а опускаться до такого он не хотел. — Откуда уверенность, что это действительно были каннибалы?

— Хотя бы оттуда, что все представление случилось на месте, а тот осутаненный сын ублюдка и сифилитической укунсы

был таким жирным, что они и ввосьмером не сумели объесть его до конца, — пояснила Искра, повеселев.

Учитель потер нос. Он не верил собственным ушам. Каким чудом людоеды преодолели реку? Создания, обитавшие на мелководье и в окружающих его трясилах, были раз в сто ядовитей и прожорливей, чем твари, таящиеся среди руин.

Лектерцы. Так — по сути-то, насмешливо — называли некогда людей с далеких предместий, которые первыми на собственной шкуре почувствовали результат отсутствия былых благ цивилизации. Там, где до войны народу жило не так уж и много, человек быстрее, чем в других местах, утрачивал контроль над отравленной осадками поверхностью — сперва из-за одичавших животных, потом из-за их мутировавших наследников. Но чем дольше продолжался голод, тем больше локальных сообществ отказывалось от различных табу и возвращалось — как это они себе объясняли — к естественным практикам, известным человечеству многие тысячелетия. Там, где закончились даже крысы, а мясо мутантов все еще было слишком зараженным, отчаявшиеся уцелевшие обращались к последнему источнику протеинов, каким являлось человеческое тело.

Но тот, кто думал, что каннибалы постыжерной эры отступили до уровня пещерных людей, — ошибался. О, нет, это были все те же самые люди, что и остальные обитатели Вольных Анклавов. Единственная разница состояла в том, что вместо охоты на мутировавших тварей или разведения крыс они поедали слабейших из своих же или охотились на обитателей других анклавов.

Множество сообществ за рекой заплатило слишком высокую цену за сопротивление варварам из предместий, которые медленно, но постоянно росли в силе, ассимилируя или подчиняя новые и новые анклавы. Остановил их только Старый Одер. Может, даже не столько сама река, сколько сила лежащих за ней территорий. Здесь лектерцы не могли рассчитывать на захват плацдармов и на то, что сумеют найти союзников, которые станут им во всем помогать. Люди, обитающие в Вольных Анклавах, в Новом Ватикане и в Мясте, все еще неплохо снабжались, были

лучше организованы и могли, в случае необходимости, рассчитывать на помощь соседей. Эта ситуация скоро изменится, но наверняка не в этом и даже не в следующем году. Да и тогда поиск пропитания окажется меньшей из проблем для уцелевших на этом берегу. Куда более опасались они потерять возможность выходить на поверхность, а ведь только там и можно найти ресурсы, без которых невозможно пережить суровые зимы.

— Наверняка это была провокация,— обронил Учитель, неохотно открывая рюкзак.

— Хрен там, а не провокация,— не уступала Искра.

— По эту сторону Старого Одера не было и нет никаких лектерцев.

— Потому что тебе так хочется, дедуня?

— Потому что такова правда. Как они сюда добрались? Скажи мне, если ты такая умная.

— Спокуха. Если хочешь знать, у меня есть очень вероятная траектория на эту тему.

— Даже не говори.

— Как хочешь.

— Это просто такая риторическая фигура.

— Ты что гонишь, дедуня? — вспыхнула Искра.— Пристаешь ко мне?

— Я?

— А чего ты подъезжаешь с комплиментами о моей фигуре?

— Риторическая фигура — это сказать о чем-то другими словами, кретинка,— рявкнул раздраженно Учитель.

Чтобы вытянуть из девчонки такую простую информацию, ему пришлось потратить слишком много времени и нервов. И он начинал понемногу задумываться, не лучше ли будет кинуть ей обещанный кусок и отправиться дальше. В ближайшем из анклавов он все равно узнает все, что нужно, причем без выслушивания наглых замечаний.

— Ну может,— буркнула она.— Потому что, знаешь, у этой моей траектории есть руки и ноги, вот честно.

Он открыл рот, чтобы поправить эту ее «траекторию», но в последний момент передумал.

— Говори.

— Возле рухнувшего моста есть лаз под руслом реки,— начала она возбужденно.— Очень узкий, в нем сантиметров сорок ширины. Как-то, когда я была еще ребенком, мы вползли в него, чтобы перейти на другую сторону Одера. Это было незадолго перед тем, как лектерцы добрались до анклавов у парка. Такая хрень, дед, представляешь?

— Какая связь с каннибалами? Из того, что я слышал, они не настолько худые, чтобы пролезть в этот твой лаз.

— А ты не прерывай и узнаешь,— буркнула она обиженно.— Два года назад его засыпало нахрен,— заметив, что Помнящий тяжело вздыхает, замахала руками.— Погоди, дед, сейчас самое интересное. Неделю тому детки из нашего анклава снова туда пошли. Поспорили, как оно у сопляков случается, сумеют ли доползти хотя бы до места, где труба забила землей и обломками. И знаешь что? Первый смельчак полз-полз, пока не перебрался на другую сторону. Говорю тебе, добрались аж туда.

— Сорок сантиметров ширины,— он положил мясо на колени, чтобы показать руками, насколько небольшое это расстояние.

— Если наши дети перебрались туда, то и их ублюдки могли проскользнуть.

— Хочешь сказать, что кровожадные четырехлетки напали на епископа и его свиту? И что дальше? Забили его людей погремущками?

Искра чуть не лопнула со смеха. Некоторое время аж подвывала, не в силах сдержаться. Заразила даже Немого. Парень, до той поры тарашившийся в стену, внезапно весело оскалил зубы. Успокоился, только когда заметил выражение лица отца.

— Клево. А ты реальный чувак, дед. Сколько тебе вообще лет?

— Сорок три.

— Да гонишь, люди так долго не живут.

— Те, что вроде тебя, — наверняка. Сомневаюсь, что ты и до тридцати дотянешь.

— Мужик, я бы себя прикончила, будь я старой тридцатилетней старухой.

Очередная шутка чуть не сорвалась у него с кончика языка, когда он внезапно понял, что соплячка, совершенно того не желая, чуть ли не слово в слово процитировала его любимое место из «Ловца снов» Кинга. Он лишь улыбнулся этой мысли и вернулся к беседе.

— Тогда просвети меня. Скажи, как дети-каннибалы одолели людей епископа?

— Да просто, — пожала она плечами. — Лектерцы выслали их на наш берег, к старой перевалочной станции. А потом достаточно было, чтобы какой-то чувак из-за реки выстрелил стрелой с привязанной веревкой. Ты ж, небось, в курсе, как это делается. Детишки протянули новую веревку — и ням-ням!

Когда девушка закончила говорить, Учитель задумался. Ее теория имела смысл. Давным-давно купцы с юга соединили оба берега Одера веревочной перетяжкой, благодаря которой доставляли товары своим резидентам на соседний остров без необходимости переправляться на другой берег самим. Механизм станции был очень прост: с одной и другой стороны устанавливали обычные шестеренчатые передачи. Крутя рукоять, можно было наматывать на них веревку, к которой люди с другого берега привязывали тюки с товаром.

— Сама додумалась?

Она гордо кивнула.

— Я это... ну, типа знаешь. Развернутая для своего возраста.

— Ага, — проворчал он. — Как газета, не меньше. И зачем ты мне врешь?

— Я?

— Девушка, ты настолько глупа, что и собственных пальцев считать не сумеешь, а потому не нужно мне здесь по ушам ездить.

— Вот так? — фыркнула она, заглатывая крючок, словно голодный пильщик — ребенка.

— Вот так. Откуда ты узнала об использовании перевалочной станции?

Она надулась, но не принялась, как раньше, сразу же обзывать его. А значит, он был прав. Читал в ней, словно в раскрытой книге.

— В том самом борделе, в котором твоя старуха дает,— проворчала она наконец, после того, как попыталась сосчитать — без особого успеха — свои пальцы.

— Ну понятно,— сказал он, поднимаясь.

Дальнейший разговор с Искрой смысла не имел. Если он хочет добраться до Мяста до заката, пора отправляться в дорогу.

— Эй, ты что вытворяешь? — девушка тоже вскочила на ноги.— Отдавай моего шарика!

— Ты уже достаточно сожрала,— отмахнулся он.— А за брехню я не кормлю.

— Я не брешу! — в голосе ее звучало искреннее раскаяние.— Ладно, это была не моя траектория. Я подслушала, как наш предводитель с курьером говорит. Но все остальное — чистая правда.

— Да? И откуда ты знаешь, что атака на епископа — это не уловка сверхпапы, чтобы напугать окрестных уцелевших и не поглотить, наконец, ваши анклавы?

— Хотя бы оттуда, что я сама видела поджаренный огрызок епископа,— ответила Искра, недовольно кривясь.— Был, видать, скверный на вкус, а может, побрезговали, но морду ему не тронули. Поэтому я уверена, что это тот же чувак, что втирал нам за пару дней до того о небе.

— Да конечно. Так тебе и показали труп прирезанного епископа...

— Seriously,— ударила она себя в плоскую грудь.— Его чуть ли не по всем пограничным анклавам провезли, с огромной помпой, как реликвию,— она говорила, не сводя взгляда с рюкзака, в котором снова исчезал кусок мяса.

— Ты невозможна,— покачал он головой, позвав жестом Немого.

— Спокуха. А как же иначе они набрали бы людей в крестовый поход?

— Какой-такой крестовый поход? — Учитель взглянул на девушку повнимательней.

— А как ты, мужик, думаешь, отчего я потихому из анклава свалила? Нынче ночью к нашему судье Наемник пришел,

предводитель наш, и привел к нему несколько церковных важняков.

— А что ты в боксе судьи делала? — нахмурился Помнящий.

— Работала, если это тебя так интересует. Я предприимчивая.

— Понятно. Говори дальше.

— Слышала я через стену, как они о какой-то сверхпапской были говорят.

— Булле.

Девчонка глянула на него с вызовом.

— Ты, дед, небось какой-то головной болячкой страдаешь. Ничего странного, что у тебя и все волосья повывлезли. На говне только шампиньоны хорошо растут, чем бы они ни были...

— Что там с буллой?

— Не знаю, сказали только, что папа Томаш Третий объявил Святую Войну. Утром его гвардейцы должны окружить все приграничные анклав. Согласно подписанным Виарусом и его парнями тракторам о взаимной помощи, церковное государство посылает в Армию Бога каждого, кто способен носить оружие.

Святая Война. Два этих коротких слова все меняли.

Учитель отложил рюкзак. Щурясь, поглядывал внимательно на девушку, стараясь увидеть хотя бы тень фальши в ее зеленых глазах. Но не нашел там этого. Была она задиристой, факт, но при том глупой как пробка и врать не умела. Он заметил это уже в начале разговора. Кроме того, какой смысл пугать его несуществующим крестовым походом, если еще несколько минут — и они разойдутся и никогда больше не увидятся?

Это была проблема. Дальнейшее путешествие в сторону Нового Ватикана не совпадало с его окончательной целью. Первый контакт с гвардейцами церковного государства мог закончиться тем, что их обоих заберут в так называемую Армию Бога и пошлют на соседний остров, откуда вернуться живым будет очень нелегко.

«Да что я там говорю, — подумал он. — Мало кто вообще переживет это гребаное приключение».

Слишком хорошо он помнил времена, проведенные в Черных Скорпионах, а потому не имел ни малейших сомнений, что

стоит попасть в первую линию Святой Войны — и все закончится для них трагично. Ему нужно было подумать. Причем — быстро. Он сосредоточился, взвесил все «за» и «против» и пришел к очевидному выводу: другой дороги к Башне не было, а возврат в анклав Иного по понятным причинам в расчет идти не мог. А значит, придется выйти на поверхность. Причем, как минимум, дважды, чтобы миновать самые опасные отрезки подземной дороги.

«Поменял, называется, шило на мыло», — подумал он с горечью.

— Держи, — бросил он Искре кусок мяса. — Можешь сваливать.

Девушка подхватила сверточек на лету.

— Спасибо, дед, — пискнула она радостно.

Печеный шарик сразу же был спрятан в кожаный заплечный мешок, такой же ободранный и грязный, как и свисающее с костистых плечей мешковатое платице. Девушка выглядела жалко даже по стандартам каналов.

— погоди! — крикнул Помнящий, когда она всовывала свой скромный багаж в зев лаза.

— А вот теперь ты и правда можешь меня в сральник чмокнуть, старикан, — бросила она через плечо.

— Я не педофил.

— Как это? Ты ж сам сказал, что тебя зовут Учитель?

— И что с того? — спросил он, дезориентированный неуместностью ее слов.

— Как это — что? На тех, кто учит, говорится по-умному: педофилы.

— Педагоги, — поправил он автоматически.

— Серьезно? — она смешно нахмурилась. — Слышала, вас так называют, потому что целыми днями издеваетесь над детьми.

— Неправильно слышала.

— Да ладно тебе, педогол или как там тебя. Говори, чего хотел, а то время бежит. Скоро сюда могут люди привалить — из тех, кому война не по вкусу.

Помнящий глянул на часы. До пробудки осталось полчаса. Он должен бы отсюда выбираться, если и правда не хочет застрять в этой камере. Искра была права: когда люди узнают, чего от них хочет свержпапа, попытаются сбежать. Потому не исключено, что в любой момент пограничные проходы окажутся заблокированы бесконечным потоком беглецов.

— Иди в анклав Иного. Примут тебя без ворчания, потому что теперь там — ужасный бардак, — посоветовал он ей.

— Бардак? — спросила она подозрительно. — Это болезнь какая-то?

Он бы возвел очи горе, будь в том хоть какой-то смысл.

— Нет. Не болезнь. Они сегодня потеряли предводителя, а потому не будут слишком дотошны, когда ты у них появишься.

— Далеко это?

— Нет. Попадешь без проблем по путеуказателям, — ткнул пальцем на надписи, размещенные над зевом каждого из туннелей. Девушка скривилась, чего было достаточно, чтобы понять: Искра читать не умеет. — Это самое короткое название, из четырех букв, — добавил он, показывая ей нужное число пальцев. — Две палочки и два зигзага.

— А ты уверен, что меня там примут? — спросила она.

— Нет, но это достаточно далеко отсюда, а Иной контракта с Новым Ватиканом не подписывал, а потому будешь ты там в безопасности.

— Суперово, — обрадовалась она. Даже рукой ему помахала.

Помнящий отвернулся. Табличка над проходом, ведущим к югу, все еще оставалась зеленой. У него еще был шанс. Он замахал сыну, объясняя, что им нужно поспешить. Закрутил рукоятку фонаря и, сунув рюкзак в трубу, принялся забираться в тесный зев.

Глава 22

НОВЫЙ ВАТИКАН

Этот отрезок подземного канала был настолько же длинен, как и предыдущий, но, к счастью, куда шире. Было в нем и несколько ответвлений, слепых, если верить карте, и с размещенным над каждым таким входом предупреждающим знаком. Входы справа замуровали наглухо, поскольку вели они в Ботанический сад и на Тумский остров, за которым начиналось Пепелище. Над входами слева Учитель видел предупреждения о провалах. Чугунные каналы были старейшими в городе, потому ничего странного, что за столько-то лет они проиграли времени и морозам. Магистраль, которой они теперь двигались, была, к счастью, намного моложе, а потому должна была служить людям куда дольше — наверняка до времени, когда природа и холод выгонят их, наконец, из этого закутка города.

Получасом позже, сразу после того, как отбили рассветный час, Помнящий выполз из канала, попав в обширную камеру. Здесь он воочию убедился, что Искра не соврала. Его выхода ожидали несколько человек, а еще шестеро вышли из ближайших туннелей, прежде чем до него успел добраться запыхавшийся Немой.

Когда парень покинул трубу, его отец похлопал по спине лысеющего блондина, который уже мрачно поглядывал на темную дыру.

— Дорога свободна, — сказал он, как обязывал закон и добрый обычай.

Мужик покрутил сигнализатор и сразу же нырнул в зев трубы. Следующий из ожидавших склонился за узелком, чтобы как можно быстрее отправиться вслед за первым.

— Ну и куда ты с теми граблями, высанный ночью крылатом, в прыщавую жопу тыканый толстым щупальцем выпердыш сарлака? — донесся из трубы искаженный, но знакомый голос.

Помнящий глянул сыну в глаза.

— Ты видел, как она за нами ползет? — спросил он, беззвучно шевеля губами.

Немой покачал головой. Услышать он ее не мог, даже если ползла она в метре от него. Расстояние, отделяющее ее от беглецов, оказалось небольшим, но достаточным, чтобы блондин успел влезть в трубу по щиколотки до того, как напоролся на преграду. Теперь он полз назад, ругаясь, но в этом словесном поединке был разгромлен наголову. В очереди нарастала нервозность. Люди, ждущие у входа, начинали поглядывать в сторону прибывших с севера довольно враждебно.

— Мы и понятия не имели, что кто-то ползет следом за нами, — объяснял им Учитель, однако помогало слабо. — Пойдем отсюда, — потянул он сына в направлении самого широкого из туннелей.

Он не желал дальнейшего общества девушки. Его раздражали безграничная глупость и хамство. Помнящий не знал, зачем она вернулась. Но догадывался: по какой-то причине решила, что разумней будет держаться людей, которые ее накормили и, несмотря ни на что, не попользовались ею, — а не идти в одиночестве в неизвестность. Даже в то место, куда те добрые люди посоветовали ей отправиться.

Беглецы нырнули в освещенный синими отблесками туннель, прежде чем блондин успел покинуть трубу. Помнящий

притормозил лишь на миг, чтобы дотронуться до выпуклой поверхности грибков. Были они уже мягковаты, но еще не настолько, чтобы представлять угрозу в ближайшее время.

— Эй, ты, клоун с носом, как ручка в притворе, быстренько скажи мне, куда пошел тот лысый дед с татуировкой промежности на лбу? — долетел до него издали писклявый крик.

Вылезла уже, сволочь. Учитель только надеялся, что обгавканный ею человек проигнорирует вопрос или укажет на противоположное направление, но, увы, ошибся.

— Эй, дед, погоди! — крик многократно повторило эхо.

Тот, с носом как ручка в притворе, а может, кто-то из его приятелей, указал Искре нужный туннель.

Учитель не замедлил шаг, зато дважды дернул за веревку, давая сыну знать, чтобы тот побыстрее перебирал ногами. Знал, что не убегут от этой идиотки, но сейчас было важно оказаться как можно дальше от камеры к моменту очередной их встречи. Всего-то несколько метров еще, и они окажутся в слепом заулке канала, в конце которого есть колодец, ведущий в небольшой сквер. Именно туда они и направлялись. Помнящий свернул в более узкий и низкий коридор, в котором было куда светлее. Он еще раз провел пальцами по грибкам. Теплые, мясистые тельца прогибались под пальцами, меняя цвет на темно-фиолетовый. Это показалось ему опасным. Может, у окрестных анклавов куда меньше времени, чем думалось раньше.

Задыхающаяся Искра догнала их через минуту.

— Чего ты от меня бежишь, ты, старый... — только это она и успела сказать, прежде чем Учитель схватил ее за глотку и подтащил поближе.

Девушка так удивилась, что даже не стала сопротивляться. Ей пришлось приподняться на цыпочки, а глаза ее чуть не выскочили из орбит. Помнящий выждал, пока она вытолкнет слова вместе с запасом воздуха. Это упрощало дело.

— Проваливай, — прошипел он прямо в ухо девушке, нервно поглядывающей в сторону зева туннеля.

Проходящие в стороне люди, а становилось их все больше, не обращали внимания на то, что происходило в слепом, как ду-

мали они, переулке. Гонимые страхом, они торопились в камеру, чтобы как можно быстрее оказаться в лазе и исчезнуть в каналах, ведущих к более удаленным анклавам.

«Подержу ее еще две-три секунды, — решил он, чувствуя, как обмякает девушка. — Пусть почувствует огонь в легких. Пусть ее охватит страх. Пусть знает, что шутки закончились».

Немой дернул за веревку, сильно, резко. Не понимал причин агрессивного поведения отца. Боялся — это было видно невооруженным глазом.

«Зачем ты это делаешь?»

Учитель разжал пальцы, не став ждать так долго, как хотелось сначала.

«Повезло тебе, сучка, что я не хочу расстраивать сына», — подумалось ему.

Искра бессильно съехала на цементный пол. Лежала там неподвижно, словно комок выброшенных тряпок.

«Не бойся, я знаю, что делаю», — махнул Помнящий сыну, не обращая на девушку внимания.

Немой на этот раз не дал от себя отделаться. Задал тот же вопрос и, казалось, выглядел и вправду возмущенным.

— Там слишком опасно, — Учитель указал пальцем на сводчатый потолок. — С ней на шее шансов у нас не будет.

Произнес это вслух. Так было легче. Созданный им язык жестов был далек от совершенства, а кроме того, ему хотелось, чтобы слышала и девушка. Сознания она не теряла, понемногу приходила в себя, попеременно хрипя и кашляя. Попыталась встать на мягких подгибающихся ногах.

— Ты... ошибаешься... — пробормотала она.

Помнящий развернулся настолько быстро, что отскочить Искра не успела. На этот раз он остановил руку, так и не коснувшись ее покрасневшей шеи.

— Что я тебе сказал? — он махнул ладонью в сторону туннеля. — Пошла вон.

— Дай мне кое-что сказать, де... — она сжалась, когда Учитель шевельнулся. — Прошу! Всего две фразы. — Она все еще хрипела, словно кто сыпанул ей в глотку совок гравия. — Прошу...

Слово это было настолько нетипичным для нее — по крайней мере, в перспективе их короткого знакомства, что он удержался от рукоприкладства.

— Две фразы,— рывкнул он.— А потом — валишь.

Искра раздумывала некоторое время, словно подбирая слова, позволяющие ей поместить в тех двух фразах все, что она хочет и должна сказать.

— Я знаю более безопасную дорогу к мосту,— отчеканила она наконец.— Проведу вас туда, если возьмете меня с собой.

— Нет. Вали,— Помнящий развернулся к ней спиной.

— Клянусь, это правда,— не отступала она.

Голос ее ломался, словно девчонка вот-вот разрыдается.

— Я сказал: вали,— бросил он резче, повышая тон.

Повернулся так, чтобы видеть ее краешком глаза. Словно притаившийся хищник, который прикидывает, стоит ли жертва усилий, вложенных в охоту.

Искра постояла пару секунд, потом подняла сумку и двинулась к выходу. Но остановилась на половине дороги, достаточно далеко от Помнящего, чтобы не успел до нее добраться, прежде чем она выскочит в главный туннель, к людям.

— Тут поблизости есть очень старый сливной сток, брат говорил, века девятнадцатого еще. Можно по нему добраться до самого Одера. Правда, выход из него заложили, причем задолго до Атаки, но мы с Цыкачом знаем тайный колодец, которым можно добраться в камеру более нового коллектора. Там, где трубы выходят из-под земли и бегут потом аж на другую сторону реки,— она оскалилась нагло.— И что ты на это?

— Проваливай,— повторил он спокойно, словно отгонял надоедливое нищего.

Развернулся, обнял сына за плечи и, более не оглядываясь, потянул его в сторону канализационного колодца.

ГЛАВА 23

СКВЕР

Выходить на поверхность так близко от Пепелища, причем на чужой территории, казалось чистым безумием. И все же им придется это сделать, если они хотят добраться до одной из двух переправ, лежащих на противоположной стороне церковного государства, — поскольку лишь этим путем они и могли добраться на другой берег и, следовательно, до Башни. Подземная граница Нового Ватикана оставалась плотно затворенной, к тому же там объявили Священную Войну с лектерцами. Это означало, что каждый, кто попадется под руку папистам, сразу же попадет в Армию Бога и окажется выслан на фронт. Из двух зол Учитель предпочитал рискнуть встречей с мутантами. Если его информаторы не врали, ему придется пройти лишь сто метров, поскольку именно такое расстояние отделяло канализационный колодец от места, в котором находился лаз контрабандистов, который вел в давно покинутый анклав церковного государства.

Сто метров, которые, к тому же, нужно проскочить одним рывком. Потому что за сквериком стоял полуразрушенный жилой дом, а в нем находилось укрытие и наблюдательный пункт контрабандистов. При удаче беглецы должны были добраться

туда за пару десятков секунд после того, как крышка лаза встанет на место, — а может, и еще быстрее.

По дороге Помнящий не один раз успел подумать над тем, отчего контрабандисты, носящие орденский самогон, с которыми он торговал уже несколько лет, в один голос твердили, что скверик — самое опасное место в этой части города. По описанию, которое ему передали прошлой ночью, он получил несколько иную картинку.

«Еще несколько секунд, — подумал он, — и мы на собственной шкуре поймем, отчего они так отговаривали меня идти трасой своих курьеров».

Он взобрался по ржавым скобам под самую крышку люка и, невзирая на украшавшую ее предупредительную надпись, очень медленно оттянул все три засова. Старался при этом не шуметь, чтобы не притягивать внимания тварей, которые могли пребывать вблизи.

Когда засовы были отодвинуты, он надел маску и, сильно откинув голову, уперся лбом в холодное железо, чтобы высота, на которую он поднимет крышку, оказалась минимальной. Приняв оптимальную позу, он надавил двумя руками на тяжелый люк и с тихим скрежетом приподнял его. Щель была сантиметров в десять, не больше, но и этого хватило. Он трижды повернулся, исследуя окрестности.

Контрабандисты говорили правду. Место выглядело не слишком хорошо. Поле зрения во многих местах закрывали странные синие клубни, стволы и что-то вроде вееров. Мутировавшие растения росли по всему скверу. Как он мог заметить, они успели поглотить даже часть ближайших руин. Толстые, с мужское бедро, лозы бульдожорцев оплетали оранжевые некогда дома, тянувшиеся вдоль одной из улочек, окаймлявших сквер. К счастью, целью Учителя был дом, стоящий на противоположной стороне. К несчастью, колодец и невидимую подворотню разделяли заросли мутировавших растений. Большинство из них наверняка были ядовитыми, как и те, которые Помнящий и его сын могли видеть около своего анклава.

— И отчего вы, дураки, не выжигаете эту дрянь? — проворчал он, потянувшись к маске.

Стоящий внизу Немой сразу же расстегнул рюкзак. Молодец парень. Чтобы выработать план, им понадобилось всего-то лишь несколько жестов.

«Идешь по моим следам. Если я побегу — двигай за мной. Все будет хорошо».

Крышка пошла вверх. Учитель сел на краю колодца, придерживая тяжеленный кусок чугуна двумя руками. Пропустил сына, а когда тот протиснулся наружу под его рукой и сунул конец лома в одно из отверстий, вылез наружу сам. Они вместе закрыли люк, осторожно задвигая все засовы. Оба при этом тревожно поглядывали по сторонам. В густых зарослях царила абсолютная тишина, но не неподвижность. Большинство растений непрерывно раскачивались на легком ветру, некоторые стебли, потолще, а то и стволы пульсировали, словно внутри них что-то двигалось.

«В таких-то условиях высмотреть подкрадывающуюся тварь — граничит с чудом», — подумал Помнящий, подавая сыну знак.

Шли они медленно; Учитель осторожно выбирал место, куда ставить ногу, чтобы ненароком не попасть в смертельную ловушку. Следя за повадками шариков, он заметил, что мутировавшие псы, обитающие на краю прицерковного парка, всегда ходят одними и теми же проверенными тропами, а потому — высматривал их следы на губчатой почве, одновременно держась как можно дальше от лиан и веток. Много раз видел, что происходит с неосторожными животными, которые цепляются за хищные ядовитые кусты. Волосы на затылке и доньне вставали у него дыбом, когда вспоминал невыразимые мучения, в которых они погибали.

Шагов через двадцать они выбрались из самых густых зарослей на широкий перекресток. На обломке стены слева Помнящий увидел знак, который им приказывали высматривать, — серую потрескавшуюся штукатурку украшала фреска, выжженная атомным огнем. Под тенью стройного креста он увидел человеческие силуэты. Сияние ярче миллиона солнц запечатлело

момент смерти молящихся, перепуганных людей, превратив их тела в прах.

Помнящий вздрогнул и отогнал тяжелые воспоминания. На поверхности даже секунда невнимательности могла стоить жизни, а сейчас он отвечал не только за себя, но и за сына. Немой присел позади него, таращась широко открытыми глазами на окружающие их заросли. Впервые видел их так близко. Настолько восхитился, что наверняка утратил бдительность. Поэтому учителю стоило быть настороже за них двоих.

На противоположной стороне широкой полосы брусчатки, на самом углу, Учитель заметил подворотню, о которой упоминали контрабандисты. От жилого дома — в несколько этажей, некогда раскрашенного в яркие цвета, — осталась лишь выжженная скорлупа. По крайней мере, так казалось на первый взгляд. Однако контрабандисты утверждали, что железобетонная конструкция выдержала ударную и термическую волны. Ему приходилось верить им на слово, хотя то, что он увидел, не было слишком оптимистичным.

Он подал сыну очередной знак и прошел еще несколько шагов. Там снова присел, на этот раз на краю старой улицы, где заканчивалась губчатая почва. Впереди у них была уже только голая брусчатка, на которой чернело ничем не защищенное отверстие, ведущее внутрь дома. Так-то и описывали это расспрашиваемые в анклав контрабандисты. «Держать укрытие в секрете — это маскировать его, а где темнее всего, как не под фонарем?» — говорили они и были правы. Помнящий улыбнулся про себя, вспомнив их слова, но тотчас сделался серьезен.

В узком окне рядом с балконом на пятом этаже что-то шевельнулось. Кто-то там был. И тайно присматривал за ними, хотя быстрый, мгновенный отблеск все же его выдал. Луч солнца отразился от чего-то блестящего — может, металлического элемента плаща, а может, от покрытой гнойной сыпью кожи мутанта.

«Лишь бы это оказался человек», — подумал Учитель, поднимая правую руку и подавая условный сигнал. Сжал кулак, опустил его трижды, словно потянув за невидимую веревку. Когда

закончил — получил ответ. Из-за обломков высунулась чья-то рука, пальцы ее трижды разжались.

«Пора идти».

Они побежали, низко пригнувшись, на другую сторону улицы, по широкой дуге обходя кучу развалин, в которые превратился более старый дом. Твердые подошвы сапог производили слишком много шума, даже будучи обмотанными тряпками. Здесь, в абсолютной тишине, царившей на поверхности, даже тихие шлепки казались более громкими, чем удары в барабан. Прежде чем Учитель преодолел половину пути, за его спиной раздался характерный звук: скорее, хлопанье флага на ветру, чем звуки, издаваемые птицами.

«Крылачи! Целая стая крылачей!»

Должно быть, те спали в кронах новодеревьев где-то в сквере. Более чуткие, чем нетопыри, они сразу же почувствовали присутствие человека и сорвались в полет, на охоту, за очередной жертвой.

«Сука! Еще пять секунд! Только бы успеть!» — подумал Учитель в панике, ускоряя шаг.

Будь он один — наверняка бы справился со всеми, но имея рядом Немого... Взгляд через плечо означал бы промедление, а отсутствие реакции могло обречь его сына на смерть. Парень не слышал хлопанья, а потому не сумел бы вовремя уклониться. Единственный шанс для него — как можно быстрее добраться до подворотни. Крылачи слишком велики, чтобы туда влететь, потому наверняка затормозят и, как знать, может, вообще оставят их в покое.

Помнящий глянул вверх. В этот самый момент из окна на пятом этаже мелькнула тень. Узкая, короткая, знакомая. Кто бы ни сидел в укрытии, он прикрывал их, стреляя из лука. Вторая стрела полетела за первой, потом третья, потом еще. Летели они так быстро, словно пряталось там несколько стрелков. Хлопанье нарастало тоже, делалось все более хаотичным. В какой-то момент что-то глухо ударило в булыжники, невдалеке, может, в нескольких шагах от бегущих. Немой, бегущий почти сразу за отцом, не услышал и этого. В метре от подворотни Помнящий

обернулся. Посреди улицы клубились существа, напоминавшие летающие мантии. В каждом было метра два длины, не считая жалообразного хвоста, который на самом деле был чем-то вроде пасти. Твари окружили сбитых стрелами товарищей, обсев их, словно мухи дерьмо, и, воткнув в тела ороговевшие хоботы, высасывали все, что могло быть переварено.

Учитель остановился на пороге, приобнял запыхавшегося Немого, а потом повернул его лицом к улице. Парень только сейчас понял, как близки они были от смерти. Вид пожираемых живьем мутантов поразил его. Он вцепился в отца с такой силой, словно руки его превратились в клещи. А бойня на улице только начиналась.

Стрелок в окне не терял времени даром. Теперь задание у него было куда легче. Очередные стрелы втыкались в кожистые крылья и гибкие тела ползающих по мостовой хищников. Те, в кого пока не попали, сразу же бросались на раненых собратьев. Клубок черных тел разделился на несколько меньших, потом же, когда последний крылач замер, пробитый стрелой, на улице вновь воцарилась тишина — но лишь на миг. Шум, который устроили пожирающие друг друга твари, не мог остаться незамеченным. Со стороны сквера донесся пронзительный писк. Где-то поблизости находились котокаты. Наследники мартовских крышеходцев, они уступали крылачам с точки зрения размера, но равнялись яростью. И они скоро здесь появятся, привлеченные запахом смерти и крови. А уж когда придут, будет лучше, если не почуют человека, чье мясо было им по вкусу куда приятней, чем высушенные ткани летающих мантий.

Учитель глянул на Немого. Парень стоял, словно окаменев, не в силах отвести взгляд от мертвых мутантов, лежащих в нескольких шагах от него. Впервые в жизни он видел этих тварей настолько близко, а еще впервые в жизни увидел он и то, как они пожирают свои жертвы.

«Нам нужно идти», — махнул он сыну, а когда парень не отреагировал, дернул его за плечо и бесцеремонно втянул в подворотню.

Забитое кривыми досками оконце пролета между первым и вторым этажами впускало совсем немного света, из-за чего на лестничной площадке царил приятный полумрак, но здесь, внизу, в нескольких шагах от входа, было темно, хоть глаз выколи. Решетка, отделяющая узкий коридор от ступеней, стояла распахнутой на всю ширину. Неужели их спаситель успел спуститься вниз и открыть им проход? Тогда почему не ждал у входа, чтобы затворить решетку на засов?

Учитель не знал, что заставило его замереть на месте, перед самым пятном темноты. Может, инстинкт, может, услышал некий звук или заметил уголком глаза какое-то движение. Был слишком раздерган, чтобы оценивать это трезво, потому отреагировал инстинктивно, останавливая и сына, хотя стоять на входе было смертельным риском.

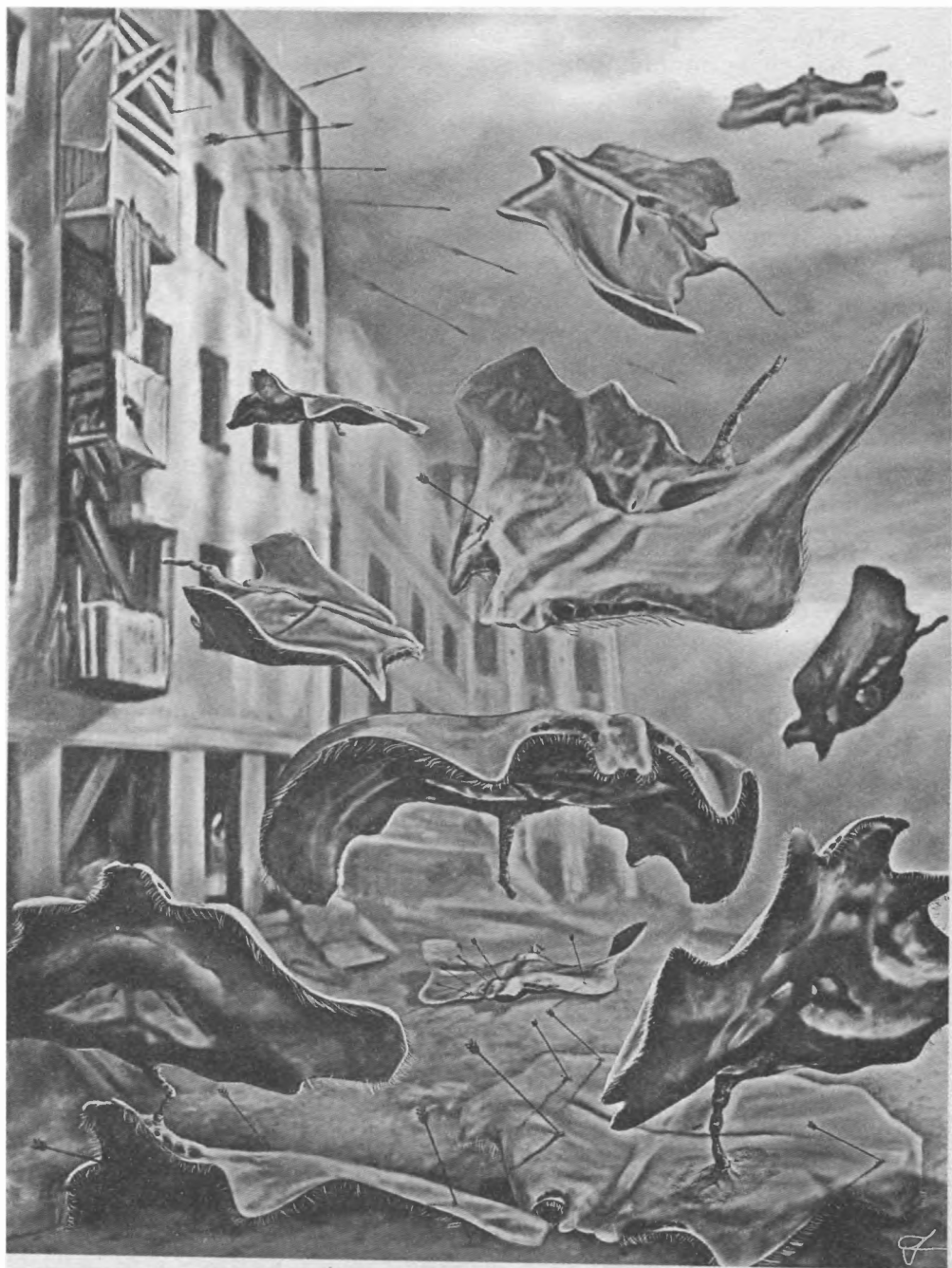
«Что-то здесь не так...»

Он прислушался, всмотрелся. Ничего, хотя... У подножия лестницы, во втором пятне тьмы, что-то словно бы зажглось. Четыре кроваво-красных точки проявились во тьме, а через миг лестничную площадку заполнило басовитое гудение.

На ступеньках, ведущих в подвал, появился взрослый шарик. Вынырнул из темноты, словно призрак, неотступно глядя на обомлевших людей. С обнаженных клыков его капала густая слюна, на расчесанных боках отблескивали целой гаммой цветов гнойные пятна и полосы, когда тварь проходила мимо снопов света, просачивающегося между досками, которыми было забито окно.

Помнящий потянулся к оружию, отодвигая сына себе за спину. Это не было хорошей идеей, поскольку Немой тогда уходил из поля его зрения. Котокаты будут здесь уже через минуту-другую и, когда заметят парня в дверях, поспешат попробовать его крови. Учителю необходимо было что-то сделать, причем быстро, до того, как они окажутся меж двух огней. Лучше иметь дело с одним противником за раз, пусть даже это и кровожадный мутант.

Он шагнул вперед, поднимая мачете для удара. «Ну, давай, гнида!» — мысленно подгонял он шарика, который, не пойми от-

чего, остановился по ту сторону пятна глубочайшей тьмы. Черные губы приподнялись, обнажая ряды длинных острых зубов. Рычание сделалось громче.

— Ну, собака, давай уже! — прошипел Помнящий, перехватывая оружие двумя руками, чтобы нанести как можно более сильный удар.

Подсознательно он понимал бессмысленность собственных действий. Мутировавшая собака достаточно быстра, чтобы человек не сумел с ней равняться. Попасть в тварь — уже это граничило бы с чудом, и спасти Учителя могло лишь божье вмешательство. Помнящий вдруг перестал удивляться, отчего контрабандисты так сильно проклинали это место. Сперва крылачи, потом котокаты, теперь...

Шарик оттолкнулся от покрытого обломками пола. Когда Учитель моргал, тварь еще стояла в луче света, падающего из-за неплотно забитого окна. А когда веки снова пошли вверх, ее уже там не было. Момент для нападения тварь выбрала идеально, словно за теми кроваво-красными глазами скрывалось нечто большее, чем просто инстинкт охотника. Оттолкнувшись сильными лапами, шарик полетел над тьмой, прежде чем пойманный врасплох человек успел отреагировать.

То, что случилось позже, было еще большей неожиданностью. Шарик исчез в пятне бархатной темноты, но из нее не вынырнул, словно исчезнув в другом измерении. Накачанный адреналином Помнящий сумел, в конце концов, шевельнуть руками, клинок мачете медленно пошел вверх. Он увидел пятно темнейшего мрака, почувствовал замедляющийся пульс, но атакующего мутанта все еще не было в поле зрения. Длинный клинок миновал место, в котором должен был столкнуться с нападающим шариком и, двигаясь под острым углом, устремился к стене. «Это невозможно», — ошарашенно подумал Учитель. Из темноты показалась округлая выпуклость. Черная поверхность поддалась было под напором морды и лап пойманной твари. Тихий скулеж — и тишина.

— Теняк... — простонал Учитель, выпуская мачете.

Он выдернул из кармана фонарь и, ошалело работая рукоятью, окинул стены коридора снопом света, медленно налива-

ющимся яркостью. Под потолком справа все еще подрагивал овальный пищеварительный мешок черного охотника, в котором подыхал неудавшийся убийца людей. Со стороны улицы снова доносились громкие писки — слепые котокаты уже окружили место казни и накинулись на кучку убитых стрелами крылачей. Нельзя было терять ни минуты. Помнящий наклонился за мачете, выдернул из-за пояса штык и, несясь сквозь тьму, изо всех сил воткнул его в начавшего трапезу теньяка. Широкий клинок вошел глубоко, рана не только хищника, но и находящуюся внутри жертву. Одного движения широкого клинка хватило, чтобы из раны хлынул поток теплой жидкости. Это привлечет котокатов на лестничную клетку, но удержит их подле новой добычи, благодаря чему люди успеют закрыть решетку и добраться до безопасного укрытия.

Прежде чем Учитель и его сын добежали до подножия лестницы, на этаже появилась еще одна тень. На этот раз, правда, принадлежала она человеку.

ГЛАВА 24

ФАРТОВЫЙ

— Теняк? — в десятый раз спросил костлявый контрабандист, с недоверием покачивая головой.— Да я всего-то пару часов назад все стены там обнюхал. Чистыми они были, словно та вода, что из крана текла.

Врал. Во-первых, водопроводчиков он видеть не мог. Было ему лет двадцать, из-под шапки выбивались длинные каштановые волосы. Продолговатое лицо его было бы простым и неброским, но от высокого лба до острого подбородка тянулись четыре параллельных шрама. Человек этот, похоже, пережил быструю встречу с пиляком, и хорошо, что глаза остались целыми. Почему его звали Фартовый — нетрудно было догадаться. Учитель не знал никого, кто мог бы похвастаться тем, что пережил встречу с самым убийственным мутантом, какого носила вроцлавская земля.

А во-вторых, тенилки не выносили света. Тот, что угнездился в подворотне, должен был приползти сюда еще затемно.

— И все же он там был — большой, что твоя дверь,— обронил Помнящий обвиняющим тоном, указав пальцем на усиленную досками и подпертую толстой балкой створку, которая отделяла наблюдательный пост от лестницы.

— В жопу эту сволоту... — бормоча себе под нос, контрабандист уселся на перевернутый шкафчик рядом с наваленными тряпками, которые служили ему постелью. У него были причины злиться; если бы не приход беглецов, он и сам через пару часов закончил бы жизнь либо в бархатном мешке, либо в желудке шарика. — Должно быть, подвалами прошел, — решил он в конце концов. — Точно говорю.

Учитель присмотрелся к собеседнику внимательней. Фартовый не казался полным дураком — не мог им быть, раз уж работал на поверхности и оставался жив, — и все же говорил не гладко, будто полоумный. Или как человек, который при отсутствии прочих возможностей сам должен был многому научиться.

— А как сюда попал второй? — спросил Учитель через минуту, когда уже усадил трясущегося Немого в углу, подальше от единственного окна.

— Это кто? — не понял контрабандист.

— Я о шарике.

— Ага, — Фартовый почесался по грязной щеке. — Понятия не имею, откуда эта срань пришкандыбала. Ты где его видел?

— Сидел на лестнице в подвал.

Контрабандист покачал головой.

— Как он мог туда влезть? Ведь решетка...

— Решетка была открыта настежь, — бесцеремонно прервал его Учитель.

— Быть не может.

— А вот так. Кто-то позабыл ее закрыть.

— Не я.

— И отчего бы мне тебе верить?

— Потому что я правду говорю, крест на пузе.

Учитель решил его дожать.

— Серьезно? А ты здесь с какого времени?

— С рассвета приблизительно.

— Откуда пришел?

— От цистернщиков, — поспешно пояснил Фартовый. — Товар принес заказанный.

— Ты был в Новом Ватикане? — удивился Помнящий.

— Ну, типа да,— ответил контрабандист, удивленный его реакцией.

— И они не взяли тебя в крестовый поход?

Фартовый ощерил зубы.

— Бизнес есть бизнес. Забери они нас, кто им этот сраный товар носить станет? Там всем крутят толстые епископы, брат, а не какие-то там сраные братья.

— Ага. Как ты сюда добрался?

— Нормально. Там, в конце дома, есть такая сраная лестница,— он указал на южную стену.— Ржавая, пары ступеней нету, но как-то она еще держится. Влез по ней на второй этаж. Потом таким сраным коридором дошел до ступеней и проверил...

Помнящий погрозил ему пальцем.

— Хрени-то не неси, лады?

— Ну да, я тот сраный коридор внизу не проверил. Не хотелось. Сердитый я был сильно.

— На что?

Контрабандист пожал плечами.

— Тварей нынче в окрестностях столько, словно кто фестиваль для мутантов устроил. Я чудом живым ушел и чуть товар не потерял из-за этих сраных ступачей.

Если он говорил правду, а все на это указывало, решетку открыли люди, которые были здесь раньше. Отчего не закрыли ее снова, для всех оставалось загадкой. Может, попались шариком или их сожрали другие твари? Помнящий не намеревался тратить время, чтобы найти ответы на эти вопросы.

— Еще раз спасибо за помощь,— сказал он, чтобы закрыть опасную тему.

— Да ладно. Своим я всегда помогаю.

— Никакого «ладно». Если бы не твой меткий глаз — мы бы здесь сейчас не сидели.

— Тоже верно,— контрабандист оскалил пеньки зубов. Похвала его обрадовала. Однако он сразу же сделался серьезным.— Я на тех сраных летал все стрелы потратил,— он указал на лежащий у окна колчан из кожи шипозмея. Торчали оттуда лишь четыре светлых оперенья.

— Немного же ты вернешь,— кивнул Учитель, внутренне вздрагивая.

Собственными глазами видел, как перьям пришел конец, когда умирающих крылачей начали жрать ошалевшие от жажды крови товарищи.

— Знаю,— отозвался мрачно Фартовый.— Надо будет новые купить.

Намек в его исполнении оказался таким же незаметным, как ступач в течке.

— Спокойно, я позабочусь, чтобы у тебя было, за что их купить.

— Ну, возражать не стану,— не отнекивался Фартовый.

В ситуации, когда кто-то спасает тебе жизнь, ты остаешься его пожизненным должником. Это не закон — просто обычай, исключительно глубоко укорененный среди сталкерской и контрабандистской братии. Этим людям приходилось заботиться о себе, поскольку никому другому до них дела не было. Конечно, они предоставляли неоценимые услуги обитателям анклавов, работая курьерами или помогая очистить территорию, но редко когда случалось, чтобы они пользовались уважением среди уцелевших. Каждый обитатель подземелья, выбиравший жизнь бродяги — а обречены на такую становились люди, не принадлежащие ни к одному из сообществ, — воспринимался в анклавах как приبلуда, а то и пария.

— Четыре новеньких угольных фильтра — вот сколько могу тебе дать,— Помнящий придвинул рюкзак. Свой, ясное дело. Не хотел никому показывать, каким богатством он располагает, а потому разделил их так, чтобы иметь под рукой малую часть, как раз на тот случай, если нужно будет с кем-то поторговаться. Предложил он честную цену: в Вольных Анклавах за такое число фильтров можно было получить до трех десятков ровнейших стрел.

— Но с головы,— быстро отозвался контрабандист, начав торги.

— Столько у меня нету,— Учитель покачал головой.— Четыре — это все, что у меня будет.

— В таком случае — по три, — не отступал Фартовый.

— Я ведь говорю — нету у меня больше. — Помнящий беспомощно развел руками. — Кроме того, ты же помнишь о решетке... — добавил со значением.

— Ладно, пусть будет по два, — сразу спасовал контрабандист.

— Добро, — кивнул Учитель.

Фартовый радовался, словно сумел повысить ставку как минимум раз в пять. «Он что, и правда думает, будто выторговал больше, чем я ему сперва предлагал?» Помнящий не собирався указывать на ошибку парня. Пусть радуется, что перехитрил пришельцев, может, из-за этого охотней им поможет.

— А вы зачем сюда пришли? — спросил все еще улыбающийся контрабандист, упрятав добычу в рюкзак.

— Ни зачем, — ответил честно Помнящий. — Хотим на другой берег перебраться. Идем к Башне.

— К сраному хрену лезете? — засмеялся Фартовый, кивая на виднеющуюся вдаль конструкцию.

— Как-то так, — проворчал Учитель.

— Погоди, — контрабандист внимательно на него поглядел. Похоже, он понял, что пришельцы — вовсе не курьеры, прибывшие за товаром. — Кто вас сюда прислал? — он театральным жестом потянулся за ножом.

— Ржавый.

— Не знаю.

— Правая рука Жести.

Фартовый скривился. О шефе шефов он наверняка слышал, если и правда имел что-то общее с контрабандой. Конечно, Помнящий не разговаривал ни с кем из важняков этой сети, просто повторял имена, названные ему информатором.

— А ты не гонишь?

— Если б я гнал, то ногами бы шевелил, а не губами. Знак видишь? — спросил, он, повторив тот же жест, который совершал уже на улице.

— Ну типа, — контрабандист отвернулся к Немому: — А ты там чего сидишь, словно под серой заразой? — парень даже не шевельнулся. — Тебе говорю, сраный ты...

— Сына моего в покое оставь,— тихо попросил Помнящий.
 — Это твой сын?
 — А что?
 — А ничего, просто он какой-то малохольный.
 — В мать пошел.
 — Бррр...— Фартовый скривился.— Не завидую тебе, братка,— добавил с непритворным сочувствием.

Немой не был лучшим ребенком на свете, это правда. Рана на голове, что лишила его слуха и речи, отразилась и на внешнем виде. Чуть деформированное, лишенное всякого выражения лицо, явно уплощенный за левым виском череп — все складывалось в печальный образ инвалида. Таковых нечасто видывали в мире, кодексы которого требовали, чтобы больных детей сразу же после рождения выносили на поверхность и там оставляли. Жестокий обычай, перенятый у воинственных викингов и спартанцев, увы, был необходимостью. Поощрять калеку — это лишь заставить его страдать еще больше. В первые годы после Атаки, когда новые законы еще не существовали, в таком убеждались не раз и не два, оттого довоенная этика быстро оказалась позабыта, и никто не пытался ее воскрешать — даже ультраортодоксы Нового Ватикана, оглашая миру содержание нового Декалога, обошли эту проблему молчанием.

— Слышь, молодой, прости,— мгновением позже добавил контрабандист.

— Он тебя не слышит,— обронил Помнящий, чтобы отвлечь внимание Фартового от сына.

— Что значит: не слышит меня? Я чего, тихо говорю?

— Нет. Он тебя не слышит, потому что глухонемой.

Фартовый покачал головой.

— Страх,— проворчал, глядя на Немого с недоверием, но оставил все же его в покое.— Несчастный случай? — спросил через минуту, не поворачивая головы.

— Что-то типа того,— ответил Учитель.

Не намеревался влезать в спор. Пример Искры доказал ему: проще соглашаться с тем, что напридумывают себе встреченные

люди, чем объяснять им, как оно так может быть, чтобы неполноценный ребенок сумел столько лет прожить в каналах.

— Ну так хрен там вам повезло. Если думаете, будто отцы вам помогут, то я сразу говорю, что эти их сраные травмы — полная ерунда. Человек от них скорее начнет ночами светиться как неонка, чем сумеет с болезнью справиться. Я знаю, потому что тетка моя пыталась. Всем запасом фильтров мы заплатили за эти сраные фокусы, а она все равно через несколько дней на корм шарикам пошла, — Фартовый боязливо перекрестился и три раза ударил себя в грудь. — Вот как свой своему говорю тебе.

— Знаем, оттого и идем в Башню.

— К купцам? — задумался контрабандист. — Черт его знает, там ли они еще, — добавил он, отворачиваясь к окну, за которым, вдали, маячил торчащий в небо скелет высоты. — Уже много лет не подают признаков жизни.

— Каждую ночь кто-то зажигает огни на вершине.

— Ну типа... — признался Фартовый. — Но что оно значит — этого никто не знает.

ГЛАВА 25

СТУПАЧИ

Они отдохнули с часок, потом съели второй кусок печеной ветчины из шарика. Учитель разделил мясо на три равные части, угощая еще и Фартового. Контрабандист проглотил предложенную еду несколькими большими укусами. Ел он жадно, совсем как Искра. Однако в отличие от нее, о добавке не просил. Проглотив последний кусок, поковырялся грязным пальцем в зубах, пару раз цыкнул, высасывая волокнца мяса из дыр, а потом вытащил из рюкзака пластиковую бутылку, наполовину заполненную мутной жидкостью.

Помнящий отказался от угощения. В такой важный момент путешествия он предпочел иметь полный контроль над сознанием. Фартовый не обиделся, выглядел даже довольным тем фактом, что гости не хотят уменьшить его припасы. Открутил крышку, глотнул от души и скривился.

Быстрый осмотр окрестностей позволил им понять, что опасность миновала. Котокаты обгрызли до костей все трупы на улице, а потом занялись переваривающим шарика теньком. Тварь не имела и шанса — разодранная в клочья, даже выпустила из своей хватки наполовину растворенного шарика. Кости его лежали теперь на полу сразу возле лохмотьев пищеварительного мешка.

Фартовый отблагодарил гостей двумя способами — выдал им один сталкерский фокус и показав самый короткий путь к канализационному люку. Вход в туннель, который они искали, находился на территории старого Грюнвальдского кампуса.

— Сперва сойдете по лестнице, — говорил он, рисуя пальцем в пыли, покрывающей обгорелый паркет. — А когда окажетесь уже внизу, сразу через площадь не лезьте! Те сраные сучьи дети все еще где-то там.

— Ты о котокатах? — спросил Учитель.

— Нет. Те сраные слепыши уже нажрались по уши и теперь наверняка спят. За ступачами следите. Я с утра целое стадо видел. Там, за тем засраным домом, — контрабандист указал на здание на противоположной стороне выложенной плиткой площади.

Выход на открытое пространство нес в себе немало угроз. Человек подставлялся под нападение летающих созданий, которых появлялось в последнее время все больше. От маленьких насекомыхобразных и новоптиц до самых крупных, родом из кошмаров психотика. Наблюдатели описывали каждый из видов, что появлялся в зоне видимости, но никто по-настоящему не знал, что скрывают джунгли, растущие в Запретной Зоне, а ведь именно оттуда, да еще с Пепелища вылезали все новые виды мутантов.

Другой угрозой были твари, живущие на земле. Не настолько многочисленные, как их крылатые побратимы, но куда более хищные и прожорливые. Ступачи были самыми большими из всех. Взрослые особи достигали высоты шесть метров, но не размеры, а их вид пробуждали наибольшее удивление у людей. Представьте себе тираннозавра, которому кто-то еще сильнее увеличил задние лапы, одновременно уменьшая тело и убирая голову. Непросто в это поверить, но ступачи выглядели именно так. Две огромные нижние конечности, будто выдранные из слонов, поддерживали небольшое — сравнительно — тельце. Эта тварь, на вид тяжелая и неуклюжая, никогда не спала и всегда была в движении, словно акула. Каждое падение грозило ей смертью, оттого существа эти держались открытых и легкодоступных пространств, где они охотились и кормились, поглощая все, что движется.

Помнящий однажды видел, как одна из этих тварей жрала хищные кусты, которыми поросли окрестности церковного парка. Чудовище сперва их растоптало, не обращая внимания на хлещущие по ногам ядовитые ветки, — толстая, в несколько сантиметров, словно окаменевшая шкура защищала их не только от клыков и когтей меньших хищников, но и, прежде всего, от ядов. А когда жертва наконец-то замерла, тварь присела над нею, выпуская из нижней части корпуса множество подвижных усиков, и быстро поглотила ими все съедобные части раздавленного растения.

Странное было это существо, одно из наиболее чуждо выглядящих в постъядерной экосистеме. Никто не сумел бы сказать, из какого животного оно вымутировалось, превратившись во всеядный кошмар, который не брезговал ничем, а уж тем более — человеческим мясом, которое гигантами воспринималось как истинный деликатес.

Быть раздавленным многотонной лапой — не самая приятная гибель, особенно если тварь недостаточно точно нанесет первый удар. Потому ничего странного, что сталкеры далеко стороной обходили места, в которых гнездились эти монстры. Со временем им удалось придумать метод быстрого выявления этих хищников, которые чувствовали человеческий дух за несколько сотен метров и, несмотря на внешность, умели передвигаться значительно тише, чем можно было предполагать.

— Вот как сделайте... — Фартовый порылся в рюкзаке, вынул из него старую военную флягу и оловянную тарелку. Поставил миску на пол, убрал кусок деревяшки из-под одной из сторон, а потом налил в миску воду. Махнул Помнящему, подзывая его наклониться поближе. — А теперь не двигайтесь! — предупредил он, а потому Учитель показал сыну: «оставайся на месте», и сам замер, устремив взгляд на поверхность воды. — Видишь? — контрабандист указал пальцем на легкие колебания, которые расходились от центра к краям.

— Вижу... — пробормотал Учитель, не до конца понимая, в чем тут дело.

— Это знак, что ступач — поблизости,— заявил довольный собой Фартовый.— Во, глянь!

— Это знак, что пол задрожал,— Помнящий двинулся сильнее, вызвав новые волны.— Понимаешь?

Контрабандист засмеялся, что тоже вызвало движение волн.

— Ты видишь, но не видишь,— выдавил из себя, сквозь смех.— Вы, засранные канальные, считаете себя самыми умными, а на самом деле — хрен там что знаете.

— Тебе никогда не приходило в голову, что мы можем оказаться правы?

— Нет,— искренне признался Фартовый.— Позволь я тебе кое-что объясню, братуха. Коротко и по сути. Когда станешь там подыхать,— он махнул в сторону площади,— растоптанный сраными громилами в кашу, то попомнишь мои слова.

— Да уж конечно,— проворчал Учитель.

— Знаки нужно уметь читать, верно? Ты видишь, что эта сраная вода шевелится, а я вижу сигналы. Каждое движение — своего рода волна, присмотришься,— он ударил кулаком в паркет, легко, чтобы всего лишь шевельнуть воду. Потом махнул рукою, показывая разницу.

Издевательская усмешечка исчезла с губ Учителя. Этот проклятый примитив был прав. Даже не слишком внимательный наблюдатель мог заметить разницу, а потому если кто-то достаточно долго изучал этот фактор, то наверняка научился различать волны, соответствующие определенным движениям, переданным через пол.

— Интересно,— признался он, склоняясь над миской. Вода время от времени начинала волноваться, он заметил в той определенной регулярность, но это не много говорило ему, кроме того факта, что жидкость реагирует на дрожь.— Как это должно мне помочь? Я ведь за пять минут не выучусь всему, что заняло у тебя целые годы.

— Верно,— контрабандист помрачнел.— Я по волнам могу сказать, насколько оно близко и с какой стороны приходит.

— Может, в таком случае ты пойдешь с нами...— начал Помнящий.

— Я не вернусь, тут и речи быть не может! — Фартовый поднял миску, сдвинув маску на лоб, выхлебал воду и принялся собирать свои вещички. — Мне уже пора. Товар стынет.

— Я не говорил о том, чтобы отправиться на площадь, — только о том, чтобы выйти из дому, — уточнил Учитель. — Там глянешь на свою волшебную миску и...

— Это никакая не засраная магия, а всего-то — знание, — возмутился задетый этим замечанием контрабандист.

— Прости, глупая была шутка. Но для меня — это настоящая волшебная магия.

— Ну разве что, — Фартовый затянул ремешки и еще раз взглянул на собеседника.

Молчал, но в глазах его было видно, что едва удерживается от того, чтобы заговорить. Предложи что-нибудь, — говорил этот взгляд, — что-то здоровское, что-то дорогое. Было понятно, что даром Фартовый не сделает ничего. Особенно теперь, когда он понял, что люди, которых он спас, не принадлежат к его касте. Если уж они кому-то забашляли за то, чтобы тот указал дорогу сюда, то могут заплатить и ему. Помнящий был уверен, что контрабандист, прежде чем уйдет отсюда, повыберет все обломки стрел, а особенно оперения и наконечники, чтобы заплатить ремесленникам как можно меньше. Такими уж были эти люди поверхности, меркантильные до предела — впрочем, по причинам совершенно понятным, поскольку им приходилось заботиться о себе побольше остальных.

— Я тебе за это добавлю один фильтр, — предложил Учитель, прервав, в конце концов, затянувшееся молчание.

— С головы! — завел контрабандист обычную песню.

— Решетка...

Одного слова и самого вида черного кружка оказалось достаточно, чтобы закончить торг.

— Одни потери, — проворчал Фартовый.

«А как же. Ты бы видел, дурашка, свои глаза», — подумал иронично Помнящий. Радость контрабандиста из-за очередной добычи была настолько явственной, что не заметил бы ее только слепой.

Они сошли по лестнице на четвертый этаж, там свернули в коридор, по которому добрались до заваленной части дома. По обломкам они пробрались этажом ниже, потом, преодолев несколько полностью разрушенных комнат, приблизились к дыре в полу помещения, бывшего до войны небольшой ванной комнатой. Держась за проржавевшие трубы, они осторожно спустились на второй этаж. Это здесь, на балконе, находилась лестница, установленная контрабандистами.

Двумя минутами позже оба они, отец и сын, присели под внутренней стеной рядом с Фартовым. Учитель обнял дрожащего Немого. «Смотри», — показал ему на тарелку. «Что?» — спросил Немой. «Магия», — ответил Помнящий, на этот раз беззвучно шевеля губами. Парень поглядел на него странно. Даже он, несмотря на ненормально работающий ум, не верил в чудеса и сказки. Однако этот короткий разговор выполнил свое предназначение. Учитель отвлек парня от ожидающего их рывка.

Контрабандист прижался к земле, приблизил глаза к краю миски и уткнул взгляд в воду. Лежал так некоторое время, а когда наконец поднялся, выражение лица его было невеселым.

— Сраные ступачи, — проворчал он, указывая на невысокие постройки школы. — Они все еще там. Как минимум трое. Но это не все, — перебил Учителя, не дав ему заговорить. — Там, — махнул на самые крупные руины, — сидят еще.

— Что советуешь? — спросил Учитель.

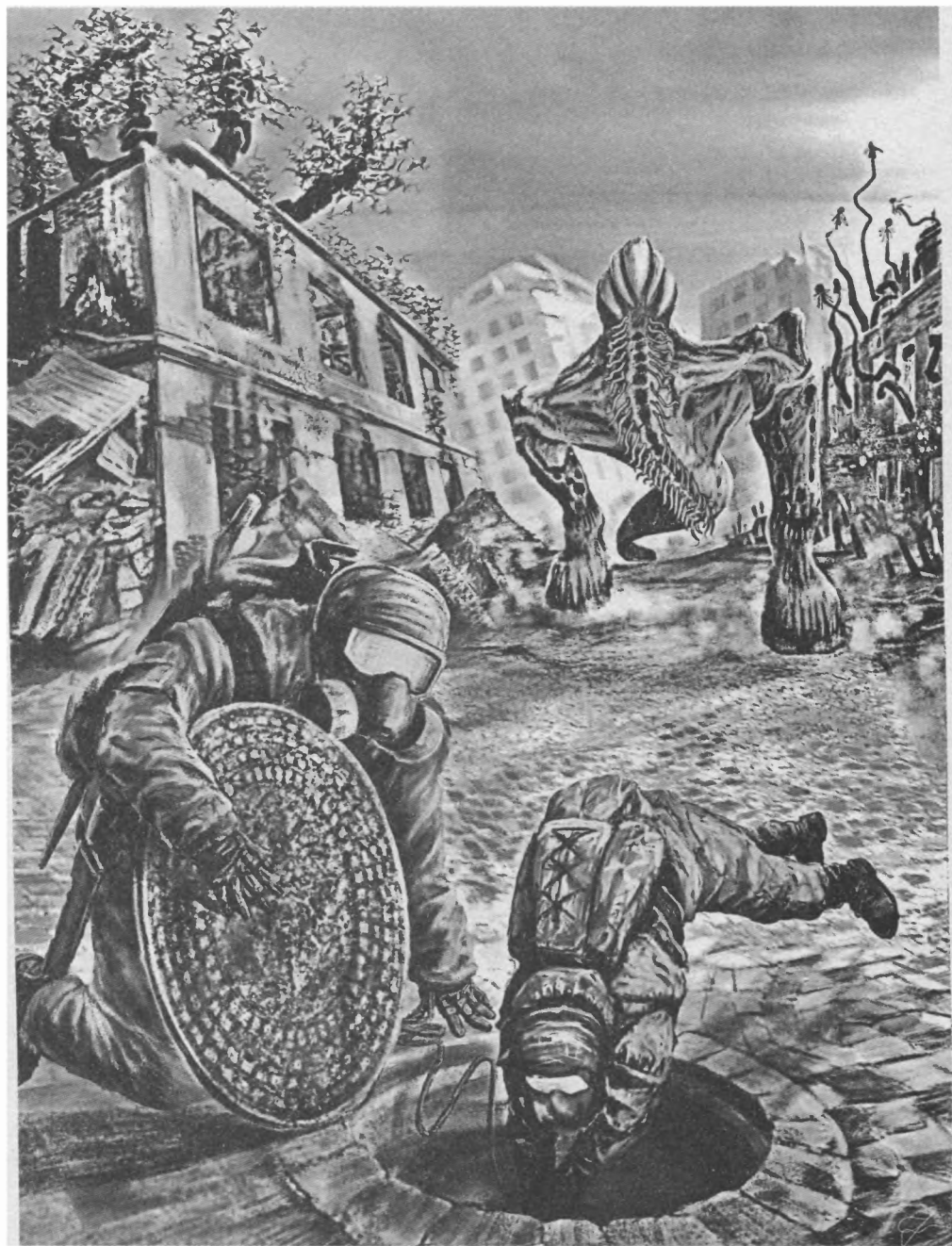
— Идите со мной, — коротко ответил Фартовый.

— И речи быть не может.

— В таком случае — удачи. Она вам пригодится на этой сраной площади.

— Что советуешь? — повторил Помнящий. — Ну, кроме возвращения, конечно.

Контрабандист задумался. Судя по его лицу, он принадлежал к людям, которые болезненно переживали подобные процессы. Наконец он отозвался:

— Я бы ухреначил как можно быстрее в сторону колодца. Никаких подвигов и рысканий. Единственная ваша надежда в том, что доберетесь на место раньше их.

Они попрощались коротким рукопожатием. Фартовый одним глотком выпил воду, упаковал вещи и, не оглядываясь, отправился вверх по лестнице. Прежде чем он исчез внутри дома, Учитель проинструктировал сына. Указал ему точку, куда они должны были добраться, дал лом и выставил оба больших пальца. «Все будет хорошо».

«Должно быть хорошо», — мысленно повторял он, перебегая по открытому пространству в сторону кучи выжженных новодеревьев. Колодец, который вел к покинутому анклаву Нового Ватикана, находился по ту сторону площади, рядом с постройками, точно между низким домом и большим бетонным кубом. Все еще невидимые ступачи пребывали куда ближе к колодцу, чем бегущие к нему люди. Все зависело от того, когда они отреагируют и насколько быстро зафиксируют цель.

Помнящий миновал кучу обугленных деревьев, две трети дороги были уже позади. Еще три широких шага, и он почувствовал, что что-то не так. Из двухэтажного дома справа начал осыпаться мусор. Должно быть, чудовища рванули вперед. В миг, когда он об этом подумал, увидел, как большой пятиметровый ступач выскакивает на развалины, в которые Атака превратила дальнюю часть застроек школы. Два других выдвинулись из-за гигантского бетонного куба. Эти были поменьше, но все равно раза в два выше взрослого мужчины.

Круглая чугунная крышка находилась всего в нескольких шагах от беглецов. Наверняка они успеют добраться до нее раньше тварей, но это была лишь половина успеха. Ведь еще нужно отодвинуть засовы, а потом поднять эту тяжелую хрень и...

Учитель, сосредоточивший взгляд на канализационном колодце, вдруг едва не споткнулся. Покрытая толстым слоем ржавчины крышка на его глазах выскочила из пазов. Пораженный, он пробормотал короткую благодарственную молитву за человека, который как раз в этот момент пытался выйти из подземелья. Благодаря ему они получили несколько таких важных

секунд... Учитель отвел взгляд от люка. Ступачи, разгоняясь, мчались к нему. Он не задумываясь выкрикнул: «Внимание!» и выдернул крышку из рук неизвестного спасителя. Испуганный Немой щучкой нырнул в дыру. Благодаря связывающей их веревке, отец успел его придержать у самого дна, хотя это и отдалось болезненным рывком в руку. А мигом позже веревка с громким треском порвалась. У Помнящего не было времени задумываться. Он впрыгнул в темное отверстие, потянув за собой люк. Сумел попасть ногами на ржавые скобы, прежде чем тяжелый кусок чугуна с грохотом захлопнулся, правда не попав в пазы. Но времени и шанса уложить крышку в нужную позицию не было. Первый из ступачей как раз атаковал: тяжеленная, в несколько тонн, нога с силой гидравлического пресса опустилась на колодец. Удар был настолько сильным, что тяжело дышащий Учитель полетел вниз, словно тряпичная кукла, несколько раз стукнувшись о стены узкого лаза.

Молился только о том, чтобы не свалиться на сына. Удар о твердый пол подсказал ему, что парень успел отползти.

Учитель приходил в себя, лежа под влажной стеной туннеля. Взгляд его быстро привык к полутьме, разбавленной отблесками колонии неоновок, благодаря чему Помнящий без труда различил фигуру сидящего на корточках и тяжело дышащего сына и стоящего над ним спасителя.

— А я думала, что ты никогда уже не прилезешь сюда, дед, — услышал он знакомый голос.

ГЛАВА 26

ПОВТОРНАЯ ВСТРЕЧА

Удары и грохот стихли через минуту. У ступачей не было привычки терять время даром — жертва бесследно исчезла, а потому они перестали о ней думать и отправились на поиски новой добычи.

Помнящий только этого и ждал.

Проверив, не пострадал ли Немой во время падения, он взобрался под крышку и закрыл ее как нужно, на все засовы. Безопасность колодцев — это самое главное. Человек, который собственными глазами видел, что могут натворить голодные котокаты в его анклавe, никогда не пренебрежет этой обязанностью.

А через несколько секунд он снова стоял в канале, поглаживая ошеломленного сына по голове и глядя на скалящуюся девчонку.

— Откуда ты здесь взялась? — буркнул он.

— Это что же, магическое слово через твою глотку не протиснется, а, дед? — засмеялась Искра, подбоченившись.

Помнящий должен был ее поблагодарить. Открыв люк, она спасла ему жизнь. Но совладать с собой он не мог. Адреналин все так же бился в его венах, а эта девчонка крепко ему надоела. При одной мысли, что он ее должник, — ему делалось худо.

— Абракадабра, — буркнул он.

— Вот же ты гнилой мужик. Я вас от смерти спасла, растоптать в лепешку не дала, а ты на меня рычишь, как подыхающий шарик под сарлаковым щупальцем.

Учитель не намеревался сдаваться.

— Откуда ты здесь взялась? — повторил он уже несколько более спокойным тоном.

— Я же говорила, что знаю безопасную дорогу.

— Откуда ты знала, что мы идем именно сюда? — не сдавался он.

— Ну, это ж чуть ли не единственный колодец в окрестностях, которым вы могли бы воспользоваться, — заявила девочка, не задумываясь. — К цистернианцам вы бы не полезли в нынешней-то ситуации: крестовый поход, все дела, — добавила она. — Так как, дед, я услышу от тебя слово?

— Спасибо, — процедил он.

— Ну вот, — кивнула она с удовлетворением, а потом протянула ему руку. — Еще кусок той клевой ветчинки — и мы квиты.

— Закончилась.

Искра насмешливо надула губки.

— Ты из меня, дед, дурочку-то не делай, — сказала она, прихихиваясь, словно охотящийся котокат. — Я ее чую.

— Тряпки, пропитанные запахом, — да, остались, — соврал он, потянувшись к рюкзаку — забросить на плечо. — Дам тебе трех вяленых крысок, при условии, что ты отвалишь от нас по-добро-поздорову.

Искра покачала головой.

— Я вам жизнь спасла. Тебе и твоему ублю...

Помнящий схватил ее за глотку, как незадолго до того, только сильнее. Она даже не пискнула, когда подтянул ее поближе.

— Еще раз назовешь так моего сына — и я тебе твои поганые зенки выковыряю, тогда на собственной шкуре убедишься, хорошо ли быть калеккой.

Когда он разжал пальцы, девушка бессильно повалилась на кирпичный пол, пытаясь глотнуть воздух. Секунду-другую он думал, что переборщил и причинил ей слишком сильный вред, но все было в порядке. Дыхание постепенно возвращалось к ней,

как и голос. Массируя горло, она глядела на него с ненавистью. Похоже, у него появился новый враг. Кто-то, подле кого лучше не засыпать, если не хочешь проснуться с колумбийским галстуком.

— Так-то ты мне платишь за спасенную жизнь... — прохрипела наконец Искра после серии болезненных хрипов и покашливаний.

— То, что я твой должник, вовсе не означает, что я позволю тебе издеваться над моим сыном.

— А что я такого сказала? — пискнула она. — Ведь так все говорят о...

Поднятого пальца хватило, чтобы она замолчала.

— Мне пофигу, как вы, примитивы, называете инвалидов. При мне тебе придется или не говорить о нем вообще, или называть его по имени.

— Тоже мне, сука, большая разница, — фыркнула она — и была права.

Помнящий привык к тому, что все называют его сына Немым. Это прозвище дали ему так давно, что он уже успел позабыть, как сильно оно его сперва раздражало. Но оно не было даже отчасти настолько грубым и вульгарным, как слово, которым спасшиеся называли в последние годы детей-калек. Тех, кого сразу после рождения выносили на поверхность. Чем больше времени проходило со времени Атаки и обрушения старой цивилизации, тем меньше сочувствия оставалось у людей, переживших и то, и другое. Он не слишком тому удивлялся — выживание в каналах вызывало в людях худшие из инстинктов.

— Может, и небольшая, но для меня — существенная, — ответил он. — Но ты или делаешь, что я говорю, или... — сделал паузу.

— Я пойду своей дорогой, когда ты отдашь мне то гребанное мясо, — обронила она нахально, пытаясь подняться.

Он одним рывком вздернул ее на ноги. Искра покачнулась, но удержалась на ногах, упершись в полукруглую стену.

— У меня было два куска. Один мы съели там, в каморке. Вторым — угостили Фартового, контрабандиста, которого по-встречали в наблюдательном пункте,— пояснил он, чтобы закончить дело.

Она помрачнела. В этих местах нечасто попадают такие деликатесы. Ловушка Учителя была гениальным изобретением. Благодаря ей уцелевшие могли разделать добычу раньше, чем тучи крылатых стервятников прогнали бы их с поверхности. Люди с других анклавов порой убивали мутировавших зверей на открытом пространстве — как Фартовый там, на улице,— но редко когда имели время на то, чтобы отхватить от них хотя бы кусочек мяса.

— Давай тогда крыс, дед,— бросила она с отвращением.— Или нет! Ты доставишь меня в Башню.

— Забудь! — теперь это он фыркал.

— Ты — мой должник, дед,— напомнила Искра.

— Три крысы. Во столько ты оценила мой долг,— Учитель не дал сбить себя с толку.

— Нет, это было твое предложение. Я хотела ветчину из шарика.

— Ты сама сказала...

— А теперь говорю: или ветчина, или ведешь меня к Башне.

Помнящий ответил не сразу. Смотрел на девчонку внимательно, чуть закусив губу. Не слишком радовала его перспектива путешествовать в компании наглой идиотки. От ее несдержанного язычка будут одни проблемы, а он пытался такого избегать. Особенно на чужих землях, где законы могут оказаться иными, а люди — более нервными. Но с другой стороны, именно она теперь взяла его за глотку. Оставить ее тут было бы бесчестно, к тому же, она бы растрепала всем и каждому о том, что он сделал, а вернее, чего делать не захотел. А зная девчонку, можно зуб дать, что она изукрасит рассказ так, что Учитель сделается для обитателей окрестных анклавов отвратительней худшего из изгнанника. А потому у него не оставалось большого выбора: или он возьмет ее с собой, или...

Помнящий потянулся за ножом. Сделал это размашистым, театральным жестом, не отводя взгляда от лица девчонки. Короткий клинок с вытравленной на нем акулой сверкнул в свете неонки. Она видела нож, но и глазом не моргнула. Учитель подошел вплотную.

— Мы можем решить это иначе,— обронил он равнодушным тоном.— Никто не знает, что ты здесь. Никто не сопоставит меня с этим фактом.

Она подняла голову, открывая покрытую синяками шею.

— Режь, дед, смелее,— презрительно ухмыльнулась Искра.

Он приставил нож к ее пульсирующей под ухом сонной артерии. Глядя прямо в широко раскрытые глаза Искры, молниеносным движением провел клинком под ее подбородком.

Глава 27

ЧЕРВЯЧОК

Добраться до моста было непросто. Они потеряли почти два часа на то, чтобы протиснуться узкими ходами под выстроенными еще до войны глыбами кампуса. Современность не шла рука об руку с размерами. Старые каналы были инженерно-архитектурным шедевром, новые же планировали очень экономно, а потому вместо туннелей прокладывали трубы, порой диаметром менее полуметра, такие, в каких массивный мужчина не сумел бы поместиться. А потому им приходилось обходить такие перемычки и искать обходные пути, а на это уходило немало времени. Однако в конце концов они добрались до провала, который блокировал главный канал, идущий от Ботанического сада в направлении моста.

А дальше пошло как по маслу.

Сводчатый коридор был метра полтора в диаметре, но по нему можно было идти, а преодолеть им оставалось всего лишь метров сто пятьдесят, если верить карте кузнеца. «А через несколько минут станет понятным, был ли план Станниса верным», — подумалось Учителю, когда он глядел в глубь прямого, хорошо освещенного туннеля. Неонки в этом месте были уже достаточно зрелыми, прогибались от легчайшего нажатия. В любой момент могли выбросить семена и токсины.

— Дальше пойдем в масках,— сказал он, поворачиваясь к сыну и девушке.

Мокрый, что твоя мышь, Немой кивнул. Искра только пожала плечами.

— У меня маски нет, дед,— ответила она.

— Ты полезла наверх без защиты? — удивился Помнящий.

— Я на поверхность выходить не собиралась,— проворчала она, задетая за живое.— Кроме того, здесь сносно.

Она сделала несколько демонстративных быстрых вдохов.

— Конечно,— признался Учитель,— но в любой момент это может измениться. Ты этого еще не знаешь, но наши чудесные неонки как раз созревают, а когда выбросят споры — или что там у них, — то убьют каждого, кто вдохнет хотя бы чуть-чуть.

Искра глянула с недоверием.

— Да ты, дед, гонишь...— неуверенно оскалилась она.

— На этот раз я исключительно серьезен,— ответил он, вытаскивая маску из рюкзака.— Раньше я пытался пройти под Зоной, но там трагедия уже случилась. Я видел собственными глазами, что эта хрень делает с людьми. И нам оставалось совсем чуть-чуть, чтобы отправиться вслед за жителями Слепой Ветки.

Девчонка подошла к стене, протянула руку, но заколебалась и остановила пальцы в нескольких сантиметрах от светящихся сгустков.

— Темнишь, дед,— покачала она головой, снова поворачиваясь к ним.

Немой, стоящий в паре шагов от них, видел ее губы, и именно он и ответил. Резко кивнул, потом ударил себя в грудь кулаком. «Чистая правда, слово даю».

— Мне не веришь — его послушай,— обронил Помнящий, прежде чем надел маску и принялся подгонять ремешки.

— Эй! — крикнула она, потянувшись к сумке.— У меня есть только это!

Показала лыжные очки.

— Нет, коза, у тебя проблема,— заявил Помнящий равнодушно.— Лишней маски у нас нет.

— Но фильтры-то у вас есть? — спросила она ломким голосом.

— Может, и есть, но они — дорогие.

— Кто-то здесь кое-чей должник... — проворчала она, роясь в сумке.

Помнящий глянул на нее исподлобья.

— В следующий раз я рубану тебя ножичком по горлу острой стороной, — предупредил он, побарабанив пальцами по рукояти.

— Ну да... — Искра вынула из сумки полупустую пластиковую бутылку и перевела взгляд на Учителя. — Дай мне хотя бы один фильтр... пожалуйста...

— Дать не дам, но одолжить могу.

Девчонка скривилась, но руку не отвела.

— А какие-нибудь бинты у тебя остались, дед? — спросила его, когда внимательно осмотрела ремесленное изделие Слепой Ветки. Ей не было нужды спрашивать о таких вещах. Видела его аптечку, когда он дезинфицировал царапины Немого.

— Может, и так.

— Дай пару.

— Дай — это китайский продавец яиц.

— Кто? — нахмурилась она.

— Неважно, — рявкнул он. — Бинты — не волосы, на жопе не растут.

— Отработаю все. Клянусь, — Искра ударила кулачком в худую грудь.

— Да конечно.

Он больше не хотел терять времени, а потому кинул ей пару кусков стерильной марли. Девчонка подхватила их на лету, проворчала благодарность и уселась под стеной, раскладывая перед собой эти предметы и небольшой нож. Сперва занялась полупустой бутылкой.

— Есть у вас куда? — спросила она. — Я бы перелила. Жаль терять столько воды.

У них было место в двух бутылках, но ни за какие сокровища они не стали бы переливать в них ее мутную жидкость. Помнящий пояснил ей это несколькими обидными словами.

— Пей или вылей, только быстро,— закончил он.

— Вы можете слить свою воду в одну флягу, а вторую — отдать мне,— предложила Искра, немного подумав.— Я целую ночь ее фильтровала,— с обидой в голосе добавила она.

— Ты это называешь фильтрованием? — фыркнул Учитель, но, чуть поколебавшись, сделал, что она просила.

Терять воду почему зря, даже такую, плохой очистки, было бы легкомысленно. Девушка сделала лейку из согнутого куска пластика и быстро опорожнила бутылку, а потом разрежала ее поперек перемычки. Толстым гвоздем пробила множество дыр в красной пробке, украшенной черно-красным лого кока-колы. Потом несколько раз продула ее и внимательно осмотрела, расширив несколько дырочек. Когда этот элемент был готов, снова занялась бутылкой. Сделала в ней два надреза у более широкого конца и продела в них тесемку из высушенной кишки.

Помнящий внимательно следил за каждым ее движением. Удивленный Немой тоже не спускал с девушки глаз. А Искра работала не останавливаясь, сосредоточенно. Видно было: знает, что делать. Не придумывала на ходу, не задумывалась особо и не меняла концепцию каждую секунду. У нее был план, и она выполняла его с железной точностью.

Рассекла первый бинт, скрутила часть марли, заткнула в горлышко бутылки и прихватила крышкой. Сильно спрессованный фильтр попал в оловянную кружку, где она растолкла его в пыль. Это заняло некоторое время, но Учитель ее не подгонял. Начинал понимать, что собирается сделать Искра, и эта идея ему нравилась. Потому что она была простой и действенной одновременно.

Девушка пересыпала полученный древесный уголь в бутылку, несколько раз встряхнула, чтобы фильтрующий слой лег ровно, после чего — накрыла остатком марли. Теперь достаточно было нескольких косметических разрезов, чтобы выровнять края, — и самодельный противогаз был готов. Такая примитивная вещь не спасла бы человека от боевых газов, но споры неонки наверняка не сумели бы пройти сквозь слой раз-

дробленного угля, толщиной в несколько сантиметров. А на-дев лыжные очки, Искра оказывалась защищена от токсина не хуже своих товарищей.

— Ожем ыдвигаться,— невнятно прогудела девушка из-под маски, затягивая тесемку.

— Погоди,— остановил ее Учитель, когда она проходила мимо.

Из мусора, лежащего под колодезным лазом, он вытащил кусок толстой, испятнанной целлофановой пленки и рассек ее на две части. В одну обернулся сам, вторую подал Искре, приказав сделать то же самое. Когда она сделала, что просил, поставил ее рядом с собой, вынул мачете и несколькими быстрыми движениями прорезал грибки, что находились на высоте ее лица. Искра пискнула, попыталась вырваться, но он крепко придержал ее и подождал, пока она перестанет задерживать дыхание. Подождал с минутку, похлопал девчонку по спине.

— Хорошая работа,— обронил он и спрятал оружие.

* * *

До моста они добрались где-то через четверть часа и без приключений. Каналы не доходили до самого берега, но об этом можно было не переживать, поскольку в конце пути они попали в камеру, через которую — перед самой Атакой — были проложены водопроводные трубы. Строители кинули нитку — на скорую руку — по обе стороны моста, чтобы проложить потом постоянную магистраль, взяв ее, после проведенных ремонтов, внутрь бетонных конструкций. Точка выхода на восточной стороне была полностью уничтожена ударной волной близкого ядерного взрыва, но нитка, что шла с запада, сохранилась в неплохом состоянии, и именно по ней сталкеры и прочие странники безопасно переходили на другой берег Одера.

Достаточно было вырезать изрядный кусок трубы, что и сделали в той камере, в которую они добрались. Вынутый кусок, почти метровый, лежал в углу помещения, служа тем, кто шел трассой, местом отдыха, а дыру от него защитили решеткой,

сделанной из нескольких прутьев и обычной сетки, — вся конструкция закрывалась на простой засов.

— Вон ваша дорога на другой берег,— заявила девушка, когда отдышалась, заглатывая воздух уже не через противогаз. Самодельная маска оказалась не настолько удобной, как казалось сначала.

Искра едва стояла на ногах. Изделие ее действовало, но количество воздуха, пропускаемого примитивным фильтром, было слишком невелико. На половине пути она хотела снять маску, неуверенно объясняя, что наденет ее снова, едва лишь заметив опасность, но Помнящий отговорил ее от такого намерения. Сказал прямо: когда она увидит лопающиеся грибки — будет это знак, что она уже успела надышаться токсином. Остальное доделает ее воображение.

Учитель распахнул решетку настежь. Кусок прикрученной к ней цепи высунулся из погруженной во тьму трубы и закачался, словно маятник, почти касаясь бетонного пола. Помнящий поглядывал на него вполглаза, поскольку знал: это — элемент замка. Последний из входящих должен был как-то прикрыть трубу, чтобы в нее не залезли теники или иная какая мерзость. А в таком тесном пространстве это можно было сделать исключительно ногами. Натягивая цепь, прижимали решетку к пазам,— и оставалось только задвинуть ногой засов. Простой, но действенный метод, как и все изобретения постыжерной эры.

Фонарь разогнал темноту. Стены здесь были чистыми, на всей протяженности. Пользователи прохода постоянно убирали любые преграды, чтобы те не ограничивали свободы движения, а потому грибница не имела ни единого шанса занять переправу. «И слава богу»,— подумал Помнящий. Искра в этом переходе погибла бы на раз-два. Ее примитивный фильтр забила бы пыль, прежде чем девчонка добралась до середины моста, а судя по тому, что она говорила, добраться до каналов по ту сторону тоже будет непростым делом. Их ждало длинное путешествие по трубам вдоль набережной до очередной соединительной камеры, которая находилась примерно под серединой корпусов музея. Проход к ближайшему каналу был сантиметров двадцать

диаметром, и даже такая крохотная девица, как Искра, не сумела бы поползти на другую сторону.

Они отдохнули в камере, напились воды, сгрызли пару тушек вяленых крыс и горстку жареных тараканов, которыми — вот чудеса! — угостила всех Искра. Их у нее оказалась целая банка. Причем не мелочь, какую можно купить на торжищах, а крупные, откормленные экземпляры. Учитель медленно жевал, выплевывая кусочки хитина. После пятого или шестого — заговорил.

— Откуда ты знала тогда, что я не перережу тебе глотку?

Искре пришлось сглотнуть суховатый кусок мяса, чтобы ответить.

— Мужик, который рискует жизнью, чтобы спасти уб... — она осеклась и виновато продолжила: — немного, наверняка не обидел бы невинной девицы.

Помнящий ухмыльнулся, а когда и она оскалила зубки, указал ножом на татуировку.

— Знаешь, что это?

— Дыра, — ответила она. — Черточки и кружочки.

— Черточки и кружочки... — вот такого он еще не слышал, хотя многие пытались описывать узор. — Ты когда-нибудь слышала о Черных Скорпионах, малая?

Она кивнула, засовывая в рот еще один кусочек крысы.

— Ага.

— Если и вправду слышала, то обосралась бы, когда я приложил тебе нож к горлу.

— Черные жопахвосты с вырезанными узорчиками на мордах, едzące народу по ушам. Я вас, дед, прекрасно знаю, — произнесла она едко.

Искра поймала его врасплох. Учитель заметил, что она уже пришла в себя и начинает потихоньку возвращаться в форму, а потому решил, что самое время осадить ее снова.

— Вчера мне пришлось убить восьмерых, чтобы вытащить сына из ловушки. Вернее — семерых, — поправил он себя. — Восьмого я прикончил чуть позже, из мести, поскольку не люблю, когда меня кто-то обманывает.

Искра глянула на него внимательней, но он все еще видел недоверие в ее глазах.

— Ты их занудил до смерти? — вдруг прыснула она. — А может, отравил теми грибками?

— Лечение неоновкой я приберег только для одного... вернее, для трех, — признался он. — Остальные погибли от топоров, сюрикенов и ножа.

— Да конечно, — фыркнула она, вновь принимаясь за крысу. — Хочешь знать, откуда я о вас знаю, сказочник? У нас тоже был один чувачок, Помнящий. Мерзкий старикашка. Было ему почти тридцать семь, когда окошел. Сколько себя помню, ходил с тростью, но рассказывал в кабаке такие же байки, как ты, дед. Кого там он убил, да как именно, — она снова засмеялась. — И у него тоже были такие черточки и колечки на морде, как и у тебя, дед, — последнее слово она произнесла с ошутимым презрением. — Вот только было их поменьше, где-то наполовину.

— Как его звали? — спросил Учитель.

— Хромой.

— Я спрашиваю, как он просил звать его сам.

Она задумалась на некоторое время, медленно прожевывая последний кусок крысы.

— Кор... Крало..

— Крокодил? — подсказал Учитель.

Искра кивнула и снова быстро задвигала челюстями. Как видно, не могла думать и делать что-то еще одновременно.

— Высокий блондин с кривым носом и шрамом наискось через рот?

Девчонка даже перестала жевать.

— Это чего, какой-то твой брательник или приятель?

— Он рассказывал, как в одиночку три дня защищал вход в анклав?

— Ага, — кивнула она. — Гнал насчет этого безостановочно, дурачина, когда выпрашивал опивки «Под Краном». Это такой наш кабак. Сильно он нас веселил. Был лучший в накручивании макарены на уши — лучше многих странствующих бардов.

— Расскажи, что он еще говорил,— попросил Помнящий, устраиваясь поудобней.

Немой наклонился, чтобы лучше видеть губы Искры. Как он любил такие истории!

— Рассказывал, что какой-то паяц оставил его в маленьком анклав, где-то там, на западе. Понял? За Запретной Зоной. Такое вот себе чувачок придумал, чтобы не проверить, правду ли говорит. Весь его отряд, типа, пошел дальше, на руконостановку.

— Рекогносцировку,— автоматически поправил ее Помнящий.

— Ну, как называл — так называл. Типа, погнали и не вернулись. А вместо них в туннеле появились Панасы...

— Полосы.

— Если ты лучше знаешь, так сам и рассказывай, дед.

— Прости, старая учительская привычка. Говори, я постараюсь тебе не мешать.

— Типа, тогда не было таких баррикад, как теперь, а просто обычные перегородки, из жести и дерева. Он так говорил, а я не знаю, может и гнал. Ну и эти вот Па... Полосы,— выправились она сама,— сказали, что он должен отсюда валить, или его живьем выпотрошат, как и остальных. Даже показали ему что-то: доскать, шкуры тех, других. А он на то, типа, крутой, понял: чё такого,— говорит, хотя было их человек двадцать. И если хотят войти в анклав, то через его труп. Они три дня лезли, потому что это один туннель был, типа транзитный, и никак баррикаду не обойти. Четырех убил, как он рассказывал, нескольких еще ранил, а когда уже выстрелил все пульки из рогатки и стрелы, начал готовиться к смерти, потому что те не уходили. На второй день, когда увидели, что он такой крутой, взяли его в обосаду. Но он совсем не спал, от страха, что поймают его врасплох, едва он заведет глаза, хотя те и сами у него уже закрывались. Но, как он говорил, все имеет свой конец. На третий день к вечеру был он уже настолько уставший, что просто упал на морду. Все равно стало, хотел только закрыть глаза и спать. Ну и проснулся от криков. Полосы почували, что кранты, — и подкрались к баррикаде. Уже готовились перелезть через заграждения, когда появился кто-то там еще. Командование, понял, послало разведку, чтобы

проверила, что там с исчезнувшим патрулем. И вот тут, сечешь, дед, лучший кусочек. Корко... Хромой говорил, что тот разведчик, Дух его называл, напал на Полос. Сперва бросал в них ножами, а потом чем-то еще, а потом принялся рубить их мачете. Когда убил с десятка, несколько других начали убегать. На месте остался лишь их шеф, такой кукан, или, как там говорят, широкий, как теплотрасса, вот так и рассказывал, серьезно. Ну и принялся с тем Духом рубиться. Целую вечность махались, но разведка его, в конце концов, уколошил, хотя был на пару голов ниже. Но и сам не вышел целым из поединка, типа тот важняк из Поясов голову ему развалил от виска... — Искра замолчала, увидев, как Помнящий ведет пальцем по шраму, украшавшему его голову от виска до самого подбородка. — Та не гони, дед! Это был ты?! — девчонка вскочила, ошеломленно переводя взгляд то на Учителя, то на рукоплещущего Немого.

— Давно было, но лапши он вам немного навешал. Убил он только трех и ранил — еще пару. Те гады вовсе не были такими крепкими, как он рассказывал. Отступили уже после первого штурма. Крокодил сидел за стальной плитой, и был у него целый мешочек зарядов для рогатки. Те и решили, что нет смысла терять людей. Они и правда хотели его пересидеть и заколоть, когда он заснет. Время от времени делали вылазки, но поворачивали, едва только он начинал их обстреливать, а поскольку он был глуповат, то принимался стрелять, едва их заметив, вместо того, чтобы подпустить ближе. Только заряды переводил. Ему еще повезло, что я пришел как раз вовремя, ну и закончил эти их подходы.

— Ты один порешил десятерых? — спросила Искра, даже не пытаясь скрывать недоверия.

Помнящий кивнул.

— Они стояли под самой баррикадой. А у меня было четыре ножа и дюжина тяжелых сюрикенов. Прежде чем я пошел в атаку, восьмеро были ранены. Хватило их добить, некоторые даже не сопротивлялись. А еще двое были настолько замороченные, что чуть друг друга не позакалывали. Остальные сбежали, прежде чем я хорошенько разогрелся. Только их командир, Кафар,

остался. Большой, крепкий сукин сын...— Помнящий покачал головой.— Такой большой, что ударился черепом о свод туннеля, когда уклонялся,— он улыбнулся этому воспоминанию.— И этого хватило...

— Десятерых? В поединке? — пробормотала Искра, восхищенно разглядывая Учителя.

— Всего — одиннадцать, считая Кафара, всех на месте, а потом еще догнал двоих, тех, кого раньше ранил Крокодил.

— Дед, да кто ты вообще такой? — простонала она в полном восторге.

— Да никто важный, коза,— ответил он спокойно, выплюнув последний кусочек хитина.— Время собираться, если хотим добраться до Места еще сегодня.

ГЛАВА 28

МОСТ

Несколько сотен метров тесной трубы. Хорошо еще, что не было нужды лезть сюда в масках. Помнящий снял даже кожаный плащ, чтобы получить большую свободу движений. Тянул его за собой в узелке с другими вещами, на куске веревки, которая раньше соединяла его с Немым. Благодаря такому решению, руки у него были свободны, но это не слишком-то улучшало ситуацию. Шел он вторым, сразу за сыном, а следом двигалась, не прекращая жаловаться, Искра. Он не послушал совета и не пустил ее первой, поскольку, мол, она — самая худая и легкая. Предпочитал, чтобы она оставалась позади, а оттого — не слишком зависел от ее бзиков. Правда, девушка чуток успокоилась, когда он согласился взять ее с собой, но продолжала нервировать глупыми обзывалками и пожеланиями. Оттого Помнящий не был уверен, что она не остановится посреди трубы и не примется ругаться на бессмысленное ползание на другой берег, если уж есть верная дорога на запад, которую знала только она одна.

Но из двух зол Учитель предпочел выбрать ползание водогоном, а не возвращение в покинутые места, к людям, что жили под ярмом Полос и Спортивок. Когда-то, давным-давно, он поклялся держаться подальше от территории Лиги и сражающе-

гося с ней Панвроцлава. И был готов придерживаться данного слова, даже ценой определенных неудобств. Впрочем, удача все еще оставалась на расстоянии вытянутой руки — за этим мостом начинались территории, некогда принадлежавшие Мясту, наиболее терпимому району довоенного Вроцлава. А совсем рядом располагался наименее разрушенный южный район, на краю которого стояла цель их путешествия — Башня, фаллический символ старого величия человека.

— Да подгони ты этого... немного, — раз в сотый пискнула девушка. — Я тут сейчас сварюсь.

Из-за баула, который Помнящий тянул на веревке, Искра не могла достать до его ног, и это бесило ее до белого каления, поскольку он никак не реагировал на ее ворчание.

— Мы идем настолько быстро, насколько позволяют обстоятельства, — огрызнулся Учитель, хотя девчонка и была права.

Немой то и дело останавливался, чтобы вытереть пот со лба и передохнуть. Никогда раньше не приходилось ему так сильно напрягаться, но он истово сражался с собственной слабостью, как и нужно поступать настоящему крутому мужику. Учитель попросил его — до того, как они влезли в трубу, — воспринимать все происходящее как приключение или как вызов, преодолев который он будет потом гордиться, поскольку немногие из людей его анклава сумели бы похвастаться такого рода достижением. Этот маленький обман позволил ему мотивировать сына к двойному усилию, о котором Немой позабудет, стоит ему только хорошенько поесть да отоспаться. От его инвалидности единственным позитивом, если уж можно так выразиться, была невероятная легкость, с которой он жил. Травма отобрала у него слух и — отчасти — речь, но главным результатом повреждения мозга было «выключение» большей части эмоций. Парень умел радоваться и огорчаться, ощущал страх и радость, но в остальном был... пуст? Непросто найти нужные слова, особенно когда человек понятия не имеет о психологии и функционировании мозга. Встречаемые доктора или не умели, или не хотели объяснить это Помнящему — тот понял только, что надежды на выздоровление нет. Изменения были необратимыми: никакое

чудо не приведет к тому, что однажды утром Немой проснется с утраченными в раннем детстве чувствами.

Инвалидность, даже такая неприметная, отталкивала людей. Особенно теперь, в спартанском постапокалиптическом мире, где самые слабые тотчас же уничтожались, чтобы не занимать места тех, у кого были большие шансы на выживание. Если бы не договор с Иным, парень давно бы уже разделил судьбу сотен детей, от которых избавились, обнаружив у них отклонения. При этом предводитель анклава согласился спасти глухонемого мальчишку не по доброте душевной, а по чистой расчетливости. Знал, что Помнящий, на руках у которого сын-калека, не рискнет пойти на открытый конфликт. Расклад этот устраивал обе стороны и длился добрый десяток лет. До того момента, как власть перенял альбинос, которого кузнец по непонятным причинам принялся склонять к тому, чтобы разорвать договор. Чего Станнис пытался этим достигнуть, навсегда осталось тайной. Но в одном можно было оставаться уверенным: прежде чем погибнуть, он настолько сумел все усложнить, что от этого пострадали все. И сам он — в первую очередь...

Труба внезапно затрещала, зашаталась, а после чуть просела. Все трое замерли. На миг в тесноте воцарилась почти осязаемая тишина. Беглецы сдерживали дыхание, ожидая, что будет дальше.

— Что это было? — тихо спросила наконец девушка.

— Не знаю, — честно ответил Помнящий. — Но, похоже, ничего хорошего, — добавил он, задумавшись, что там просело и не сломается ли труба под их тяжестью, не вырвется ли из креплений, поставленных почти четверть века тому.

— Так что делаем?

— Идем дальше, — проворчал он, не скрывая злости.

А что они могли сделать, если, по его прикидкам, находились уже на середине моста? Путь назад оказался бы в два раза длиннее, если вообще возможен в их ситуации.

— Ну так шевели батонами, дед, — скрипнула зубами Искра, стараясь держаться уверенно, но голос ее дрогнул.

Учитель подал знак сыну. Два похлопывания по ноге — идем дальше. Немой сразу двинулся вперед. Отец пополз следом, чтобы

разделяющая их дистанция оставалась минимальной. Но, прежде чем успел подтянуть ногу и перенести тяжесть тела, снова раздался скрежет, на этот раз более длинный, пронзительный и громкий. И сразу после этого труба просела на десяток-другой сантиметров, а потом снова остановилась под аккомпанемент громкого треска, который полностью не стих, переродившись в серию похрустываний, сопровождавшихся странной вибрацией металла.

— Назад! — заорал Помнящий, подавая знак сыну. Увы, легче было сказать, чем сделать. Особенно ему, из-за габаритов и узлов, что путались под ногами. Чувствуя напор Немого спереди и затор в виде Искры сзади, он развернулся и крикнул девушке: — Ты должна мне помочь! Ухватись за этот проклятуший узел и отползай, удерживай его за...

Дальнейшие слова застряли у него в глотке, поскольку треск с каждой секундой нарастал, а когда достиг пика, труба под ними с громким хрустом сломалась, точно на уровне спины Немого, и начала все сильнее прогибаться книзу. Парень запаниковал. Он напирал на отца, а тот, заблокированный собственным багажом, не мог отступить. Успокаивающие похлопывания не помогали: страх перед падением был слишком силен.

Труба уже свисала под углом градусов в двадцать, и этого хватило, чтобы Немой начал соскальзывать. Он инстинктивно уперся руками в металл, но даже самый сильный человек не сумел бы слишком долго висеть в такой позе, особенно учитывая, что наклон продолжал увеличиваться.

Помнящий тоже начал паниковать. Свободного пространства перед ним было мало, но даже там он видел дневной свет. И ослепительное сияние расширялось. Немой странно забулькал — за миг до того, как перестал упираться руками в стенки: те, не привыкшие к усилиям, просто-напросто не выдержали. Мигом позже парень обрушился вниз. Отец, ни секунды не раздумывая, ухватил его за щиколотку. Вместе они принялись сползать в свет. К счастью, медленно, поскольку сил у Учителя было больше и он успешно тормозил их соскальзывание, но все равно не мог остановиться полностью. Сантиметр за сантиметром они сползали к концу трубы.

Немой, который уже свешивался наружу до пояса, дергался, словно безумный.

— Успокойся! — крикнул Помнящий в бессильной злости, понимая, что парень вот-вот вырвется у него из рук и полетит вниз, прямо в русло почти пересохшей реки, а он ничего не сумеет поделать. Более того, через секунду и сам разделит судьбу сына, поскольку труба все клонилась и зловеще потрескивала. — Нет! — рыкнул он, чувствуя пинок в запястье, после которого рука, которой он удерживал щиколотку Немого, утратила чувствительность. Парень сразу же исчез из поля зрения. Перед слезящимися глазами Учителя осталось лишь пятно яркой белизны. После часа, проведенного в абсолютной темноте, сияние солнца мигом лишило его зрения.

Он уступил, подчинился гравитации, зная, что проиграл последний и самый важный бой в своей жизни. Выпал в ослепительный свет дня, безвольный и не желающий сражаться. Боль пришла неожиданно быстро. Ладони его, а после и плечи столкнулись с чем-то горячим и твердым.

ГЛАВА 29

КОРАБЛЬ

— Маска! — прозвучали в его ушах, пробившись сквозь сильный шум, едва слышимые слова. — Надень на него маску, ты, тупой дурачина!

«Маску? Какую маску?» Он умирал, а эта глупая стерва все еще не дает ему покоя... «Да иди ты... Минутку! Я ведь все еще жив...». Учитель открыл глаза, но сразу же зажмурился снова. После часа, проведенного в темноте, смотреть на залитую солнцем поверхность было почти болезненно. Жмуриться — мало что решало, под веками так и танцевали белые пятна, щиплющие нервные окончания.

— Очнись же, сукин ты сын, ты, дерябленный почечуем, засранный по уши выкидыш полудохлого неединорога! — орала, словно издали, Искра. — Надень на него маску!

Помнящий повел руками вокруг себя. Он лежал на чем-то плоском, твердом, слегка шершавом. Поверхность шелушилась под его ладонью, словно высохшая кожа. Он снова рискнул открыть глаза, но на этот раз был осторожней. Сначала перевернулся на живот и только потом приоткрыл веки. Перед самым лицом увидел красно-коричневую плиту сильно корродированной стали.

— Маску, дед! — кричала сверху девушка. — Сейчас они будут здесь!

Учитель тряхнул головой. Мост Мира, сорвавшаяся труба, падение. Он был на поверхности, но не погиб, а теперь с каждым вздохом втягивал в легкие все больше токсинов.

Он поднялся на колени, плечо и затылок заболели: удар не прошел зря, но, к счастью, обошлось без переломов. Он шире распахнул глаза, быстро привыкавшие к свету, и увидел мост, противоположный берег и большую стальную конструкцию, на которую приземлился. Кажется, прогулочный корабль, один из тех, что курсировали по Одеру от Зоологического сада до пристани у Торговой площади. Корабль, должно быть, затонул при Атаке, но высыхавшая река обнажила его, и теперь он торчал из толщи ила, покрытый слоем облупленной ржавчины.

— Шевели своей толстой жопой, старикан! — орала сверху Искра. Голос ее доносился словно из ведра. — Надевайте маски и уеживаем отсюда!

Он прошелся взглядом по конструкции моста. Над головой его виднелась дыра лопнувшей трубы, а в ней, глубоко, за свертком плаща, виделась девушка в лыжных очках. Заметив, что Помнящий глядит прямо на нее, она сдвинула самодельный фильтр со рта и снова заорала:

— Не гляди, как павлинорог на хер, а займись своим уб... — прижала маску к лицу, а потом указала куда-то направо.

Учитель повернулся. «Сука!» Ошеломление его моментально прошло. Немой лежал лицом вниз, не двигался, а ржавчина вокруг его головы пропитывалась чем-то темным. Помнящий подскочил, осторожно перевернул тело, приложил пальцы к шее, пытаясь нащупать пульс. Вздохнул с облегчением, когда под кончиками пальцев что-то дрогнуло, а потом снова и снова.

— Ма-а-аска-а-а! — глухо взывала Искра.

Через пару секунд Учитель и Немой перестали, наконец-то, дышать токсинами, но это не решило дела. Помнящий быстро огляделся, пройдясь взглядом по ближайшему берегу. В воздухе над руинами уже парили с десятков знакомых абрисов. От стороны основания моста доносился тихий скулеж. Шум, произведен-

ный лопнувшей трубой, как и крики Искры, привлекли к реке множество хищников. Наземных мутантов пока что можно было не опасаться, а вот эти крылатые... Учитель не сомневался: им с сыном осталось меньше минуты до того, как первый крылач доберется к кораблю.

— Спрячься и закрой рот! — крикнул он в сторону трубы.

— О себе переживай, дурила, — услышал он в ответ, когда поднимал лежащего без сознания сына.

«Нам бы спрятаться. Как минимум».

Он добежал до невысокой надстройки, выступающей над ржавой палубой. Двух пинков хватило, чтобы одно из окон втело вместе с защелками внутрь тесной будки. Отверстие было достаточно широким, чтобы Учитель влез без особого труда. Немого он бесцеремонно втянул внутрь за воротник. Времени деликатничать не было. Место это давало не слишком много защиты; если они хотели выжить, им нужно сойти ниже. Помнящий перебросил сына через плечо. Пинками отодвинув скелет рулевого, он открыл деревянную дверку и по узким ступенькам спустился на среднюю палубу. Где-то вверху раздались гневные пiski и громкое хлопанье крыльев. Крылачи уже кружили над корпусом корабля в поисках жертв.

— Не дождетесь, — проворчал Учитель, сбегая по очередным ступенькам на нижнюю палубу.

На корме находился небольшой бар, на носу и посредине корпуса стояли столики для пассажиров. Когда ударная волна настигла корабль, большая часть широких окон рассыпалась вдребезги. Теперь первые крылачи уже присаживались на борта, с верхней палубы тоже доносились зловещие звуки. Помнящий выбрал одну из не до конца прикрытых дверей. Потянул. Та даже не дрогнула. Маленький туалет был заполнен слоями окаменевшего ила, который затек туда сквозь выбитый иллюминатор после того, как корабль затонул. А вот напротив был люк: солидный, железный и наполовину открытый, он вел прямо в темноту.

Но у Учителя не оставалось выбора: ему нужно было исчезнуть с горизонта, если он не хотел закончить свой жизненный

путь в желудках голодных тварей. Помнящий медленно погрузился в отвратительно воняющую тьму, а потом нажал плечом на люк. Металлическая плита сдвинулась лишь в тот момент, когда он напряг все оставшиеся силы, и все равно не сумел прикрыть ее полностью. Щель между люком и стенкой все еще оставалась достаточно широкой, чтобы крылач сумел туда протиснуться. Учитель поспешно ощупал место, где он оказался. Это опять была лестница, узкие ступени которой уводили куда-то вниз, наверняка к машинному отделению или к другим техническим помещениям.

Он проверил карманы «моро», но того, что искал, — не нашел. Фонарик выпал при падении. Без света он предпочел не рисковать спускаться еще ниже. Поэтому положил остающегося без сознания сына под стену, присел напротив плиты люка и уперся в нее ногами. И снова стальная плита чуть-чуть поддалась. Немного, но и этого должно было хватить. Он сменил позу, присел у дыры с ножом в руках. Первый крылач, который попытается сюда вползти, испробует стали.

Долго ждать не пришлось. Позади люка что-то зашебуршало, узкий сноп бледного света заморгал, и продолговатое тело начало протискиваться сквозь щель. Тварь затихла только после третьего удара, а потом — исчезла, вытянутая в коридор голодными сотоварищами. Учитель выругался. Это была не лучшая идея. Крылачей были десятки, а может, и сотни, всех он убить не сумеет, а кровь, вытекающая из ран, привлечет к люку очередных хищников. Вскоре он создаст здесь столпотворение большее, чем на собрании жителей наибольшего из анклавов.

Он снова обернулся и полулежа принялся давить ногами на стальную плиту люка. Миллиметр за миллиметром, с отвратительным скрежетом, но она сдвигалась. Помнящий сцепил зубы, ноги его дрожали от натуги, вены на висках надулись. Он остановился, лишь когда щель сделалась настолько узкой, что даже тенья не оказался бы проблемой...

Теньяки... Он замер, ощутив внезапный спазм желудка. Рюкзак тоже остался на крыше корабля, вместе с остальными вещами, он сбросил его, как только выдернул оттуда маску. Вещей

Немого он тоже не забрал. Не думал ни о чем ином, кроме спасения сына... Вспомнив о Немом, он очень осторожно добрался до места, где оставил парня. Положил его голову себе на колени, мысленно молясь, чтобы здесь не оказалось ни одного ловца тьмы. Если эти тихие убийцы пробрались на территорию, люди убедятся в этом самым что ни на есть болезненным способом. Тварь тихо, словно тень, наползет, а когда окажется в нужной позиции, атакует. Ее пищеварительный мешок обволачет жертву, зажмет, словно в тисках, и станет выделять соки, растворяя живую еще пищу.

Учитель сжал ладонь на рукояти своей заслуженной «акулы», понимая, насколько бессмысленен этот жест. В здешней тьме он не сумеет отреагировать вовремя, поскольку противник его движется бесшумно, а атакует быстрее молнии.

* * *

Когда сидишь в полной темноте, предельно напряженный, ожидая момента, когда на тебя кинется невидимая тварь, за временем следить непросто. Ты не в состоянии измерять его течение. Одна секунда может тянуться вечность, а прежде чем ты соберешь в кучку разбегающиеся от адреналина мысли, проходят часы. Вырванный из дремы Помнящий вздрогнул, когда услышал над головой громкий звук. Еще совсем недавно здесь царила полная тишина. Крылачи или удалились, или затаились в глубине корпуса, выжидая, пока жертва покинет укрытие. Эти отвратительные создания не знали таких понятий, как спешка или нетерпеливость. Если они унюхали еду, то могли торчать поблизости днями и ночами, а человек всегда находился на первом месте в списке их любимых блюд.

Шуршание и похрустывание усилились. Что-то спускалось по лестнице. Может, молодой покус решил вмешаться, а может, пиляк острит коготки на роскошный завтрак из двух блюд? Учитель осторожно сдвинулся с места. Немой сразу же оторвал голову от его коленей. Пришел он в себя довольно давно, в неизвестном ему темном, вонючем месте. К счастью,

сознание к нему возвращалось очень медленно, благодаря чему Помнящий вовремя сумел его успокоить — для такого случая у них было несколько условных сигналов, созданных годы тому назад, когда тьма в каналах была чем-то нормальным. Похлопывание по плечу, взъерошенные волосы и всякие такие прикосновения. Все это позволило ему перехватить контроль над паникующим пареньком. Инвалидность помогала нейтрализовать эмоции, а когда самый опасный момент миновал, Немой просто заснул, чтобы проснуться только теперь и, забыв о пережитом кошмаре, снова открыть глаза в пугающей тьме.

Но тут Учителю не удалось вовремя его удержать — парень дернул ногой, попав ботинком в стальную ограду. В тесном пространстве словно ударил колокол, а уж для существ, находящихся на борту, это должно было прозвучать и того громче. Немой ничего не слышал, в отличие от Учителя, а потому не мог знать о таящейся за люком опасности. Когда же он наконец замер, вспомнив, где находится и кто его прижимает к себе, было уже поздно. Шорох сперва усилился, а потом затих, словно новый преследователь остановился напротив едва-едва прикрытых дверей. Снова установилась тишина, и Учитель очень медленно подобрался к выходу. Приложил ухо к металлу и... у него чуть сердце не выскочило, когда что-то тихо ударило с другой стороны, присыпав его ржавчиной. Он зашипел сквозь стиснутые зубы, когда нож выскользнул у него из потной ладони и громко брякнулся на металлический пол.

— Дед?

Слово это было тише шепота ветра. Он не обратил на голос внимания, разозленный собственной неосторожностью, из-за которой выдал твари свое укрытие. Отчаянно шаря ладонями по холодному металлу, он искал последнее оружие, которое у него оставалось. Наткнулся на него достаточно быстро, но не так, как ему хотелось бы. Наточенный двумя ночами ранее клинок порезал ему палец.

Он снова зашипел — скорее от злости, чем от боли.

— Ты там, дед?

На этот раз тихие слова, произнесенные по ту сторону двери, были настолько громкими, чтобы он их услышал отчетливо. Учитель замер, посасывая кровь из пореза, чтобы запах ее не раздражил ждущих снаружи чудовищ.

— Это ты? — спросил он негромко.

— А кто? Говорящий ступач? — пошутила Искра. — Можете выйти. У меня тут ваши шмотки. Спокойно, крылачи уже улетели.

Впервые он обрадовался, услышав её голос. Девчонке повезло, что открытие люка стоило ему почти всех оставшихся сил. Иначе наверняка задушил бы ее в объятиях от радости.

ГЛАВА 30

В УКРЫТИИ

Элементы стоек моста, из тех, что были расположены ниже прочих, находились метрах в трех от навеса на верхней палубе теплохода. Учитель с помощью сына и Искры установил вертикально куски трубы, потом помог девушке вскарабкаться на импровизированную колонну, чтобы она смогла допрыгнуть до выломанных поручней и по ним взобраться на уровень улицы. План был прост. Добравшись до цели, Искра сбросит им веревку, по которой Учитель и Немой заберутся наверх.

Управились за пару минут, а когда вся троица присела посредине четырехполосного шоссе, пришло время принимать очередное решение. За зданием Воеводства и стоящего напротив него комплекса музея раскидывалась гигантская площадь, пересеченная дугами опрокинутых эстакад. Было это самое широкое пространство ничейной земли, под которой не возник ни один анклав. Купцы, которые продали карту Станнису, знали на этой стороне Одера каждый канал, но этот отрезок пути, ведущий от Башни к самому Шариковому полю, издавна пересекали лишь по поверхности. Ни один из лазов, идущих под этой широкой пустошью, не имел достаточного диаметра, чтобы транспортировать тюки с товаром.

Помнящему это помешать не могло. У него не было слишком крупного багажа, а потому он мог воспользоваться ходами, ведущими до самой Доминиканской площади, где Пепелище — пояс выжженных, радиоактивных руин, окружающих нулевую точку, — граничило с кольцом Запретной Зоны и с анклавами, принадлежащими расположенному чуть дальше Мясту. Несколько часов ползком по забытым людьми и мутантами лазами довели бы их к местам, откуда легко было попасть в Купеческую Республику и в стоящую на ее окраинах Башню. Однако проблема состояла в том, что окрестности музея вовсе не выглядели так, как годы назад, когда размечались трассы первых караванов. Некогда зеленые пространства, которых в этих краях было множество, теперь сделались синими и превратились в логова мутировавшей флоры и фауны.

За руинами музея тянулись ввысь купы новодеревьев. Толстые стены, с которыми не управилась даже ударная волна ядерного взрыва, сровняли с землей терпеливые бульдозорцы. Толстые, словно стволы довоенных дубов, лозы пересекали широкую улицу и взбирались на территорию управы Воеводства, постепенно превращая его западное крыло в щебень. Парк, некогда окружавший ротонду «Рацлавицкой панорамы»*, вспыхивал новой жизнью, превращая соседний коммуникативный узел в непроходимые джунгли.

Здесь, в отличие от заселенных людьми пространств, никто не пытался сражаться с вырвавшейся на свободу мутировавшей растительностью. Несколько лет хватило, чтобы целые отряды радивиков, издали выглядевшие как миниатюрные ядерные грибы, покрыли багрянцем половину огромной площади. Между ними торчали раскачивающиеся колонноподобные двутрубники — высотой в несколько этажей, заслоняя дома, видневшиеся дальше, где-то в километре. Корпус Главпочты порос ковром розоватых

* Рацлавицкая панорама — посвящена битве под Рацлавицами 4 апреля 1794 года, во время которой армия Тадеуша Костюшко разгромила российскую армию генерала Александра Тормасова. До 1946 года находилась во Львове; с 1980 года — экспонируется во Вроцлаве и является одной из местных достопримечательностей.

свёртников и теперь выглядел, словно кто-то забросал его все еще пульсирующими мозгами, вырванными из черепов каких-то гигантов.

— Не знаю, как ты себе это, дед, представляешь, — вздохнула Искра, когда они уже оценили открывающийся пейзаж.

— Это единственная дорога, — ответил он, не поворачиваясь. — Должен быть какой-то проход... Метрах в стах отсюда...

— Если хочешь, дурила, чтобы какой-нибудь мутант выиссал содержимое твоей башки, причем через жопу, то давай, вперед, — буркнула девушка, — но на меня не рассчитывай. Я выбралась с вами, думала, что ты станешь меня охранять, а пока именно мне без конца приходится спасать ваши жалкие шкурки. Знаешь, дурачина, сколько проблем ты бы решил для нормальных людей, помри ты так, как это бывает со всеми приличными людьми?

Помнящий хотел сказать ей, чтобы заткнулась, иначе он охладит ее в полных хищных растений водах Одера, но в последний момент удержался. Ему хватало мозгов понять: девушка во многом права. Послушай он ее тогда — не рисковал бы жизнью сына, идя к укрытию сраного Фартового, а потом — по трубе вдоль моста Мира.

— Есть у тебя какое-то предложение? — спросил он.

— Есть, — ответила гордо Искра. — Но поговорим об этом тогда, когда спустимся в каналы.

Он развернулся сказать, мол, и пальцем не шевельнет, пока не будет уверен, что туннель, о котором она упоминает, — не вымысел и бред, но увидел только девчачий зад. Искра, пригнувшись, бежала вдоль балюстрады, направляясь к границе Нового Ватикана.

— Да чтобы тебя шарик приголубил, — проворчал Учитель, потянувшись к рюкзаку.

Кожаный плащ он уже успел надеть — на корабле, чтобы побережь себя от заражения. Последние дозиметры перестали работать много лет назад, оттого он не мог проверить, насколько серьезную дозу получил, а без причины паниковать не хотел. Помнящий довольно долго наблюдал за собирателя-

ми из анклава Иного и знал, что даже длительное пребывание на поверхности уже не представляет серьезной угрозы. Но не был окончательно уверен, настолько ли низок уровень радиации так близко от Пепелища и Зоны, как и возле его бывшего дома.

Девушка была права еще в одном. Чем быстрее они спрячутся под землю, тем меньше шансов у мутантов их заметить. Крылачи улетели, остальные хищники тоже вернулись в свои охотничьи угодья, но хватит и единственного голодного сукина сына, чтобы устроить переполох, — и тогда вокруг станет тесно от тварей.

Учитель потянул за шнур, который снова соединял его и сына. «Идем».

Немой молниеносно повернулся — он тоже, хоть и не все понимал, жаждал как можно скорее вернуться под знакомое каменное небо.

Они добрались на берег быстро и без проблем. Искра сразу свернула налево и побежала вдоль колоннады, украшающей самое высокое здание кампуса. Остановилась лишь у противоположного здания и присела там на кучу обломков. Учитель и Немой присоединились к ней несколькими секундами позже.

— И что теперь? — поинтересовался Помнящий.

— Ближайший вход — вон там, — девушка указала на оградку, отделяющую тротуар от стены, которая спускалась под углом до самого старого русла реки. — Это выход обычного лаза, дед. Очень узкий.

Учитель тяжело вздохнул.

— Как я понимаю, другой дороги нет? — спросил он на всякий случай.

— Есть, — ухмыльнулась девчонка. — Там, — она показала пальцем за угол. — Можешь шлепать к ближайшему колодцу, найдешь его в конце улочки. Перед домами, что отделяют это место от площади, на котором вас чуть не растоптали.

— Очень смешно, — проворчал Помнящий, прежде чем перебежал под изогнутой балюстрадой, потянув за собой Немого. — Тут нет никакого входа! — крикнул он минутой позже.

— Да вон туда глянь,— Искра ткнула пальцем в направлении полуразрушенного пролета Грюнвальдского моста.

Учитель послушно повел взглядом по почерневшим камням. Метрах в пятидесяти от того места, где он сидел, заметил ржавый зев узкой — действительно узкой — трубы.

— Не влезу... — вздохнул Помнящий так, чтобы Искра услышала.

— А у тебя выхода нету,— обронила девушка, подбегая к оградке и подавая ему веревку.— Разве что снова рискнешь станцевать со ступачами,— она кивнула в сторону ближайшей аллейки.

Три больших твари как раз продвигались в сторону реки.

ГЛАВА 31

ПРОХОД

Час ползком по тесным трубам. Так выглядело возвращение к камере, из которой началось путешествие через мост. Когда они добрались до места, Помнящий внимательно осмотрелся. Голые бетонные стены, в углу небольшая решетка над стоком, идущие через помещение трубы — в том числе и одна прорезанная, — и никакого следа прохода, о котором раньше вспоминала девушка.

Он выразительно посмотрел на Искру. Это и вправду начало раздражать. Учитель измазался в грязи и ржавчине, вспотел, все его тело чесалось, словно от аллергии. Оба понимали: хватит одной — попен опен — искры, и он взорвется, разнеся все на куски.

— И где этот твой канал? — рявкнул Помнящий, готовясь напасть.

Девушка, конечно, умела ругаться, словно довоенный сапожник, но на этот раз — ради исключения — воздержалась.

— Там, — ответила спокойно, игнорируя злобную гримасу мужчины.

Учитель посмотрел, куда указала Искра, но не заметил ничего необычного. В углу лежал вырезанный кусок трубы, а кроме нее там был только покрытый неонками бетон.

— Смеешься? — он перевел взгляд на девушку.

— Да с чего бы, дед? — возмутилась она театрально, но улыбка тут же сползла с ее лица. Наверное, поняла, что на этот раз перебрала. — Нужно перекатить эту трубу, — добавила поспешно девушка. — Помоги с этой поросшей грибами сранью, я сама не справлюсь.

Учитель толкнул вырезанный кусок, Искра вынула клинья, удерживающие трубу на одном месте. Они откатали ее под противоположную стену и вновь заклинили, Учитель подошел к невзрачно выглядящему лючку, находившемуся в самом углу помещения. Отгреб с него слой пыли и мусора, набросанного теми, кто раньше шел трассой. Скривился, увидав, что вход — в полметра. Если туннель под ним не окажется шире — жди очередных пыток.

Искра кивнула, Учитель вынул ломик и подцепил крепко проржавевшую железную плиту. Когда та со стуком уперлась в стену, заглянул в темное отверстие.

— И что это, сука, такое?! — рыкнул он, когда увидел покрытое засохшим калом дно неглубокого канальца. Путники раньше использовали это место для удовлетворения физиологических потребностей, а не для того, чтобы спускаться в потайные коридоры.

— Да не нервничай так, дед, — фыркнула Искра, — а то жилка на жопе лопнет и не увидишь тогда этой своей сраной Башни.

Она оттолкнула его, присела над краем дырки и принялась ощупывать верхнюю часть лаза. Помнящий услышал тихий щелчок, и дно медленно опустилось, словно было смонтировано на завесах. Глазам открылась глубокая, уводящая во тьму шахта. Из знакомо выглядящей кирпичной стены торчали сильно проржавевшие скобы.

— Изобретение Цыкача. Ну а к тому говняному камуфляжу — я приложилась, — заявила Искра с гордостью.

Учитель подкачал рычагом аккумулятор фонаря и посветил вниз. Колодец был метра четыре глубиной — а может, и того больше. Красные кирпичи казались даже темнее, чем в анклавах. Это и вправду мог быть очень старый канал. Вопрос только — действительно ли неизвестный.

- Говоришь, открыла его с братом?
- Говорю,— согласилась она охотно.
- Когда?
- Года два назад.
- Кому о нем рассказывала?
- Никому.
- Серьезно?

Искра глянула на него, иронически усмехнувшись.

— Сперва мы хотели его хорошенько исследовать,— пояснила она.

— И это заняло у вас два года?

Она тряхнула головой, сделавшись серьезной.

— Нет.

— Тогда почему...

— Да хрен тебе есть до этого дело! — рывкнула девушка.

Учитель проигнорировал этот взрыв.

— Отвечай!

Искра смирила его яростным взглядом, словно он нанес ей какую-то обиду, но через несколько секунд начала успокаиваться.

— Где-то с неделю после того, как мы открыли этот проход...

— Погоди,— оборвал он ее, вытягивая руку.— Это довольно посещаемое место. Что, никто раньше не заметил этого люка и не заглянул под него?

— Ты дашь мне рассказать, как оно было? — возмутилась Искра.

— Говори, но с самого начала! — потребовал он.

— Я родилась...

— Искра!

— Ладно-ладно... С этим проходом — забавное дело. Какие-то довоенные уроды его замуровали, когда делали вот это,— девушка указала на трубы и окружающие их бетонные стены.— Но так, чтобы типа суметь запихнуть все взад,— она погрозила Учителю пальцем, когда тот хотел было ее поправить.— Не говори ничего, дед. Слушай. Воткнули в стену несколько гвоздей, уложили горизонтально доски, потом выли-

ли на них слой цемента. Тонкий, как хвост павлинорога, — она раздвинула пальцы на пару сантиметров, — но такой цементобетон, дед, с виду камень, скала. Люди под люк заглядывали, словно шипозмей в жопу дохлого ступача, а видели там лишь небольшую нишу, словно для инструмента. Мы ее тоже так воспринимали несколько лет. Движение здесь было небольшое, а в последнее время — и совсем сошло на нет, потому-то мы и присмотрели себе это место. Братишка работал курьером для цистерианцев. Он носил их смагу в укрытия по ту сторону границы, там ждал клиентов, получал деньги и возвращался. А поскольку голова у него была на плечах, то урывал малехо товара и для себя. Тут отлил несколько капелек, там — отцедил слегонца, а как бутылочка наполнялась, то сбрасывал ее в одном из ближайших анклавов — и было у нас, на что покушать.

— Покороче, — застонал Помнящий.

— Ну, ты же хотел с начала, — ошетибилась Искра.

— Но ведь не от начала мира.

— Да пошел ты, куча слежавшихся мехов! — вскинулась она, но при виде грозно поднятой руки — успокоилась. — Мы тут прятали пойло, и именно мы перекатали трубу сюда, чтобы замаскировать люк, но все равно пару раз случалось, что какой-то сраный говноед сдергивал наш товар. После третьей или четвертой потери почти полной бутылки, Цыкач придумал сделать тайник в тайнике. Хотел пробить дыру в полу, замаскировать ее — и так прятать трофейный самогон. И, как ты можешь догадаться, раскрыл секрет строителей. Вместо тайника для бутылок мы нашли вот это вот... — она махнула в темную дыру. — Сперва мы думали, что это замурованные ворота в какой-то из известных каналов, но как спустились вниз, да расспросили еще обитателей ближних анклавов... ну, незаметно, ясное дело, ты ведь меня за дуру не считаешь, а, дед? И оказалось, что в этих местах никто никогда не видел туннелей. Чувствуешь, дедуня? Мы нашли совершенно новый туннель. Отец твердил, что он как минимум девятнадцатого века.

— Отцу разболтали? — спросил раздраженно Учитель.

— Да с чего бы? — фыркнула она. — Просто за язык его потянули, при случае разговаривая о туннелях, которые он раньше строил. Знаешь, дед, он же у нас не абы кто был. Сперва в Мясте жил, потом лазил маленько с караванами, но к его рукам то и дело липло — то одно, то другое, а потому пришлось ему сваливать в зажоппе, когда шеф его прихватил. Ну и...

— Вернемся к теме, прошу тебя, — прервал ее Помнящий, которому порядком надоели эти дигрессии.

— Но я ведь на твой вопрос отвечаю.

— Я хотел знать, рассказала ты отцу об этой находке или нет. Какое мне дело до того, откуда он и кому насолил. Хватит мне того, что он тебя смастырил.

— Я тоже тебя со всей сердечностью трахнула бы во все сгибы, старикашка. Глянь лучше, что-то ты...

Она отскочила, но слишком медленно, и от удара ладонью упала на спину. Учитель навис над ней с багровым лицом. Сидящий под противоположной стеной Немой тоже вскочил на ноги. Не подбежал к отцу, не пытался отодвинуть его от напуганной Искры. Только складывал руки, прося не причинять девушке вреда.

— Я тебе твою дурную башку оторву, если еще раз услышу что-то такое, — медленно процедил Помнящий, не глядя на сына.

— А ты можешь отца моего оскорблять? — отгавкнулась она, хотя голос и ломался от страха.

— Могу, — произнес он грубоватым голосом, и Искра заткнулась.

Помнящий медленно, словно хищник, который решил, что уже сыт, отступил. Перепуганная девушка встала, поглядывая то на Немого, то на его разъяренного отца.

— Расслабься, дед, — пробормотала она. — У тебя что, какая-то схизма в связи с этим... с ним?

— Не используй слов, значения которых ты не понимаешь.

Искра презрительно фыркнула. Она быстро приходила в себя. «И вправду ненормальная», — вздохнул про себя Учитель.

— Я не настолько глупа, как может показаться, — выпалила девчонка, словно читая его мысли.

— Серьезно? Таком случае, скажи-ка мне, какое число больше: десять десятков или сто шесть?

Она глянула на него, набычившись.

— Да пошел ты...

— Только на это ты и способна? — произнес саркастически Помнящий. — Не знаешь ответа на такой простой вопрос?

— Знаю, ты, вислый хер в жопе траханного неединорога.

— Ну так давай, чувиха, — он пропустил мимо ушей не слишком правильно сформулированные проклятия.

— Первое, — выпалила Искра, не скрывая злости.

Учитель сделал удивленные глаза, словно бы она угадала.

— В точку, — проворчал он с притворным недовольством, чтобы увидеть ее реакцию. Девчонка ощерилась, гордо вскидывая голову. «Идиотка». — А теперь вернемся к разговору.

— Сперва — извинись, — потребовала она.

— За что?

— За то, что ты назвал меня дурой.

— Не перегибай, девочка...

— Не зли меня, сраный старикан.

— Извини, что я посмел сомневаться в твоём разуме. В жизни никогда не мог подумать, что ты знаешь ответ на такой сложный вопрос.

— Не смейся надо мной, дед, — насупилась Искра.

— Ты хотела, чтобы я извинился. Я это сделал. Рассказывай дальше.

— На чем я остановилась?

— На том, что этот туннель — никому не известен.

— Да. Никто о нем не знал, даже старейшие цистерианцы, а уж им-то — по тридцатнику, чуть ли не всем. В свободное время мы спускались и проверяли, куда он ведет, — глаза девушки засверкали, когда она заговорила об этом. — Недели за неделями мы углублялись на километры, серьезно, на километры под землей. Большая часть отнорков оказались слепыми или заваленными, но главный туннель тянулся бог весть как далеко, до самой реки.

— До Одера?

— Ну, тут рядом нету других рек.

— Откуда ты знаешь, что туннель заканчивается у реки?

— А вот знаю,— ответила она.— Там мы нашли колодец, и тоже замурованный, но получше, ты, доисторическая окаменелость. Вышли мы через него на какую-то площадь между большими домами. И знаешь, дед, что я там увидела? Такую охерительную бетонную башню, тянущуюся высоко в небеса.

— Трубу?

— Чего?

— Ты видела такую узкую круглую конструкцию, еще и сужающуюся кверху? А рядом другую, пониже?

Она кивнула.

— Ты словно был там, дед.

— Гребаный туннель ведет до самой теплоэлектростанции...— пробормотал удивленно Учитель.

— Теплочего?

— Неважно,— отмахнулся он, погруженный в свои мысли.

Если девчонка говорила правду, в чем он не сомневался, то по этому туннелю можно добраться за Запретную Зону, до самого Городского сада. А оттуда уже — два шага до границы Мiesta. Понадобится всего-то прокрасться через пару приграничных анклавов. Он неплохо знал тамошние места, сражался за них со Спортивками. Система каналов под густо застроенными кварталами была куда сложнее, чем на северо-востоке. Но его возбуждение быстро угасло. Рассказ девушки был слишком хорош, чтобы не вызывать подозрений.

— И по дороге не было никаких колодцев или выходов? — спросил он, внезапно испытав нехорошее предчувствие.

— Были,— кивнула Искра, поколебавшись.— Но все наглухо замурованные. Не так, как здесь. Кто-то потратил дофига времени, чтобы отрезать этот туннель от остального мира. Думаю, не зря...

— А почему? — заинтересовался Помнящий.

Искра громко сглотнула. Когда подняла голову и глянула ему прямо в глаза, он увидел на ее лице чистое сожаление и печаль.

— Когда мы уже проверили все тупички и боковые туннели, Цыкач захотел пробиться сквозь одну из стен. Вроде бы рассчитал, будто за ней еще один туннель. Хотел, чтобы мы прославились. Говорил, люди узнают о нашем открытии, назовут туннель нашими именами... И мы станем знамениты на весь Вроцлав. Что закончится вся эта жопа с голодухой и воровством смаги... — девушка опустила голову.

— Что там случилось? — спросил Учитель, хотя уже догадался, каким будет ответ.

— Цыкач начал ломать стену, а я ему помогала. Но силы у меня не такие, как у него, и я пошла отдохнуть. Была там такая клевая галерейка, чугунная, высоко под сводом главного туннеля. В некоторых местах она была еще вполне крепкая. Я хотела на нее взойти, как обычно, но все вокруг затряслось...

Искра могла не заканчивать. Помнящий прекрасно знал, каким бывает обвал.

— Выкопала его тело? — спросил он через минуту куда более ласковым тоном.

— Нет, — девушка покачала головой, не обращая внимания на слезу, пробороздившую грязную щеку. — Я сделала ему крест и... подумала, что никому не расскажу о туннеле. Пусть это будет его могильник. Такой большой, словно Цыкач, — какой-то там цезарь или фанфарон.

— Мне жаль, Искра, — Помнящий встал. — Я знаю, как это — потерять кого-то по-настоящему близкого. Мою... мою жену тоже привалило, когда упал потолок в старом водосборнике, где мы собирались поселиться...

Девушка скривилась, но на этот раз не произнесла ничего глупого, только потянулась за своей сумкой.

— погоди, — Учитель открыл рюкзак. Долго там копался, засовывая руки все глубже, пока, наконец, не нашел, что искал. Он подал ей новенькую маску, потом добавил несколько фильтров. — Пригодится это тебе там, внизу.

Искра возмущенно уставилась на него.

— У тебя была маска! А ты мне приказал...

— Я ничего тебе не приказывал, — оборвал он ее на полуслове. — Такая маска немало стоит. Ты бы тоже никому ее не отдала. И вообще, ты и сама прекрасно справилась.

— И чем я заслужила такую честь?

— Скажем так, ты ее заслужила честно.

— Тем, что показала тебе туннель? — спросила девушка, примеряя подарок.

— Нет. Тем, что спасла наши задницы, причем — дважды, — ответил он.

Немой, которого они снова вырвали из дремы, радостно кивал.

ГЛАВА 32

МАГИСТРАЛЬНЫЙ КАНАЛ

Он немало повидал за свою жизнь, прошел полгорода, но этот туннель превосходил все остальные. Это был не просто канал, это был шедевр инженерной мысли и архитектуры. Шириной в восемь, а может, и все десять метров, сводчатым потолком он напоминал другие немецкие каналы, но этот масштаб, этот размах... Вырываемые снопом белого света элементы выглядели перенесенными из средневековых храмовых катакомб. Воспоминание о Соборе приходило в голову само по себе, даже без мыслей о гибели Цыкача и Ананси. Немой тоже поддался магии этого места, хотя самые красивые виды ждали его впереди.

Они шли вперед, быстрым шагом, а вокруг было столько пространства, что все трое начинали чувствовать себя не в своей тарелке. Постепенно растворяющийся во тьме потолок, эхо от каждого шага, пронзительные отзвуки падающей воды — все это создавало невероятную атмосферу.

Здесь, под землей, очень редко попадались такого рода конструкции. Некоторые каналы имели привлекательный вид и размеры, но они не были настолько длинными, как могли бы показаться. Тем временем этот туннель тянулся на километры, обходя по дуге самый большой остров города. Будь он открыт много лет назад, в нем наверняка бы поселились тысячи спас-

шихся. Многие из живущих в слишком тесных анклавах без раздумий покинули бы их, даже понимая, что спать под стопятидесятилетним потолком, который может обрушиться в любую секунду, ужасно рискованно.

Уцелевшие слишком быстро позабыли о Соборе и потере стольких товарищей. Мир после последней войны изменился. Как и люди. А когда начали вымирать те, кто помнил, как жилось до Атаки, процесс этической эрозии резко ускорился. Лучшим доказательством этого было неудержимое продвижение лектерцев. Еще лет пятнадцать — да даже десять — назад уцелевшие задавили бы эту проблему в зародыше, выполов канибалов в своем окружении. Теперь же большая часть людей не видела ничего дурного во вкусе человеческого мяса. Заедание крысятин жареными тараканами или прочими козявками убивало человеческие чувства куда действенной индоктринации или чистки мозга.

Искра была лучшим тому примером, идеальным экземпляром нового человека. Не она была диковинкой в этом мире, а именно он. Много лет Помнящий жил между людьми, которые все больше становились ему чужими, но, занятый сыном и собой, не замечал медленного разрушения связей, соединявших их со старым миром. Теперь же это до него дошло: здесь, в этом пустом, гигантском канале. Он проиграл бы спор с Белым, даже если бы альбинос не применил запрещенного приема с мертвым эмбрионом. Ибо Справедливые смотрели на реальность совсем по-другому, чем он сам. Для них мальчишка-инвалид, даже известный с детства, уже не был соседом — был тяготой. Балластом, от которого надлежит как можно быстрее избавиться ради блага здоровой части сообщества.

«Но самое худшее то,— подумал Помнящий,— что и я сам приложил руку к их одичанию». Сперва он помогал Черным Скорпионам подчинять западную часть города. Мог сколько угодно убеждать себя, что делал это, вырывая Фабричный район из рук обычных бандитов, переродившихся из довоенных футбольных фанатов и хулиганья спальных районов. Но разве люди, обитающие в анклавах, которые находились под контро-

лем его фракции, чувствовали себя лучше граждан Лиги или Панвроцлава? Ненамного. Теперь, с перспективы лет, ему проще было это оценить, а результат его раздумий с каждым днем казался все более однозначным. Бывшие солдаты ничем не отличались от людей, против которых они так отчаянно боролись. Требование беспрекословного подчинения, казни сопротивляющихся, грабежи и насилие — все это было обычным делом по обе стороны фронта.

Убивай или погибни. Выживает сильнейший. Чистый дарвинизм. Так выглядело наследие, которое оставили после себя жертвы последней войны. И как тут удивляться, что их наследники раздвинули эту идею до границ абсурда? Немой в сравнении с ними был не таким уж и искалеченным. Травма лишила его большей части чувств — это правда, но разве Искра сильно от него отличалась? Учитель только сейчас осознал: обруганная им девушка уже через минуту готова была смеяться, словно ничего и не случилось. Единственная разница состояла в том, что ее исказила сама жизнь, а не трагический случай. И эта проблема, увы, касалась почти всех людей, которых Учитель узнал в подземельях города.

«И из года в год — все хуже. Если не случится чуда, скоро все спасшиеся скатятся до уровня лектерцев, — решил он после короткого раздумья. — Уже сейчас между людьми и каннибалами разница небольшая, даже когда люди противостоят каннибалам».

Искра... Помнящий мысленно вернулся к сопровождающей его малолетке. В этой девушке он видел квинтэссенцию нового мира. Отсутствие моральных тормозов, ноль интеллекта, тотальная пустота на фундаменте необычайной наглости. «А как будут выглядеть ее дети? Страшно подумать, что из них вырастет, если эта дура...» Учитель заработал рычагом, чтобы подпитать аккумулятор, а потом глянул внимательней на идущую в паре шагов впереди девушку. «Даже удивительно, что она еще не беременна, раз живет с того, что дает каждому, кто за это заплатит. И сколько ей на самом деле лет? Тринадцать? Четырнадцать?» Он невольно пожал плечами. Какое это нынче имеет значение?

Согласно действующим законам, она — совершеннолетняя. Те же законы, которые делали ее взрослым человеком, не запрещали ее растлевать. Сказать честно, никто не задумывался над тем, чтобы внедрять такие правила. «Мне это тоже было глубоко фиолетово, когда я вместе с Иным составлял кодекс, — с горечью подумал Помнящий. — Тогда такое казалось несущественным... А сейчас?»

— Слушаешь меня, дед, или снова — улетел?

Учитель вздрогнул, почувствовав, как кто-то дергает его за рукав.

— Что там?

— Я уже думала, ты от старости помер, только еще не заметил этого, гриб несчастный.

— Очень смешно, — проворчал он. — Ты вернула меня к жизни ради чего-то конкретного или просто так попердываешь?

Искра громко рассмеялась, а эхо разнесло ее хохот оглушительной лавиной накладывающихся друг на друга звуков. Акустика этого места оказалась настолько же невероятной, как и его вид.

— Вообще-то — да, у меня есть просьба, — обронила она, на миг став серьезной. — Тут недалеко есть туннель, где...

— Ясно, — ответил Помнящий. — Короткий отдых нам бы пригодился.

— Нет-нет-нет, — девушка решительно помотала головой. — Останавливаться не станем, это не займет много времени.

— Но для нас это не проблема.

— Зато большая проблема для меня, — призналась Искра, остановившись. — Не скажи я тебе, ты хрен бы там что знал о моем брате, потому — расслабься, дед, и дай мне пару минут, чтобы взглянуть на его могилу. Я вас догоню, не бойся, — добавила она, увидев его колебания.

— Понимаю, — Учитель взял у сына лампу и подал ее девушке. — Знаешь что... — добавил секундой позже, когда она поворачивалась, чтобы двинуться вглубь бокового туннеля. — Немой уже устал, я тоже чувствую в костях напряжение. Может, мы сделаем здесь короткий отдых, перекусим что-нибудь? Искра не выглядела обрадованной, когда оглянулась на него через плечо.

— Там,— указала направление, в котором они шли,— метров через двести есть камера побольше. Такая охренительная, что аж ух. Подождите меня там. И приготовьте что-нибудь, только не сожрите все,— добавила она, скрываясь во тьме.

* * *

«Камера», как называла ее Искра, оказалась чем-то вроде переходного бункера. Главный канал расширялся в этом месте еще сильнее, а по обеим его сторонам, на высоте где-то полутора метров, тянулись скрытые во мраке ниши, разделенные круглыми колоннами. Около одной из них Помнящий заметил примитивную лесенку, сколоченную из двух балок, которые кто-то соединил кусками арматуры. Она выглядела достаточно крепкой, чтобы взобраться по ней на уровень выше, а с него по веревке залезть на металлическую галерею. Большие куски старого обзорного помоста все еще крепились к стене туннеля. Все указывало на то, что Учитель с сыном попали в место, о котором чуть раньше рассказывала девушка. Это здесь она любила отдыхать, когда работала с братом...

Помнящий посветил вглубь помещения. На противоположной стене, метрах в пяти от них, он заметил устья труб, шириной где-то около метра — и соединенные с ними механизмы. Шесть старых шлюзов, закрытых проржавевшими перегородками, которые, через сто лет неподвижности, наверняка не сдвинула бы с места никакая сила. «Должно быть, Цыкач пытался»,— подумал Помнящий, заметив на кирпичах пола обломки чугуна. Но искушения заглядывать в обрезанные каналы у него не было. Особенно учитывая то, что шли они, как ему казалось, исключительно на юг, в сторону Пепелища.

Он пытался считать шаги, откладывая в памяти каждый поворот и изменение в направлении движения. Надеялся, что благодаря этому ему хотя бы приблизительно удастся понять, не вошли ли они в слишком горячую зону. Но он слишком быстро сбился со счета, и вычисления его были теперь куда как далеки от реальности. Но он не переживал — Искра и ее брат бывали

в этом туннеле многократно, проведя в нем немало времени, а ведь ничто не указывало, что она хоть как-то пострадала от излучения.

«Разожжем костер», — попросил он сына жестами, а сам принялся готовить еду. Налил воды в котелок, бросил туда крысиную тушку и после короткого раздумья приправил несколькими оставшимися личинками. Нынче они хорошо поедят. Если все пойдет нормально, еще сегодня им удастся добраться до малолюдных Городских Кущей. Там они переночуют, а с утра переправятся на территории, занятые Спортивками или Полосами. Этот километр с лишним может оказаться самым опасным участком на их пути... «А может, пройти ночью?» — задумался он, помешивая варево.

Вечер уже приближался, но и конец туннеля не мог быть слишком далеко. При толике счастья они доберутся туда где-то за полчаса, а может, и быстрее. И хотя Немой, как, впрочем, и сам Помнящий, уже устал, перспектива еще сегодня добраться до безопасного анклава в Мясте оставалась искушающей. «Игра может стоить свеч», — решил он после некоторых раздумий. Аромат вареного мяса дразнил обоняние, и Учитель попросил сына, чтобы тот погодил еще некоторое время. Он хотел, чтобы девушка почувствовала себя среди своих, а это будет легче, увидь она, что ее дождались.

Немой некоторое время сидел спокойно, а потом неожиданно придвинулся к отцу.

«Сделай воду», — попросил.

«Ты хочешь пить?» — показал на пальцах Помнящий.

«Нет, — покачал головой парень. — Сделай воду сталкера».

«Но тут ничего нет», — развел руками Помнящий.

«Пожалуйста...»

Учитель улыбнулся. Ну, может, благодаря этому он позабудет о соблазнительном запахе еды. Взял одну из мятых оловянных тарелок, поставил ее ровно, а потом налил немного воды. Они оба легли на живот, приблизив лица к маленькому сигнализатору. Поверхность воды была неподвижной, словно зеркало. Помнящий перевел взгляд на сына, улыбнулся, но сразу же посерьезнел, заметив, как Немой нахмурился.

Вода в тарелке дрогнула, пошла морщинками, сперва едва видимыми, потом — все более сильными, а через несколько секунд снова успокоилась.

«Ты видел?» Парень не мог отвести взгляд от жидкости, в которой отражалось его лицо.

Учитель кивнул, стараясь не глядеть вверх. Где-то там, над ними, была Запретная Зона, а в ней чудеса, которые и не снились никому из мудрецов. И твари, которые однажды появятся на пограничье, а потом войдут на территории, занятые людьми. Чем бы ни был тот гигант, что прошел над их головами, сотрясая даже эти туннели, в одном можно быть уверенным: приход его в анклав станет концом человечества.

В туннеле позади них заморгал желтоватый свет. Искра шла быстро, прямо на них. Знала это место, словно свои пять пальцев, а потому не осматривалась.

— Что едим, дед? — спросила она, едва успев примоститься на кирпичах и потянув носом. — Воняет как пердеж цыпленка, но на вкус — всяко же лучше, чем его отростки, а?

— Нынче у нас камбала в луковом соусе, — проворчал Учитель, снова раздражаясь.

«Вот как оно выходит, — подумалось ему, — по ней можно закусывать, но едва откроет рот — хочется удавить на месте!»

— Ну, пусть, я не привереда.

Помнящий разлил варево по подставленным кружкам. Съели все в благословенной тишине, потягивая горячую, жирную воду и старательно пережевывая каждый кусок.

— Далеко еще до конца туннеля? — спросил после еды Учитель.

— Да вообще-то — нет, — ответила девушка, ковыряя ногтем в зубах. — Мы в паре сотен метрах от выхода.

— Супер, — обрадовался он. — В таком случае, доедаем — и двигаем дальше.

— Ты что, дед, ошалел? — фыркнула она. — Да у меня ноги в жопу так глубоко утрамбовались, что я когда колени сгибаю — у меня сиськи выпирают. Дальше пока не пойду.

— Пойдешь, вот только еще об этом не знаешь, — ответил он спокойно, допивая свою порцию.

— Да счас.

— Я не хочу скандала, малявка,— веско уронил он, обли-
зав ложку.— А потому — успокойся. Если я должен провести
тебя через территории Полос, Спортивок — или кто там теперь
управляет Фабричным? — то придется тебе меня слушать.

— Да милосердия, окаменелость ты эдакая! Чего ты не хо-
чешь отдохнуть здесь, где спокойно и безопасно?

— Ночью у нас больше шансов прокрасться в Място. А от
Городских Кушей до границы — не больше километра.

— От моста тоже было недалеко, а глянь, где мы оказались,—
произнесла девушка иронически.

— Именно потому — ноги в руки и вперед, сейчас же,— за-
кончил Помнящий спор, решительно вбрасывая кружку в рюкзак.

Минутой позже он и Немой были уже готовы в путь. Надув-
шаяся же Искра не сдвинулась с места.

— Ну, как хочешь,— обронил Учитель, указывая сыну на
лестницу.

— Дед, не поступай так со мной. Останемся хотя бы на ча-
сок,— заныла Искра.

— Можешь сидеть здесь сколько влезет,— ответил он ей,
уходя в темноту.— А мы идем.

Догнала она их метров через сто. Задыхающаяся, злая, как
оса. Сперва лишь бурчала себе под нос, но потом принялась
ругаться, начав от простых оборотов и постепенно украшая их
новыми многоэтажными конструкциями. Прежде чем они ока-
зались у колодца, успела выплюнуть, наверное, все ругательства,
какие только можно было придумать на родном языке.

ГЛАВА 33

ПЕРЕПРАВА

На поверхность они выбрались через канализационный люк, находившийся рядом с большим зданием теплоэлектростанции. Уже опускались сумерки. Учитель провел сына и все еще надутую Искру напрямик к берегу Одера, который был от них в нескольких десятках метров, и к стоящей там перевалочной станции. Он нашел станцию, когда повнимательней присмотрелся к карте кузнеца, еще там, внизу, прежде чем покинуть главный коллектор. По случайности, именно по этому месту шел сгиб, из-за чего бумага изрядно повитерлась, и там, где должно было находиться русло реки, зияла дырка. Однако при свете фонаря ему удалось заметить у ее краев прерывистую линию и едва видимые круги.

Помнящий надеялся, что канатка в Купеческой республике — в нормальном состоянии. Ведь купцы покупали себе благосклонность всех заинтересованных сторон — именно они доставляли выжившим самые необходимые вещи, потому даже известные своей бескомпромиссностью Спортвики не трогали караваны, идущие по их территории к далеким и не захваченным еще Панвроцлавом предместьям. Тем больше он удивился, когда, забравшись на крышу двухэтажного домика, увидел ржавые, битые механизмы и грустно провисающие, такие же позабытые стальные канаты.

Станцией не пользовалась уже долгие годы. Она оказалась брошена на произвол судьбы и стихий, а эти последние обошлись с ней так жестоко, как только умеет мать-природа.

- Что-то не так? — спросила Искра, встав рядом с ним.
- Не на это я надеялся, — признался он.
- А на что?

Он взглянул исподлобья, не слишком-то желая выслушивать очередные обзывательства или поучения. Потому смолчал и подошел к вальцу, под которым была вытяжка. Рукоять висела на крюке, как и должна была. Он вдел ее и попытался натянуть провисший канат. Шло туго, поскольку масло в шестеренках давно засохло, но после нескольких попыток он сумел более-менее натянуть толстую, в палец, стальную нить.

- Ты идешь первой, — скомандовал он, подтолкнув девушку.
- Почему это? — возмутилась она, отскакивая, словно блоха.
- Потому что ты — самая легкая, — ответил он спокойно, хотя внутри аж вскипел. — Как доберешься до места, зажги лампу. Это будет знак, что мы можем отправляться следом.

— Вижу, кое-кто здесь урок ухреначит, — обронила Искра издевательским тоном.

— Ага, а прямо сейчас этот кто-то ухреначит еще и твою задницу, если не заткнется и не отправится на другой берег, — рыкнул он в ответ, поворачиваясь к ней спиной.

Ему нужно было подготовить сына. Старый механизм мог подвести в любой момент, а потому Учитель решил, что они станут переходить по очереди, от самого легкого к самому сложному. А это означало, что он сможет отправиться, лишь когда Искра зажжет лампу во второй раз, подавая ему знак, что и Немой перешел на противоположную станцию без приключений. Если что-то пойдет не так и самый тяжелый из всей троицы, Помнящий, не сумеет добраться до западного берега, они останутся разделенными руслом почти пересохшей реки, непреодолимой преградой в нынешнем мире.

Но другого выхода не было, а потому стоило рискнуть. Карта кузнеца пока что их не обманывала, а согласно ей у станции на противоположной стороне находился вход в каналы, по которым они

могли добраться до тамошних стоков. Их под ближайшими заведениями было полно, и, если ничто не помешает, троица еще до полуночи окажется в одном из хорошо обороняемых анклавов Мiesta.

Помнящий поставил Немого под канатом, еще раз объяснил ему, как вести себя в случае проблем, а потом, когда вдали зажегся огонек, похлопал сына по плечу, поднял оба больших пальца и отступил на шаг. Парень ухватился за стальной канат, поправил обернутый вокруг ноги натертый жиром кусок кожи и двинулся вперед, раз за разом перехватывая руками. Через какое-то время он растворился во тьме, уже опустившейся на высохшую реку.

С этого времени Учитель мог лишь наблюдать за ритмично подрагивающим канатом. Но это было не слишком увлекательным занятием, а потому он быстро начал готовить повязку на голову. Время заняться камуфляжем.

Он закончил обвязывать голову еще до того, как свет зажегся во второй раз. Осмотрелся. Уходить было жаль. Много бы он дал за возможность вернуться в анклав Иного. Отказался бы от всех привилегий нисколько не задумываясь, лишь бы ему пообещали отозвать — или хотя бы облегчить — приговор. Увы, знакомая фигура не появится и не удержит его от пути на территорию врага. «Надо двигаться, — подумал он, накладывая кусок выделанной кожи шарика на штанину. — Нечего ждать...»

Стальной канат сильно прогнулся, когда он закинул на него ногу. Подождал немного, пока тот перестанет колебаться, а потом начал ритмично подтягиваться руками. Каждое такое движение приближало его на тридцать сантиметров к сыну. С каждым таким движением он удалялся от мест, в которых прожил в спокойствии двадцать лет. Глянул в направлении видимого вдали огонька. Властелины Башни уже разожгли пламя. Кем бы они ни были, продолжали нести поддержку таким людям, как он. «Я доберусь до вас, пусть бы мне пришлось перевернуть землю и ад, — пообещал он где-то на половине дороги. — Я лишь надеюсь, эта идиотка не сделает чего-то глупого. Чего-то, что уже не исправить». Терзаемый этой мыслью, он, несмотря на усталость, ускорился. Хотя Искра и помогла им, причем много раз,

он все еще ей не доверял. Кузнец тоже притворялся его другом, а оказался гадом и предателем.

Учитель миновал русло реки и теперь полз в нескольких метрах над сушей, стараясь не смотреть вниз. Метрах в трех чернело разбитое окно, в котором исчезал конец каната. «Десять движений, — оценил он. — Потом еще два, может, три — и можно прыгивать». Он заполз в темноту, опустил ноги и дотронулся стопами до бетонного пола.

— Можем собираться, — прошептал он едва видимым фигурам.

— Не так быстро, — слова были произнесены мужским голосом.

Тот, кто это сказал, стоял за его спиной. Помнящий замер. Не сдвинулся с места, даже когда вокруг него загорелись новые масляные лампы. В их свете он увидел четырех крепких мужиков в кожаных плащах. Двое держали Искру и Немого, двое приближались к нему. Были еще далеко, шагах в двадцати. Он бросил быстрый взгляд через плечо. За ним стоял только тот, кто заговорил. Худой и высокий, с черными, выбритыми на висках волосами и щетиной на узком подбородке.

«Это, по всему, их главный, — решил Помнящий. — А значит...»

Все было не так плохо, как могло показаться. У тех, кто держал пленников, в руках оружия не оказалось. Идущие покачивали мачете — дураки предпочитают размахивать самым тяжелым оружием из своего арсенала, что всегда губит их, когда встречаются с тем, кто быстрее, — или даже просто с равным противником. А Учитель был уверен, что превосходит их.

«Разоружить и убить этих двоих — и остальные могут отступить, — рассчитывал он, — но разумней всего — добраться до командира. Взять его в заложники — и все станет легко».

И тут Искра заорала.

— Перехреначь их, дед, и уходим отсюда!

Нападавшие остановились, неуверенно переглядываясь с товарищами.

— Да, сучий помет лектерцев и пиляка, вам конец! — она громко расхохоталась. — Если б вы знали, на кого напоролись, вы б сбежали, оскальзываясь на своем же говне, до самой норы, откуда

выползли! — Парень, из рук которого вырывалась Искра, хотел было ее ударить, но командир остановил его коротким жестом.

— Говоришь, мы должны бояться твоего деда?

— Это не мой дед, драный ты башмак! Но да, на твоём месте я бы ухреначивала со всех ног, словно оглушенный цыпак от стаи голодных котокатов. Этот дед — самый настоящий Черный Скорпион! Таких мягоньких херчиков, как вы, он клал сотнями, а десятками — посылал под землю, причем не переставая ковыряться в жопе.

— Черный Скорпион... — проворчал высокий, заинтересованным взглядом на Помнящего.

— Это сам Дух! — добавила Искра гордо, словно само звучание этого прозвища было заклятием, которым можно убить врага.

Но парни были слишком молоды, чтобы помнить времена, когда одно воспоминание о Духе поднимало местным волосы дыбом.

— А не Мумия, случаем? — иронично спросил главарь, подавая своим людям новый знак.

Учитель выругался про себя. Приближающиеся мужики отложили мачете и взяли в руки пращи. Десятимиллиметровые шарики из подшипников, используемые ими, могли причинить немалый вред. Еще миг — и воздух наполнится свистом раскручиваемых над головами ремней.

— Сильно это вам поможет, — фыркнула девушка.

Идиотка все еще не понимала, насколько испортила дело.

— Заткни пасть, — рявкнул Помнящий, сцепляя руки за головой и становясь на колени.

— Ты что делаешь, дурень! — у нее аж челюсть отпала. — Вставай! Сражайся! Их всего трое!

— Надеюсь, они сделают с тобой то, на что ты напрашиваешься, — обронил он равнодушно.

— Это уж точно, как в банке, милок, — заверил его верзила. — Можешь мне поверить.

Это были последние слова, которые услышал Учитель. Мигом позже мир перед его глазами вспыхнул и так же быстро потемнел. Точно рассчитанный удар по затылку отключил его надолго.

ГЛАВА 34

АРЕНА

Это был какой-то большой склад, наверное, заводской. Возможно даже немецкий. Высокий бетонный плоский свод удерживался десятком длинных рычагов, благодаря чему внутри зала не требовалось ставить колонны. Теперь отсюда убрали все стеллажи, и внутри образовалось нечто вроде арены или амфитеатра. Под стенами расставили трибуны. Скелеты лесов были соединены досками — абы как, сикось-накось, ремесленники мало думали о том, как соединить отдельные элементы. Все вместе это напоминало творение безумного конструктора, который учился, главным образом, по американским комиксам. По крайней мере, так показалось Помнящему, когда он наконец очнулся и, сосредоточив взгляд, обвел глазами вокруг.

Висящий напротив большой зеленый флаг с тремя вертикальными белыми полосками все ему рассказал. Над рекой он наткнулся на патруль Лиги, фракции, ведущей свое существование от довоенных футбольных фанатов. Все указывало на то, что старые враги Черных Скорпионов все же захватили набережную часть западного Вроцлава. Что забавно, они не слишком-то изменились со времен, когда он с ними воевал. Все еще брили виски по футбольной моде, все еще рисовали или пришивали к штанинам три вертикальные полоски.

Было их перед ним огромное множество: несколько сотен орущих мужчин и женщин уже сидели вокруг примитивной арены, а новые и новые Полосы все вылезали из открытых колодцев, с интересом поглядывая в сторону пленника... «Пленников», — поправил он себя мысленно, когда услышал покашливание за спиной. Не был он здесь в одиночестве, кого-то еще забили в колодки и поставили посредине бетонной арены.

У него замерло сердце, когда он окончательно пришел в себя и вспомнил, с кем именно пересек реку.

— Искра? — прохрипел он с трудом, но слишком тихо, чтобы его голос пробился сквозь царящий в зале шум. — Искра?! — повторил громче, несколько раз сглотнув сухим горлом.

— Наконец-то проснулся, дурень, — проворчала девушка.

— Где Немой?

— Первым же караваном его отослали в Башню, — ответила она с издевкой.

— Seriously?

— Ну ты наивняк. Сынуля твой висит рядом со мной, ты, безмозглый лживый дед. Восьмерых он убил, ага. Одной рукой. С пальцем в жопе...

Помнящий наклонил голову. Секунда надежды, которую он почувствовал после этой глупой шутки, привела к тому, что теперь он чувствовал себя еще хуже.

«Значит, так оно все и закончится», — подумал он. Фанаты любили зрелища. Потому создавали такие вот холлы, чтобы по примеру древних римлян утешать глаза и сердца видом страданий и смерти. Сегодня они пришли в таком количестве, чтобы увидеть, как на арене гибнет их старый враг. Ведь для них Черный Скорпион, прозванный Духом, навсегда останется худшим из кошмаров. Когда он еще кружил по каналам этого района, они боялись его, как огня. Со временем он сделался одной из здешних легенд. Перепуганные Полосы и Спортивки шептались по углам, придумывая о нем невероятные истории. Делали это, чтобы оправдать собственную трусость и свои проигрыши. А ему это было

в кайф. Чем сильнее противники боялись его, тем легче он выигрывал у них очередные схватки.

Татуировка, украшающая его череп, была больше чем украшение. Старые солдаты именно таким образом документировали свои победы. Хватало одного взгляда, чтобы человек, знающий ключ к расшифровке этих знаков, понимал, с кем имеет дело. Из татуировки Духа, которого теперь звали Учителем, можно было прочесть, что имеют они дело с офицером, возведенным в третье из пяти признаваемых этой фракцией званий, а были это, по порядку: сержант, поручик, капитан, полковник и генерал, — тем, кто захватил одиннадцать анклавов врага, убил во время схваток двадцать пять противников, в том числе четверых главарей.

Помнящий не сомневался, что скоро расплатится за те поступки. Уж кто-кто, а старые граждане Лиги и Панвроцлава знали, как прочесть эти знаки.

— Что с ним? — спросил он более уверенным тоном, возвращаясь к разговору с Искрой.

— Стонет.

«Чтоб вас всех, — подумал он с отчаянием. — Парень с ума сходит, а я не в силах его успокоить. Может, он даже не знает, что я здесь».

— Что там произошло?

— Тебе подробный отчет или в общем?

— Говори, — рывкнул он.

— После того, как они со мной развлекались...

— Изнасиловали тебя? — прервал он, пойманный врасплох.

— Нет, дед, с чего бы? Просто помолились вместе по случаю твоего пленения, — просопела она. — Мне рассказывать дальше или всплакнем над моими проблемами?

— Проблемами? — рывкнул он. — Ничего бы этого не случилось, умей ты держать язык за зубами, глупая девка!

— Ага, я бы там от страха обосралась, не угости ты меня рассказами о своих геройских поступках, — огрызнулась в ответ Искра. — Скажи мне, Дух, какого хрена не ухреначил их в своем старом стиле? — Старую кличку Учителя она произнесла с явственной издевкой — и даже с презрением.

— А я тебе скажу отчего,— спокойно ответил он.— Я бы справился с ними одной рукой, с завязанными глазами и пальцем в жопе, как ты это образно сказала...

— Ага, я прямо вижу это,— фыркнула она.

— ... если бы ты не предупредила этих засранцев, с кем они имеют дело! Я могу убить человека голыми руками, прежде чем он поймет, что не так, но не сумею уклониться от двух шариков одновременно! Ты нас подставила, глупая стерва! Мне пришлось сдаться, чтобы нас не убили.

— Ну да, уж тебе-то повезло! — почти выкрикнула девчонка и раскашлялась.— Эти сучьи червяки из подыхающего от лучевой болезни шипозмея и правда были резковаты,— добавила она, сплюнув.

— Сама виновата.

Он именно так и считал. Потому что это из-за ее язычка он попал на эту арену, откуда, похоже, не выйдет на своих двоих.

— Да чтоб тебя...— начала она, но замолчала и отозвалась только через какое-то время.— Прости...

— Вернемся к нашей теме,— тихо проговорил Учитель.

— Месси, тот дылда, который тебя оглушил, приказал забрать нас в каналы. Его люди протестовали. Говорили, что такую дырку, как я, и этого ублюдка стоит убить на месте. А он рассмеялся им в морды и заявил, что они изрядно развлекутся, когда Пеле заставит тебя убить сына.

— Откуда он это узнал?

— А ты как думаешь?

— Сука.

— Ну, ты бы наверняка распевал патриотические песенки, пока тебе рвут ногти, проклятый ты лицемер! — рявкнула Искра.

— Да что бы ты там знала...

— Но я — не ты, Дух престарелый...— неожиданно она вновь сделалась тиха, хотя и не настолько, как ранее.

— Парень знает, что происходит?

— Не думаю. Сперва они страшно рассвирепели, что он не отвечает на их шуточки, думали, что это ты его так вышколил.

Потом... Ты бы не хотел его сейчас увидеть, дед... — она замолчала, словно испугавшись собственных слов.

— Говори дальше.

— Перестали над ним издеваться, когда я им сказала, что он глухонемой.

— Что ж ты, сука, сразу им не сказала?! — не выдержал он.

— Знаешь, дед, с бритвой у горла и полным ртом как-то не просто болтать! — разъяренно выпалила Искра.

Помнящий сглотнул соленую от крови слюну. Не на нее ему бы сейчас злиться...

— Прости... — пробормотал он.

— Не тебе одному пришлось встать на колени, чтобы выжить, — она сплюнула снова.

— Я сказал — прости. Но все равно ты сама виновата. Если бы...

Учитель замолчал, услышав, как ударили барабаны. На центральную трибуну вошла короткая процессия. Четыре верзилы сопровождали старого мужчину, у которого за спиной наверняка было не меньше пяти десятилетий. Был он очень худ, жилист, его непропорционально большая голова покачивалась при каждом шаге.

Должно быть, это сам Пеле, вождь окрестных кланов, человек, о котором все пленники — давным-давно — говорили, что у него «есть голова на плечах». Пожалуй, они подразумевали не только ее размеры. Старик миновал согнувшегося перед ним верзилу, не обратив на того внимания. Выражение лица Мессии подтвердило подозрения пленника. Между этими двумя зияла пропасть, глубиной до самого ада, плюс лишний километр.

Мигом позже трибуны приветствовали своего вождя громкими аплодисментами, встряхнувшими стены зала. Учитель криво усмехнулся. «Эти крики привлекут всю живность на километры вокруг», — подумал он с удовлетворением, но сразу же помрачнел. Они ведь понимают, что делают. И судя по ржавым пятнам на бетоне, это не первое такое представление.

Помнящий охнул, попытавшись встать ровно — чтобы эти мерзавцы не слишком-то наслаждались его унижением. Увы, тот, кто приготовил зрелище, тоже не был новичком. Колодки

были пристегнуты цепями к полу. Только теперь Учитель заметил, что палачи раздели его по поясу, обнажив торс и вторую татуировку — большого скорпиона, свернувшегося на правой стороне груди. «Как я мог этого не почувствовать?» — удивленно подумал он. Оглушили его, должно быть, здорово... К счастью, он начинал думать и просчитывать все яснее. У него забрали все, что могло послужить оружием, оставили на нем только штаны и берцы. Берцы!

Когда великий вождь Полос устроился поудобней, смолкли последние аплодисменты и публика расселась по своим местам. Четыре гориллы заняли места вокруг вождя, а пресмыкающийся Месси, которого оттолкнул какой-то карлик в оригинальной, хотя и потрепанной куртке, отступил в последние ряды офицеров. Лысый, что твое колено, гном покрутился еще минутку вокруг шефа, а потом, по его знаку, спустился в самый нижний ряд и прокричал:

— Сегодня на арене вы увидите нечто, о чем годы и годы молили ваши отцы и матери! Сегодня здесь погибнет самый ненавистный враг района. Сегодня мы унизим его, слошим, а когда он начнет молить нас добить его — выполним эту просьбу, но так, что и местечко в аду покажется ему вечным покоем. Сегодня мы избавим мир от Духа!

Триста с гаком Полос заорали разом. Рык, вырвавшийся из их глоток, был настолько силен, что с потолка посыпалась скопившаяся там за годы пыль. «Пеле! Пеле!» — скандировал стар и млад, те, кто мог помнить ту войну, и щеглы, что родились через много лет после ее завершения. По кивку карлика несколько стражников подскочили к Помнящему. Отперли колодки, но не освободили его от цепей, потянули за них и привели его на середину арены, где снова приковали за шею к вбитому в бетон железному кольцу. Только когда его обездвижили, стражники сняли оковы с его рук и ног.

Учитель глянул в сторону ложи, а потом перевел взгляд на трибуны. Все таращились на старика с огромной головой. «Похоже, сейчас лучший момент». Он присел, делая вид, что управляет шнурки.

Нескольких движений хватило, чтобы вернуть себе уверенность. Полосы сняли с него берцы, проверили, что он в них прячет, но не додумались, что тайник может быть в толстых каблуках. А достаточно передвинуть нижнюю часть на пару сантиметров, не больше, чтобы дотронуться до края холодной стали. Два сюррикена оказались в руке Помнящего еще до того, как приветствия вождю смолкли. «Лучше, чем ничего», — подумал он, пряча оружие в карман. Он понимал, что этим дорогу к свободе не пробить. Особенно сейчас, когда рядом находился измученный пытками сын. Судьба Искры его мало заботила.

Массируя запястья, он развернулся спиной к трибуне, выказывая больше заботу о сыне, чем интерес к вождю Полос. Пеле сразу же это заметил. Вскочил с выложенного шкурами мутантов кресла и, отогнав нервным жестом карлика, лично сошел в первые ряды. Гориллы двинулись следом, но он приказал им возвращаться назад. Был уверен, что со стороны прикованного к толстому кольцу пленника ему ничто не сможет угрожать.

— Насмотришься еще на своего ублюдка, Дух! — крикнул он сверху, вызвав еще одну волну приветственных криков. Упивался этим шумом, но утихомирил собравшихся одним жестом. Вел себя как какой-то гребаный император. — Сейчас мы его подведем к тебе, а потом вежливо попросим, чтобы ты его убил, — и вождь махнул рукой.

По этому знаку с потолка опустили платформу, под которой свисал привязанный за рукоять к тонкому стальному тросу нож. «Ловко», — хмыкнул Учитель. Оружие невозможно метнуть в сторону трибун, но в радиусе нескольких метров им можно действовать без малейших проблем.

— Не дожدهшься, Котелок, — произнес он с издевкой, не поворачиваясь к Пеле.

— Поглядим, — еще один жест вождя Полос — и гвардейцы, подскочив к Немому, потянули его к отцу. Брошенный на бетон, парень даже не стал подниматься. Не шевельнулся и когда приковывали его к соседнему кольцу. Только судорожно трясся, словно рыдая. Мучители отступили на шаг, но не ушли совсем. Лишь поглядывали в сторону трибуны, словно ожидая следу-

ющего приказа.— Мое предложение таково, Дух! — крикнул Пеле.— Возьми этот нож и убей своего уродца. Он не должен отбирать кислород у здоровых людей!

— Уродца? Ты сейчас о нем... — Помнящий указал пальцем на сына,— или о себе? Тебе кто-нибудь зеркальце-то в руки давал?

Главарь Полос стиснул зубы. Предполагал сопротивление, но не допускал, что пленник так точно высмеет его перед собравшейся толпой. Однако взял себя в руки и кивнул гвардейцам. Те сразу подскочили к Немому. Один рванул парня за волосы, а второй нанес несколько быстрых ударов ножом. Бил не чтобы убить. Просто доставлял жертве как можно большую боль. Резал кожу и мясо, и неопасные раны обильно кровоточили. Прежде чем Помнящий успел схватить висящее над ним оружие, оба мучителя отступили, оставив смертельно напуганного Немого, чье лицо превратилось в кровавую маску.

Немой видел только одним глазом. Второй заплыл, и опухоль уродовала не только надбровную дугу, но и почти половину лица. Из-за потрескавшихся окровавленных губ виднелись дыры от выбитых зубов. Бедолага все время страдал молча, даже когда не знающий о его состоянии отец разговаривал с Искрой.

— Ты мне за это заплатишь, гребаный выскребыш водоглава,— Помнящий указал на Пеле лезвием ножа.

— Не заплачу,— ответил тот, оскалившись. А потом снова махнул рукой.

Механизм, который минуту назад опустил оружие, пошел вверх. Скользя от пота рукоять вырвалась из руки Учителя. Еще одно движение пальцев главаря и одновременно — предостерегающий крик девушки. Помнящий развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как гвардейцы снова нападают. На этот раз ударов было больше. Рот Немого разверзся, словно для крика, но оттуда вырвался только тихий клекот. Полосы на трибунах замолчали, ожидая реакции Духа. Однако на арене пришла в движение только платформа с ножом.

«Ты ведь — гребаный убийца,— мысленно корил себя Учитель,— и в кармане у тебя два сюррикена. Ты успеешь хлопнуть

этого сукиного сына, прежде чем он отдаст очередной приказ». С отвращением глянул на скалящего зубы вождя. Медленно двинул правую руку к карману, но остановился.

— Ты, чувак с башкой-переростком,— обронил он, поворачиваясь спиной к сыну, который тянул в его сторону руки.— Эдакий герой, да? Тогда давай, проверим, не усохли ли у тебя яйца от этого вечного красования перед самим собой.

— В моем возрасте, смешной ты человечек, яйца уже не настолько и важны,— ответил, искренне радуясь, предводитель Полос.— Не нужно так меня оскорблять. А что до размеров моей головы, то знаешь: большой ум требует большого пространства.

И двинул пальцем. Помнящий снова не отреагировал, ни единый мускул не дрогнул на его лице. Глядел с чистой ненавистью на противника, стоявшего метрах в десяти.

— Да срал я на то, что там тебя оскорбляет или не оскорбляет,— заверил Учитель, слыша за спиной звуки, свидетельствующие о том, что ножи снова пошли в дело.— Я только что бросил тебе вызов.

По трибунам прошел гул.

— Что ты сделал? — Пеле глянул на него, словно на безумца.

— Бросил тебе вызов. Хочу сражаться с тобой за главенство в клане.

— Да ты, Дух, по всему, охренел,— вожак Полос взорвался смехом.

— Да? Насколько я помню, в анклавов Лиги действует простой закон. Главарь должен принять бой, если кто-то бросит ему официальный вызов.

— Чудик,— Пеле склонился, оперся руками о поручень и сокрушенно покачал головой,— ты прав, есть у нас такой закон. Но касается он только нашего народа. Чужой может вызвать меня самое большее как... как это точно отметил... чувака с черепом-переростком.

Он снова заржал, поднимая руки и призывая смеяться и зал.

Когда же наконец установилась тишина, все это время неподвижно стоявший Учитель поднял указательный палец.

— Во втором году после Атаки я жил в анклавe Старика. И там собственной кровью я нарисовал три полосы, — он провел по обеим рукам от плеча до запястья.

Пеле моментально сделался серьезен.

— И какое это теперь имеет значение? — сказал он, куда менее уверенным голосом. — Татуировки свидетельствуют, что ты не принадлежишь к нашим, а потому...

— Заткнись и смотри! — Помнящий схватил нож, вытянул левую руку и провел острием ножа от плеча до запястья. Он проделал это троекратно, в гробовой тишине. Пеле ошеломленно молчал, как и остальные зрители на трибунах. — Я, Дух, приношу присягу верности зеленому знамени, — Учитель ткнул указательным пальцем в сторону флага, украшавшего ложу. — Цепевуцезс! Цепевуцезс! И что ты на это, уродец?

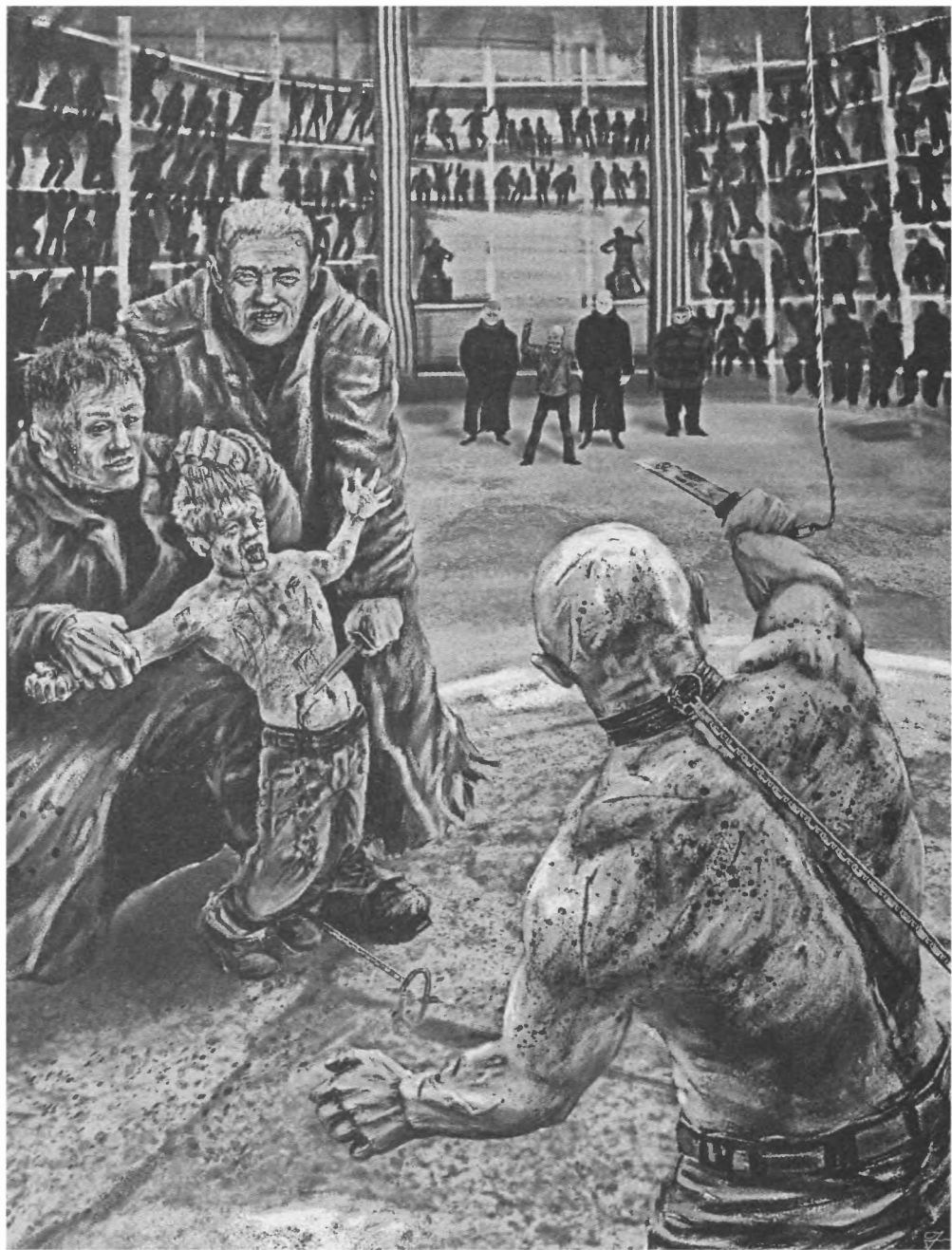
— Неплохой фокус, Дух, — признал главарь Полос. — Но у меня для тебя печальная новость. Ты не можешь...

— Да херни не неси, просто скажи: вызов принимаешь?

Пеле помолчал, со злостью глядя на зеленый флаг. Старый враг его подловил. Он был когда-то гражданином Лиги, а принес правильную присягу на крови перед старейшими и знаменем, сделался им снова. Прояснять все сложности такого положения вещей — такое затянулось бы надолго, а потому крупноголовый вожак Полос выбрал простое решение.

— Принимаю, — ответил Пеле, оскалившись. — Как вижу, оружие у тебя уже есть, а я себе сейчас что-нибудь придумаю, — он обернулся к ближайшей горилле и протянул руку. — Нож дай.

План его был прост. Он стоял довольно далеко от противника, но с такого расстояния не должен был промазать. Если даже не убьет врага с первого броска, то ранит его, причем достаточно сильно, чтобы через несколько минут спокойно выйти на арену и закончить работу. Но Помнящий именно на это и рассчитывал. Снова поворачивающийся к нему Пеле даже не понял, что случилось. Тяжелый сюррикен воткнулся ему в глотку и, перебив трахею, вышел из затылка, разминувшись с хребтом буквально на волос. Крупноголовый упустил поданный ему нож, качнулся, поднял обе руки к горлу. Прежде чем успел зажать рану, вторая

блестящая «звездочка» с характерным треском вошла в самый центр его крупного лба, опрокинув главаря на лавку.

На арене установилась полная тишина.

— Пеле принял вызов и был побежден! — крикнул Учитель, не ожидая, пока Полосы отойдут от шока. — Согласно закону...

— Думаешь, ты станешь нашим вождем? — рявкнул один из тех, кто минуту назад издевался над Немым.

— А ты хочешь нарушить священный закон Лиги? — прорычал Помнящий, поворачиваясь к двинувшемуся на него противнику.

— Нет, Дух, — растерялся тот. — Но...

Искра взвизгнула так отчаянно, словно до нее добралась стая голодных катокотов. Все присутствующие в зале и на арене взглянули в ее сторону.

— Ты не для себя сражался, дурак! — крикнула девушка, используя короткое замешательство.

Верно!

— Я сражался не ради своей власти, но — за его власть! — прокричал Помнящий, указывая на Месси. — Взамен я хочу свободу для себя и сына! И для девчонки тоже, — добавил он после короткого раздумья.

Учитель не знал, как Искра, наверняка никогда ранее не слышавшая об этих законах, могла додуматься до такого изощренного плана, но должен был признать, что попала она в десятку. Шанс, что Полосы признают его главенство, был невелик, но... Если уж выпадало ему здесь погибнуть, то уж наверняка не на их условиях. К счастью, в здешнем законе существовал крючок, старое и почти позабытое правило, которое гласило, что победитель поединка, если состояние здоровья не позволяет ему принять власть, может передать ее кому-то из командиров более высокого положения. Потому он выбрал Месси, и сделал это рефлекторно, вспомнив бесцеремонное затирание верзилы-поручика.

Гвардеец презрительно фыркнул, повернувшись к пленнику, и в его руке блеснуло лезвие большого ножа. Человек, обслуживавший механизм, снова перебросил рычаг, и платформа с прицепленным оружием ушла вверх, подальше от Учителя.

— Попрощайся со своим уродом, Дух,— рявкнул гвардеец, готовясь ударить.

— Стоять!

По пустым лавкам на арену сходил Месси, а его сторонники встали стеной между своим шефом и остальными офицерами. Верзила перескочил через барьер, тяжело приземлившись на бетон.

— Ты что, поединку моему мешаешь? — вызверился на него гвардеец.

Похоже, он считал себя кем-то равным офицеру.

— Да, и по двум причинам, Мачете,— спокойно ответил Месси.— Во-первых, ты не вызвал Духа на поединок за власть...

— Ты чего гонишь? — гвардеец дернулся, словно ему кто-то всадил нож в спину.

— Девка тебя прервала, забыл? — произнес с издевкой верзила, становясь рядом с Помнящим.

— Убью падлу,— прошипел разъяренно Мачете.

— А во-вторых, согласно нашему закону, Дух сражался за меня. А это значит, брат, если хочешь бросить ему вызов, то его приму я.

— Да ты и правда охренел. Этот сучонок сделал Пеле в...

— Правда? — перебил его Учитель.— Это был честный поединок! Я вызвал его, он — принял вызов. Хотел наколоть меня издали, но я оказался быстрее.

— Верно,— Месси глянул в сторону одной, потом второй трибуны. Затем перевел взгляд на ложу и стоящих там поручиков.— Вы все были свидетелями этого! — крикнул он.— Поединок был честным?

Насчет этого, конечно, однозначного ответа не было, но любые сомнения в среде Полос в этой ситуации работали в пользу верзилы и пленников.

Никто из фаворитов Пеле не рискнул пойти на открытый бунт против нового главаря, видя, что против них встало бы немалое число подчиненных. Потому они по очереди кивали, подтверждая право Месси принять власть. Выглядело это так, будто никто из них не был уверен, сумел бы он с Месси справиться.

— Братья, но ведь это наш враг номер один! — упирался Мачете.

— Свали,— рявкнул верзила.— Если только не рискнешь бросить мне вызов.

Гвардеец, похоже, не слишком хотел, чтобы его приласкали сталью по шее, хотя сам ею пользовался охотно. Сразу отступил, бросая сердитые взгляды в сторону Учителя. А ведь совсем чуть-чуть — и убил бы его на глазах у всех.

— Власть за свободу,— повторил Помнящий.

— Куда вы шли? — спросил Месси, не поворачиваясь к нему.

— В Место.

— Мои люди проводят вас до границы,— кивнул новый вождь, подав знак, чтобы пленников расковали. Потом добавил: — Но на этом наш уговор и кончается. Не вздумай сюда возвращаться.

ГЛАВА 35

ЭСКОРТ

Они потеряли все, кроме жизни и того, что было на них. Все оружие и еда оказались реквизированными Полосами. Вышли — как стояли на арене. Искра пыталась вытребовать хотя бы свой рюкзак, но Помнящий ее оттянул, прежде чем она получила в морду. Лиговцы сопротивления не выносили, особенно когда возмущалась женщина. Единственное, что удалось выторговать, это возвращение «моро» и повязки на голову. Здесь Месси спорить не стал — если освобожденные должны добратся до границ Мяста, что было условием договора, то никто не должен увидеть характерную татуировку, которая украшала лицо и грудь их старого врага. Полосы из анклавов, мимо которых пришлось бы проходить, могли попытаться закончить то, что не удалось Пеле.

Двое доверенных людей нового главаря провели их до самой границы, на что ушло всего-то полчаса, поскольку в этой части города, когда-то более других индустриализованной, под землей находилось немалое число немецких каналов, и чем ближе к центру, тем больше. Зато по дороге они миновали три небольших и почти пустых анклава. Ничего странного — на поверхности размещались либо огромные учреждения, либо широкие

пустоши скверов. Из первых уже нечего было тащить, а вторые представляли собой рассадники всякой мерзости.

«В этих местах выход на поверхность — простейший способ самоубийства», — подумал Учитель, одновременно прикидывая, чем живут здесь уцелевшие, мимо которых он проходил в жилых туннелях. Им жилось не лучшим образом, о чем свидетельствовали запавшие щеки, землистая кожа и истрепанная одежда.

Эскорт не отвечал ни на один вопрос, а если уж открывал рот, то лишь затем, чтобы подогнать хромающего Немого или утихомирить Искру. К счастью, это продолжалось недолго; метров за сто до границы с Мясом парни развернулись, все так же не говоря ни слова, и оставили троицу освобожденных под указателем, информирующим о близости поста здешней стражи — отряда, соответствовавшего гвардии Вольных Анклавов. Помнящий улыбнулся, поскольку для людей его поколения это название ассоциировалось с несколько другими службами. Однако он знал, что довоенных стражников и людей, к которым они теперь направлялись, объединяет лишь название.

Канал, в котором Полосы их оставили, оказался перегороженным толстой кирпичной стеной, в которой размещались даже не две, как в Слепой Ветке, а целых четыре стрелковых бойницы. К защищенному стальной плитой проходу вели узкие ступени. Кто бы ни собрался напасть на Място с этой стороны, он столкнулся бы с немалой проблемой при преодолении баррикады. Спортивки и Полосы уже давно отказались от такого рода нападений. Еще во времена Черных Скорпионов согласились они с тем, что их владения будут доходить, в лучшем случае, до железнодорожной линии. Земли к востоку от нее считались безраздельной собственностью властелинов Мяста.

— Стоять!

Невидимый стражник приказал им остановиться перед нарисованной на полу желтой линией. Из щелей в стене высунулись дуги четырех арбалетов. В этой части Вроцлава уцелевшие с самого начала были хорошо вооружены. Непосредственная близость Купеческой Республики и богатые остатки цивилизации позволили Мясту создать большое однородное сообщество — за

границей его не было баррикад, стерегущих входы в каждый из обитаемых узлов; здесь образовался огромный подземный город-государство. Создавался он наподобие Нового Ватикана, по факту же получился чем-то совершенно тому противоположный.

— Кто такие? — крикнул тот же самый человек, наверняка стоящий с одним из арбалетов.

Учитель призадумался, что ответить, чтобы стражники ему поверили. Если жители Мiesta услышат всю правду, то воспримут их появление на границе как глупую шутку или как очередное коварство Полос, а и то и другое закончится для чужаков одинаково. Да и открыть, кем он был раньше, было ненамного более умной мыслью. Ведь Черные Скорпионы в прошлом оставались врагами и для спасшихся в Мieste.

— Мы живем неподалеку, в Междурельсье, — крикнул он, на полсекунды опередив Искру. — В километре отсюда, там, под кварталами. Вчера в наш анклав ворвались пьяные люди Пеле, разломали половину боксов, жену у меня убили, дочку изнасиловали, — указал на девушку и замолчал, сделав вид, что голос подвел его. — Меня и сына побили...

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, — засмеялся стражник, который не раз уже слышал такую вот повесть.

— Нам надоело! — отозвался Учитель. — Хотим уйти оттуда. Но не переживайте, мы не к вам идем, а в Башню!

— Разумное решение, — поддержал его стражник. — Проблема только в том, что мы оборванцев не впускаем. Это Мiesto, а не какое-нибудь там вшивое зажоппе. Вам придется искать другую дорогу к... Башне.

«Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю! — эти слова эхом отозвались в голове Помнящего. — Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю!»

— Ты, невидимый альфонс собственной старухи! — заорала Искра, прежде чем Учитель успел ее заткнуть. — Смотри там, не спутай свой хер с арбалетной стрелой! — девчонка не замолчала, даже когда Помнящий рванул ее за плечо. — Впрочем, это тебе не грозит, — добавила девушка. — Он у тебя тонкий, как соломинка, да и наверняка раз в десять стрелы короче! — она захо-

хотала, оскалившись, но сразу же зашипела, почувствовав, как трескаются едва поджившие губы.

— Господа, спокойно! — Помнящий раскинул руки. — Скажу вам кое-что, чего вы не знаете... — за стеной установилась гробовая тишина, и он решил, что это — приглашение продолжать. — Если у вас в туннелях есть неонки, то есть светящиеся синим грибки, — пояснил на тот случай, если здесь звали их иначе, — то вы должны знать, что они не настолько безопасны, как казалось ранее. Я вчера был в анклав, где эти гребаные мутанты созрели и лопнули. Там никто не выжил. Почти сто шестьдесят человек мгновенно померли.

— Ну, врать-то ты, мумия, горазд, — рассмеялся тот самый стражник, который разговаривал с ними и раньше.

— Это чистейшая правда, ты, пиндюк гнилой, высранный последним спазмом подышающего от несварения неединорога! — Искра снова выглянула из-за спины Учителя. — Чтоб все вы от этой херни подошли! Чтоб глаза у вас повылазили, языки напухли, а морды посинели как у павлинорожа, который пережрал кишок ваших баб.

Помнящий отступил от нее, инстинктивно заслоня Немого. «Если стражники разозлятся и начнут стрелять, может...»

Они не начали. Только заржали громко, еще сильнее раздосадовав девушку.

Учитель пришел к выводу, что темнить дальше толку нет. Ситуация выходила из-под контроля. Нужно было что-то сделать, чтобы не увязнуть здесь надолго. Возвращаться на территорию врага было невозможно. Месси согласился довести их до границы, но когда они там оказались, договор закончился и мир между ними — тоже. Его подручные наверняка дожидались при первом же перекрестке, чтобы завершить работу.

— Я не из Полос... — признался он. — Я из Вольных Анклавов.

— Откуда?

— Из северо-восточной части Вроцлава.

— Ну, теперь-то ты точно брешешь, мужик. Хочешь сказать, ты прошел с этими долбанутыми всю Запретную Зону? Уж не

знаю, кто тебе так ухреначил в жбан, но бредишь, словно на голову упал.

— Никто мне ни во что не ухреначивал. А эта повязка на самом деле... камуфляж. Позволите? — Учитель потянулся к бинтам.

— Давай, мумия. Чувствуй себя как в родном саркофаге, — весело рывкнул стражник, снова вызвав смех товарищей.

Учитель не стал разбинтовывать голову — просто сорвал повязку, едва лишь ослабив первые узлы. Смешки смолкли, словно ножом обрезанные.

— Теперь вы знаете, почему я прячу лицо.

— Лучше бы ты это нам не показывал...

— Побольше уважения, чувак! Этот дед — живая легенда. Когда-то его здесь называли Духом! — Искра снова решила вставить свои пять копеек. — Засранцы вроде тебя в штаны накладывали от одного его имени. Убил он вос... — быстрое движение локтя остановило ее на полуслове.

Она попятилась и села на пол, держась за вновь расквашенный нос.

— Я ссоры не ищу, — крикнул Помнящий в сторону поста. — Веду сына в Башню. Он после несчастного случая глухонемой, — добавил быстро, чтобы тем и в голову не пришло допрашивать парня. — А эта идиотка пристала к нам по дороге и привела к таким проблемам, что можете ее подстрелить, если вам охота. Мне она без разницы. — Он отошел от девушки, чтобы не прикрывать ее, а потом обнял за плечи сына. — Позвольте нам пройти через вашу территорию, и я расскажу все, что знаю о неонках. Я не обманываю. Они правда лопаются и освобождают отравленные споры. На нашей стороне города уже случилась трагедия, а поскольку и вы живете у границы, то в любой момент это может стать и вашей проблемой.

Ему никто не ответил, но он заметил, что два из четырех арбалетов исчезли, а потому — решил продолжить.

— Они сперва делаются мягкими, словно их что-то изнутри жрет. Потом меняют цвет, если на них нажать. На время делаются фиолетовыми. А потом — лопаются. Их споры смертельны

настолько, что человек, вдохнувший желтую пыльцу, умирает за несколько секунд. Даже если вы нас не впустите, предупредите своих, особенно тех, кто живет поблизости от Пепелища. Там неонки появились раньше всего, и там они быстрее всего и созреют.

Учитель продолжал говорить, пока не исчезли и остальные арбалеты. Секундой позже из-за стены донесся громкий хруст; плита, закрывающая проход, медленно поднялась и остановилась, лишь когда край ее ударил в потолок туннеля.

— Чего ждете, блохастики? — крикнул пузатый мужик в простой униформе, маша им рукою сверху узкой лестницы. — Вам что, приглашение выслать?

Помнящий исподлобья взглянул на девушку. Она тоже казалась растерянной. Немой вырвался из объятий отца и направился в сторону ворот Мяста.

Этот пост отличался от всех баррикад, которые Учитель видал за свою долгую жизнь. Взойдя по лестнице, Помнящий оказался в тесном коридоре, метров двадцати длиной. В ширину он был аккурат такой, чтобы поместился взрослый мужчина. В кирпичных стенах с обеих сторон виднелась сеть узких щелей и небольших отверстий, из которых защитники могли поражать вторгшегося врага. В конце же находилась еще одна плита, с приваренными по всей поверхности метровыми кусками арматуры. Кто-то поднял плиту, едва они приблизились.

Ничего странного, что Полосы и Спортивки не стали штурмовать Място. Такие укрепления рыцари нейлона и футбольных полей не имели шанса взять, даже если бы соединили силы. «Да и Черные Скорпионы здесь бы полегли», — уважительно кивнул Учитель, внимательно разглядывая ловушку.

Широкий тоннель, который шел за постом, тонул в голубоватом сиянии. Неонки горели здесь так же обильно, как и по ту сторону пограничья. И судя по лицам стражников, оказались они помягче, чем можно было предположить.

Толстяк, впустивший беглецов внутрь Мяста, остановился сразу за входом. Тут же к ним подошли три человека в одинаковых мундирах. Они отличались от толстяка, словно огонь от

воды. Высокие, плечистые, тонкие в талии, они носили шлемы — настоящие, довоенные. Лица их, казалось, не слишком отличались друг от друга, а ровно подстриженные бороды только усугубляли впечатление, как и следы от язв, столь обычные среди людей, которым приходилось часто выходить на поверхность. На их фоне низкий мужчина лет пятидесяти, с толстыми щеками, выпяченными губами, свиными глазенками и высокими залысинами, над которыми торчали реденькие, коротко постриженные волосенки цвета пепла, выглядел игрушечным.

— Вам повезло, что Тесла желает вас видеть, — обронил он, упирая руки в бедра и еще сильнее выпячивая толстый живот. В этой позе он выглядел точь-в-точь как солдат Швейк. Даже шапка у него была похожей, а мундир — настолько же неопрятным. — А то я отослал бы вас к черту, как и прочих оборванцев. Лезете к нам, словно мухи на говно, один бог знает, зачем.

— А ты глянь в зеркало, засранец, может, и поймешь, — фыркнула Искра, стараясь держаться подальше от Учителя.

Толстяк смерил ее презрительным взглядом.

— Если бы не уважение, которое я испытываю к нашему профессору, я бы принял предложение твоего приятеля, — ответил он, после чего перевел взгляд на Помнящего. — А ты — имеешь наглость приходить сюда после всего, что вы нам сделали?

— Это было пятнадцать лет назад, — возмутился Учитель.

— И что с того? Кто-то простил вам ваши преступления? — иронично спросил стражник. — Что-то я о таком не слышал... — Потом, сделавшись серьезным, он добавил: — Декрет бургомистра, в котором написано: «Всякий пойманный офицер Полос, Спортивок и Черных Скорпионов должен быть расстрелян на месте», все еще действует. А я вижу, — добавил он, кивнув на татуировку, — передо мной некто в ранге капитана, причем — очень известный в наших местах. Если бы те скоты знали, что скрывается под повязками...

Помнящий с угрозой посмотрел на девушку, но она промолчала — похоже, в порядке исключения. Должно быть, последние происшествия научили ее, что есть границы, переступать которые не стоит.

— Накрыли нас над Одером, я ничего не сумел поделать.

— Да я вижу,— Толстяк засмеялся, поглядывая на изуродованное лицо Немого.

— Это заняло какое-то время...

Взгляд, который Помнящий бросил на Искру, не ушел от внимания толстяка.

— Ага. И то хорошо, что и она свое получила. Вразвалку ходишь, а?

Девушка громко фыркнула и выпрямилась.

— Скажи мне, дядя, отчего вы, импотенты, такие злые? — спросила она, глядя на Учителя.

— А то сама не знаешь? — ответил он, рассмешив служивых.

Похохатывающий верзила развернулся и двинулся в глубь туннеля, прежде чем насупившаяся Искра сумела вновь открыть рот, чтобы разразиться одной из своих сапожничьих тирад, наспигованных многоэтажными проклятиями и сложными эпитетами. Факт этот — как и презрительный взгляд Помнящего — заставил ее проглотить оскорбления. Должно быть, оказались они исключительно горькими и ядовитыми, поскольку девушка аж скривилась, словно кто прижег ей язык железом.

— Вы двое — за мной,— обронил удаляющийся широким шагом охранник, ткнув в отдыхающих в глубине туннеля рекрутов.— Будете сопровождать чужаков.— Он обернулся, махнул рукой: — Двигайте туда, Тесла ждать не любит.

— Эй, Швейк! — крикнул ему один из троицы парней в мундирах.— Проведешь их к профессору — и возвращайся. Чтобы не дольше получаса.

— Ага, знаю. Служба — не дружба,— проворчал толстяк, но достаточно тихо, чтобы оставшиеся охранники его не услышали.

— Швейк? — отозвался Учитель, когда они миновали готовящих прачи юношей и свернули на первом перекрестке направо.

— А что, проблемы? — буркнул толстяк.

— С чего бы? Классная кличка. Литературная.

— Литературная? — удивился охранник.

— Из Гашека же.

— Из чего?

— Неважно,— вздохнул Помнящий.— Мне так показалось.

— До Атаки я был обычным швецом, а потому проклятый судья особо не напрягался,— пояснил толстяк.

«Радуйся, баран, что не знаешь всей правды»,— подумал Учитель, не комментируя его слова.

— Я думал, ты какой-нибудь здешний офицер, поважнее местных стражников,— сказал он через некоторое время.

— Господин Ян приставил меня к здешнему гарнизону. Я тут за связного между гражданской властью и стражниками. Слежу, чтобы все тут играло, а вдруг что не так, то доношу, куда следует. Потому меня и не любят.

«Мир рухнул, цивилизация в развалинах, а политруки — выжили»,— печально подумал Учитель.

— Господин Ян? — поинтересовался он.

Толстяк удивленно глянул на него через плечо.

— Вы там, за Зоной, совсем контакт с миром утратили?

— Что-то вроде того,— признался Помнящий.— Последний караван дошел до Нового Ватикана лет шесть назад.

— Хм,— пробормотал стражник, с недоверием покачивая головой.— Нелегко вам там, как я погляжу. Господин Ян — это наш третий бургомистр. Крутой он, сукин сын, говорю тебе. Но благодаря ему мы встали, в конце концов, на ноги. Закрыли границу. Дали прикурить скотам с Фабричного...— он замолчал, поняв вдруг, что за спиной его идет человек, принадлежавший к той группе, да к тому же — крайне опасный.— Без обид.

— Этот период моей жизни уже миновал,— уверил его Учитель.

— Кто этот плотник? — держащаяся позади Искра использовала момент неловкой тишины, чтобы задать мучивший ее вопрос.

— Не плотник, а Тесла,— ответил задыхающийся уже толстяк.— Важная шишка в Мясте. Ученый. Золотые ручки. Все знает и все умеет.

— Почти как ты, дед,— иронично произнесла девушка.

ГЛАВА 36

БУНКЕР

До цели они добрались минут через десять. Туннель был широким, ровным, шагалось по нему, словно по магистральному сточному каналу, хоть наверняка не было у него до войны такого назначения. Помнящий утратил ориентацию уже где-то после Одера, когда его избили до потери сознания и унесли неведомо куда. Потому он не знал точно, где сейчас находится. Мог лишь догадываться, что пересек границу под одной из трех главных артерий в этой части города, поскольку каналы, ведущие с востока на запад, шли только под главными улицами. А вот была ли это Легницкая, Стшегольская или Рабочая — он не понимал. На территории Полос ему не попался ни один указатель, а по эту сторону устья туннелей украшались нечитабельными для него знаками.

Швейк остановился под колодцем, напротив крупных букв «BS», и несколько раз потянул за тоненький шнур, исчезающий где-то наверху. Выглядело так, словно он сообщает кому-то о прибытии гостей.

— Здесь нам придется выйти на поверхность, — пояснил он. — Но — спокойно, двери будут открыты, а нам нужно пробежать всего-то метров десять. Маски не понадобятся. Просто — задержите дыхание.

Он говорил правду. Когда люк отворили, Учитель получил ответ на мучивший его вопрос. Ему хватило одного взгляда, чтобы узнать маячившее в полумраке цилиндрическое здание. Это было гигантское немецкое бомбоубежище, стоящее за несколько кварталов от края Пепелища.

Они вбежали в высокую подворотню, за которой находились две пары больших дверей. Через открытый вход они добрались до холла, где был устроен шлюз. Швейк передал их на руки нескольким бородачам в серо-стальных мундирах, после чего молча исчез, словно приведенные им беглецы были не людьми, а просто посылками.

Стражники заперли за ними толстые стальные двери, укрепленные несколькими слоями приваренных плит, и закрыли их изнутри на тяжелый засов. Помнящий, Немой и Искра наблюдали за этой суетой под внимательными взглядами двух вооруженных бородачей. «Кем бы ни был хозяин этого бункера, наверняка у него пунктик насчет безопасности», — подумал Учитель, когда после внимательного досмотра их провели к крутой лестнице, которая вилась вокруг центральной овальной шахты. Все здесь было таким чистым и блестящим, словно войны и не случилось.

Идя за стражниками, они миновали несколько одинаковых тонуших в полумраке этажей. Единственным источником света были здесь масляные лампы, развешенные на равных расстояниях на стене шахты. Едва видимый проход, уводящий вглубь здания, наполняла смоляная тьма. Лишь один из уровней отличался от остальных — потолок там убрали, создав нечто вроде антресолей. Восходя по спиральной лестнице, Помнящий в гробовой тишине слышал эхо шагов — и ничего больше, словно здесь не было никого, кроме стражников и сопровождаемых ими гостей.

Бородачи остановились только на самом верху лестницы и там передали пришельцев своему коллеге, который дежурил в круглом, хорошо освещенном холле. Тот еще раз осмотрел всю троицу и только затем указал им на единственный незаблокированный проход, который вел к следующему, еще большему кругу. Там-то их и ждал человек, которого называли Тесла.

Был он невысоким и полным, словно Швейк, но лет на десять старше. Длинные растрепанные седые волосы и вздернутый нос делали его похожим на старого Эйнштейна. Очки в толстой оправе с единственным стеклом придавали ему несколько карикатурный вид. Как и пристало настоящему руководителю, носил он довольно элегантный костюм, который совершенно не подходил к послевоенной реальности: порванный в нескольких местах темно-синий пиджак, некогда белая рубаша и салатный галстук, обрезанный наполовину. На все это он набросил халат: классический белый, врачебный или лабораторный, тоже носящий на себе следы длительного использования.

— Приветствую,— произнес он удивительно глубоким голосом, протянув Учителю руку, а когда тот пожал ладонь, добавил: — Вот уж не думал, что сумею увидеть живого Скорпиона.

— Кое-кто из нас все еще бродит по миру,— заявил Помнящий, хотя у него не было никаких доказательств.

— Возможно, но в этом районе чаще встречаются неединорогов.

Мутировавшие лошади редко заходили в глубь города. Даже самые тяжелые, рогатые, с толстой, словно панцирь, кожей. Быстрые же скакуны, как и их довоенные предки, предпочитали открытые пространства и держались как можно дальше от людей.

— Чему мы обязаны этому приглашению? — спросил Учитель, когда хозяин перестал всматриваться в него с выражением торговца, оценивающего стоимость предложенного товара.

— Какое приглашение?

— На границе сказали, что вы хотели нас видеть.

Тесла засмеялся.

— А, вы об этом... Как бы это сказать... Я попросил бургомистра, чтобы его люди впускали в Место людей из Лиги. В последнее время у нас очень немного информации о том, что происходит в удаленных районах. Особенно за Зоной...

— Я охотно расскажу вам обо всем,— уверил его Учитель.

— Прекрасно. Ну-ну... Что я за хозяин, мы ведь не станем разговаривать в коридоре,— Тесла отодвинулся, указав на ближайший проход, за которым горел свет.— Приглашаю к себе.

Сядем, поедим, поговорим. Аня, покажи им дорогу, прошу, — обратился он к Искре.

Девушка глянула яростно, словно он плюнул ей в лицо.

— Аня-сраня, флинстон ты вонючий, — рявкнула она. — Глядите на его очередной изврат, которому я напоминаю его погибшую доченьку. Не думай, толстяк, что ты меня окружишь, потому что я...

— Пасть закрой! — рявкнул Помнящий, перехватив взгляд ученого. — Прошу ее простить, профессор. Она глупая, как колода, но в последнее время — немало вытерпела.

— Конечно, — кивнул поспешно Тесла. — Заходите, прошу.

Когда он двинулся вперед, девушка поравнялась с Учителем.

— Дед, сколько этому пню может быть лет? — спросила она шепотом.

— Много, — ответил Помнящий.

— Но сколько?

— На мой взгляд, где-то шестьдесят, а то и все семьдесят.

— Ничего себе, — охнула Искра. — Люди же столько не живут!

* * *

В последнем, внутреннем кругу, поделенном на несколько помещений, располагалась лаборатория и обиталище Теслы. Старый профессор устроился здесь довольно скромно, заняв лишь сегмент. Была тут у него небольшая спальня, обставленная двумя небольшими шкафами и чем-то вроде кухонной стенки. Что интересно, нигде не было видно умывальни, но когда Помнящий его об этом спросил, ученый сразу же объяснил, что предпочитает удовлетворять эти потребности там же, где и до войны. Потому он устроил себе нечто вроде настоящего туалета по другую сторону круга, довольно ловко решив технические проблемы. Там у него был душ с настоящим, пусть и излишне дырявым разбрызгивателем, и даже небольшая ванная.

Однако гостей более всего удивляло электрическое освещение. Тьму этого сегмента разгоняло несколько развешанных по стенам и на потолке LED-ламп.

«Были бы окна — и словно в нормальном довоенном доме», — решил про себя Учитель, но тут же отбросил эту мысль. Слишком хорошо он помнил те времена, чтобы уступить иллюзии. Тесла жил как бог, особенно в сравнении с остальными уцелевшими, гнездившимися в анклавах северо-востока, но до довоенных — пусть даже и средних — стандартов было ему еще расти и расти.

— Электричество? — спросил он с недоверием, садясь, куда ему указали.

— Электричество, вода, тут у меня есть все, что нужно, — похвастался ученый, вытягивая из взреывающего, пожелтевшего холодильника миску с порезанным пластами мясом — при этом наверняка не были это тушки крыс.

— Вы, случайно, не доктор? — заинтересовался Помнящий, поглядывая на осоловевшего Немого.

Лицо паренька выглядело ужасно.

Мучители выбили ему несколько зубов, сломали нос, а может, и челюсть. Всякий раз, когда он пытался сглотнуть, — кривился. Синяки на его лице налились и потемнели. Менее опухший глаз то и дело закрывался, словно Немой засыпал сидя. Хорошо еще, что Месси согласился перевязать самые глубокие его порезы, на руках и торсе.

— Увы, нет, — ответил Тесла, возвращаясь к холодильнику. — Однако я знаю хорошего доктора. Может, он и не самый молодой, но, как говорится, старая школа — лучшая.

— Могли бы вы... — начал Учитель.

— Я уже это сделал, — прервал его ученый.

— Не понял.

— Я его вызвал.

— Когда?

— Едва лишь получил известие, — улыбнулся он, заметив удивление на лице Помнящего. — У нас тут прекрасная система связи с границей. Гелиографы, дымные сигналы, костры и прочие чудеса. Некоторые — секретные, а потому давайте без этого. Мы ведь не желаем, чтобы Господин Ян укоротил нас на голову.

— А коротковолновые радиации у вас есть? — спросил внезапно Учитель, снова вспомнив странные звуки, которые он слышал в Слепой Ветке.

— Нет. Последние сели несколько лет назад. Я бы много отдал за действующий передатчик, — вздохнул Тесла. — Увы, за двадцать лет, да еще с тем, что происходит на поверхности, нет и шанса разыскать необходимые запчасти. А жаль... — добавил он с явной печалью.

— Отчего же?

Тесла глянул на напольные часы, классический механизм с гирьками.

— Через четверть часа я вам покажу, но сперва давайте поедим и поговорим. У меня интерес к миру — посильнее вашего интереса к этому месту.

— А как там с доктором? — вернулся Учитель к предыдущей теме. — Мой сын страдает.

— Доктор придет, как только сможет. Но прошу вас не питать слишком больших надежд. Лекарства уже лет двадцать как с вышедшим сроком годности, а потому принимать их — страшно. Большая часть трав в последнее время получила новые свойства или превратилась в кровожадных тварей. — Тесла улыбнулся, но, скорее, меланхолично. — Новая медицина — просто куча мусора, а не наука.

— Ну, лучше так, чем никак... — вмешалась Искра, внимательно следя за действиями ученого.

Хозяин, тем временем, спокойно готовил еду. Вода как раз начала кипеть на старой, но прекрасно выглядящей чугунной печечке.

— Может, и так, Аня, — пробормотал задумчиво Тесла. — Может, и так.

— Почему он меня так называет? — шепнула девушка, склоняясь к Учителю.

— Его спрашивай, не меня.

Она скривилась, словно таким ответом он ее оскорбил. А что было ему говорить? Двадцать лет жизни в руинах могли любого довести до безумия. Даже того, кто купался в роскоши, которую

обеспечивал этот бункер. Учитель вдруг почувствовал беспокойство. Он никогда не слышал об этом месте, а ведь Вроцлав должен гудеть от слухов о безумном ученом и его прекрасной резиденции. Купцы с большой охотой делились подобным знанием, а о том, о чем они не знали наверняка, говорили еще охотней. И все же ни один из них даже не заикнулся об этом бункере и его жилье.

— И долго вы здесь обитаете? — спросил он, пытаясь скрыть настороженность.

Тесла распрямил плечи. Помахал деревянной ложкой, которой мешал кипящее варево, словно бы это помогало ему считать.

— Пять лет и четыре месяца, — ответил не слишком уверенно. — Время так бежит...

— А что вы делали раньше?

— Вижу, поручик, допрашивать нынче будут меня, — засмеялся нервно Тесла.

Помнящий замер.

— Дед был капитаном у Скорпионов, ты, заплесневевший шариков окатыш, — фыркнула Искра. — Ему вырезали это на глупой морде, чтобы не позабыл, если под старость нападет на него деноминация.

— Прощу прощения, господин капитан. Давно не имел дело с этими вашими татуировками, а потому слишком многое, похоже, забыл.

Учитель натянуто улыбнулся. Его беспокойство только выросло.

— Все нормально. Поручиком я тоже был — только перед войной.

— Значит, я ошибся совсем немного, — пробормотал все еще смущенный Тесла.

«Похоже, он не любит, когда его ловят на ошибках». Как раз это Учитель был способен понять.

— Чувствуешь? — спросила шепотом девушка, сглатывая слюну.

Он кивнул. Запах варящегося мяса дразнил и его тоже.

— Ну, еще немного, и еда будет готова, — заявил ученый, словно бы услышав их.

Он оставил котелок в покое и пошел к массивному буфету, чтобы вынуть из него тарелки. Красивые, фаянсовые, к тому же еще и целые. «Экий он богач», — с завистью подумал Учитель. В последний раз он ел с чего-то подобного сразу после Атаки, в одном из каналов Шарикового... стоп, тогда еще Собачьего поля. Закусочную в главном канале держали две сестры-близняшки, разнойцевые, поскольку ничуть друг на друга не похожие. Хорошо кормили, умели наколдовать что-нибудь вкусненькое даже из малоаппетитных остатков. Увы, обе были серьезно больны. Одна вспухла как-то ночью, словно кто закачал в нее бочку воды. Умерла раньше, чем успели доставить к ней врача. Вторая исчезла через несколько дней, — люди говорили, вышла на поверхность и повесилась в одном из ближайших домов.

Там, в предместьях, ударная волна не наделала таких больших разрушений, как здесь, в центре, но это несколько не улучшало жизнь уцелевших. Те, кто выбрал возвращение в собственные дома, вскоре начали умирать как мухи от всепроникающих радиоактивных осадков. Немногочисленные счастливицы, спрятавшиеся в каналах, жили дольше, намного дольше, но проиграли битву сперва с мутантами, а потом и с самими собой. Это оттуда, из анклавов на Шариковом поле, расплзлась зараза лектерства.

Рядом с тарелками появились приборы: тяжелые, серебряные, с витыми рукоятками. Помнящему некогда было присматриваться к ним внимательней, поскольку хозяин уже ставил на стол котелок с чудесно пахнущим гуляшом.

Каждому он налил пару половников, дав Немому почти одну только юшку. Принес также стеклянную трубку, из тех, которые использовали в лабораториях.

— Вы наверняка это ему лучше объясните, — сказал, подав ее Учителю, а когда тот попытался накормить сына, добавил: — Я бы вам советовал подождать. Пусть еда поостынет. Холодной она, может, окажется менее вкусной, однако в его состоянии наверняка проще будет ее глотать.

— Понимаю.

Помнящий пояснил сыну, ждущему с открытым ртом, что ему придется еще немного подождать. «Горячо, — показал жестами. — Обжигает. Сильно».

— Кто с ним такое сделал? — спросил Тесла, когда Учитель вернулся на место.

Искра глянула на них исподлобья. Фыркнув, отправила в рот очередную ложку гуляша.

— Мы попали в руки Полос, — ответил Помнящий, потянувшись за ложкой.

— Звери, а не люди... — ученый покачал головой.

Запах разваренного мяса напомнил Учителю, насколько тот голоден. После первого же глотка он широко раскрыл рот.

— Боже! — крикнул он потрясенно. — Соленое!

— Вы не любите? — удивился Тесла.

— Человече, да я сто лет не ел соленого мяса! — Помнящий наклонился над тарелкой и принялся наворачивать как безумный. — Откуда вы взяли соль?

— Как говаривал мой папаша, завязывая ботинок дождевым червяком, надо уметь выкручиваться, — усмехнулся ученый, загадочно улыбаясь. — А что до вашего вопроса: нет, соли у меня нет. Закончилась много лет назад. Но у меня есть голова на плечах и немалая библиотека, — он указал рукой в пол, наверняка имея в виду нижние этажи. — Наши предки знали несколько способов улучшать вкус сырого мяса, я лишь воспользовался одним из них.

— Каким? — спросила Искра

— Тебе не захочется этого знать, деточка, поверь, — серьезно сказал Тесла.

— Мы едим жареных тараканов, закусываем крыс личинками, так что я сомневаюсь, будто что-то смогло бы испортить мне аппетит, — уверил его Учитель.

— Пот, — коротко бросил ученый.

— Пот? — Помнящий странно посмотрел на него.

— Да. Обычайший пот. Я вычитал в какой-то книге, что на востоке Европы еще во времена викингов бойцы, отправляясь в степь, клали под седла куски сырого мяса. Через несколько

часов галопа еда пропитывалась потом скакунов и приобретала совершенно иной вкус.

— Проблема в том,— заметил Помнящий, проглотив еще одну ложку варева,— что лошадей уже нет, а выделения большей части мутантов ядовиты.

— Потому я выбрал людей.

Искру перекосило.

— Ты фто, лектереф? — пробормотала она, опасаясь проглотить то, что уже успела прожевать.

— Да нет же! — Тесла выставил перед собой руки и замотал головой. — Я не варвар, как те каннибалы из предместий. Это не человечина, обычный гуляш из шарика. А что до приправ... Я плачу женщинам из ближайших поселений за то, что они носят куски мяса под одеждой. На спине,— добавил поспешно, увидев, как покраснел Помнящий. — Выбираю молодых и здоровых. И приказываю им сперва помыться, здесь, в моем душе.

— Пот,— пробормотал Учитель, глядя в тарелку. И метнул взгляд в сторону девушки. — С сегодняшнего дня, тетеха, купаешься регулярно.

— Через мой труп, дурак! — возмутилась она.

— Мертвая ты потеть не будешь,— пошутил Помнящий, возвращаясь к гуляшу.

Ему приходилось есть червей, выкопав их прямо из земли. Случалось ему даже жрать внутренности шипозмея, резиновые на вкус, причем — сырыми. Немного пота, пусть даже и человеческого, наверняка не помешает. Он вдосталь лизал собственный.

ГЛАВА 37

СООБЩЕНИЕ

Доктор, как и сам Тесла, был в возрасте. Он оказался выше профессора — причем на пару голов — и более худым. Называли его Знахарь, но он не казался этим обижен. Видимо, к новому имени он давно привык, как и большинство уцелевших. В молодости он наверняка был человеком спортивным, с атлетической фигурой, но возраст и спартанский образ жизни пригнули его к земле. Он сильно горбился, из-за чего в первые секунды казался ниже, чем был на самом деле. Что интересней, очки он не носил. Когда обследовал Немого, его синие, глубоко посаженные глаза скрывались под мохнатыми бровями.

— Скверное дело,— пробормотал он, закончив предварительный осмотр,— но я сделаю, что смогу, чтобы уменьшить его страдания.

— Амбулатория в твоём распоряжении,— заверил хозяин.

— А что с ними? — Знахарь указал на Искру и Помнящего.— Тоже выглядят скверно.

— Я приведу их, когда ты закончишь осматривать паренька.

— Я предпочел бы остаться с сыном,— вмешался Учитель.— Его проблемы не позволяют...

— Прошу не волноваться,— доктор положил руку ему на плечо.— Я знаю язык жестов. Моя жена была глухонемой от рождения.

Он улыбнулся, отвернулся и сделал серию сложных жестов. Немой поглядывал на него с определенным интересом, но не реагировал.

— Интересно,— Знахарь глянул на Помнящего.

— Там, где он воспитывался, не было никого, кто знал бы язык жестов,— поспешил с объяснениями Учитель.— И учебников не попадалось, вот мы разработали свою языковую систему.

— Но вы же научили сына читать по губам? — удостоверился Знахарь.

— Да.

На этот раз попытка коммуникации закончилась частичным успехом. Парень понял, что говорил доктор, но вот с ответом было у него похуже.

— Может, и правда будет лучше, если я пойду с вами,— снова предложил Учитель, после чего перевел ответ сына.

Доктор поглядел на хозяина вопросительно.

— Сделаем так,— после короткого раздумья сказал Тесла.— Я прошу вас сказать сыну, чтобы он пошел в душ. Пусть выкупается там. Это займет какое-то время, а мы пока закончим разговор. Аня, если хотите, можете с ним остаться.

— А это не может подождать? — спросил Помнящий, подав знак Искре, чтобы та и не вздумала раскрыть рот.

Ученый скривился, потом посмотрел на часы.

— Прошу мне поверить, что — не может. Я хочу показать вам кое-что по-настоящему интересное. То, что начнется ровно через три с половиной минуты.

Учитель подошел к Немому.

— Пойдешь с этим человеком,— сказал он, отчетливо артикулируя каждое слово.— Это врач. Нет, не такой, как наш, совсем настоящий. Помнишь господина Хауса? Того, хромого, который обследовал тебя, когда ты был еще ребенком? Супер. Этот — кто-то вроде него. Но сперва ты должен умыться. Наверняка будет больно, но поверь — ты должен это сделать. Да,

я сейчас приду, только поговорю с этим господином, который нас накормил, — он хотел погладить Немого по голове, но отдернул руку, увидев его реакцию. Не хотел увеличивать страданий сына.

Они вышли в коридор вместе. Знахарь увел прихрамывающего паренька в одну сторону, Тесла же пригласил Учителя следовать в противоположном направлении. Искра какое-то время колебалась, не в силах решить, воспользоваться ли настоящей ванной или же отправиться с Помнящим и увидеть нечто необычное. Ученый выбрал за нее.

— Беги! — махнул он рукой. — То, что я собираюсь показать, тебе не интересно.

Учитель удивился, поскольку девчонка сразу же послушалась, даже словом не прокомментировав снисходительное поведение старого профессора. Только пожала плечами, развернулась на пятке и вприпрыжку направилась в сторону ванной и амбулатории, что находилась рядом.

Мастерская, в которую Тесла привел Помнящего, располагалась рядом с его жильем. Это был сегмент примерно таких же размеров, вели сюда три узких прохода, из которых два боковых закрывались толстыми плитами. Возле каждой стены стояли высокие полки, набитые раскуроченными компьютерами, телевизорами и радиоприемниками. Кучи радиоэлектронного хлама валялись и на расставленных в центральной части помещения столах. Профессор, видимо, работал за большим письменным бюро, втиснутым между двумя бронированными шкафами у короткой поперечной стены справа от входа. Похоже, это было единственно место, не считая пола, на котором можно было что-то положить.

— Я копил эти сокровища годами, — сказал Тесла, шагая в сторону хорошо освещенного стола, на котором под куском материи лежало нечто плоское, — пусть даже в целом это — бессмысленное скопление рухляди. Сейчас невозможно найти оборудование, не уничтоженное электромагнитным импульсом.

— Далеко в предместьях... — начал Учитель.

— Да-да,— пробормотал, кивая, профессор.— Далеко в предместьях что-то, возможно, и есть, но кто рискнет туда отправиться?

— Уж наверняка не я,— усмехнулся Помнящий, когда они остановились у бюро.

— Уже почти время,— заявил Тесла, поднимая матерку.

Лишенное корпуса, сложенное из нескольких слоев печатных плат, соединенных массой проводов, устройство выглядело как кучка случайных запчастей. Присмотревшись поближе, Помнящий заметил несколько потенциометров и кабели, ведущие к помещенным в шкафах громкоговорителям.

— Это что, радиостанция? — спросил он удивленно.

— В некотором смысле,— согласился профессор, нажимая какую-то клавишу. Из колонок полился громкий шум.— Это, увь, только приемник. А жаль,— добавил он печально.

— Отчего же?

— Прошу вас послушать.

С минуту ничего не происходило, а потом... Потом раздалось несколько громких потрескиваний, и они услышали голос. Искаженный, порой исчезающий, но явственно слышимый. Кто-то говорил, причем — не по-польски.

— Русские? — прошептал Помнящий.

— Русские,— подтвердил профессор, гордо взглянув на приемник.

Новые и новые слова, нервные и обрывистые, плыли в эфир. Большая часть звучала довольно знакомо.

— Что он говорит?

— Передает из Москвы. Вызывает другие города. Ежедневно, в одно и то же время.

Стало ясным, откуда Тесла знал, когда надо включать приемник.

— Невероятно! — Учитель возбужденно заходил туда-обратно.— У них там было метро, очень сложное, если верно помню. Там они, вероятно, и выжили — как мы в каналах. А в нем осталась инфраструктура, оборудование,— он осекся и прислушался.— Что он сейчас сказал?

— Минутку... — профессор поднял палец, дослушал сообщение с той стороны и перевел: — «Вы что же, все там вымерли...» Что-то такое.

— Кто-нибудь когда-нибудь ему ответил?

— Насколько я знаю, нет. А потому он все сильнее нервничает и накручивает себя.

— А вы не можете что-нибудь смастерить, чтобы дать ему о нас знать? — Помнящий указал на окружающие их кучи разбитых компьютеров.

— Если бы я мог — давно бы уже ему ответил, — отрезал Тесла. — Несмотря на то, что он — русский.

— Серьезно?

— Вы о чем?

— Старый порядок рухнул двадцать лет тому, а вы все еще не доверяете россиянам?

Профессор нервно поправил очки.

— Вообще-то вы правы, капитан. Теперь мы, самое большое, вrocławцы, а они — москвичи. наших государств уже давно нет, и ничто не указывает, чтобы мы когда-нибудь сумели выстроить их снова. Но... — он задумался на миг. — Я какое-то время назад разговаривал с Господином Яном. Спрашивал, должно ли нам объявить о полученной информации. Его советники посчитали, что — нет. Единогласно. Да и ему, похоже, эта идея не слишком пришлась по нраву.

— Почему? Люди воодушевятся, если узнают, что выжили не только они. Что где-то есть город, в котором все еще сохраняется шанс на возрождение цивилизации.

— Вы так полагаете?

— А вы считаете иначе?

— Увы, — вздохнул ученый. — Мы получаем все более нервные сообщения от единственного человека. Никто ему не отвечает. Вы видите в этом нечто позитивное?

Учитель открыл рот, словно собираясь ответить, но не произнес ни звука. Он не подумал об этом аспекте происходящего. Для людей, скатывающихся все ниже и проигрывающих все новые битвы с природой, информация о том, что где-то есть оди-

нокий радиоаматор, которому не удалось установить контакт ни с одним большим городом, может оказаться последним гвоздем в гроб.

— Будь у нас побольше таких людей, как вы... — отозвался он после долгого молчания.

— Даже сто гениев не придумают способ совладать с новой экосистемой. — Тесла рассмеялся, когда понял, как это прозвучало. — Нет, я вовсе не считаю себя гением. Так, обычный интеллигент. Ученый. До войны я работал в университете. Был доктором наук, даже не в постоянном штате. Профессором меня называли эти простаки, — кивнул на сводчатую стену, то есть на Място. — Для них обычный магистр — уже кто-то вроде Эйнштейна.

— Я кое-что об этом знаю, — признался Помнящий, оперевшись на один из бронированных шкафов. Русский как раз замолчал, раздавшийся треск дал понять, что он отключил аппаратуру. — В своем анклавe я устроил школу, отчего меня называли Учителем.

— Мне казалось, что вы — солдат...

— Был им. Четыре года службы в спецвойсках. Потом перешел в частный сектор. Перед Атакой я работал в фирме, мы охраняли политиков и знаменитостей.

— Чудесно. Но откуда тогда эта тяга к учительству, могу я спросить? — Тесла отключил и снова накрыл приемник.

Заботился об оборудовании, словно о собственном ребенке. Ничего странного: это могло оказаться последнее действующее радио к западу от Днепра.

— Смею надеяться, что я не идиот. Заметил, что все вокруг сыплется, и решил делать с этим хоть что-то, совсем как тот москвич, — он специально употребил название, которое минуту назад использовал сам ученый. — Я посвятил этому восемнадцать лет. Через мою школу прошли два поколения обитателей анклава. Я учил читать, писать, считать и сражаться. Тем, кто был поумнее, излагал также основы медицины, истории, географии и химии. Вбивал малышам общие знания, одновременно вкладывая им в головы, что следует делать, чтобы выжить. И знаете, как меня отблагодарили?

— Догадываюсь,— усмехнулся Тесла.— Вы получили, если верно понимаю, мгновенный расчет?

— Мягко говоря.

— Да уж...— ученый снял очки, протер их.— Прошу не принимать этого на свой счет, но нынче наука не в чести.

— Но ведь знание — это сила,— возмутился Помнящий.

— Вы это знаете, я это знаю, но для всех прочих уцелевших это уже не настолько очевидно.

— Не понимаю...

— Это непросто понять, но оно так и есть. Вот скажите мне, зачем людям, которые обитают в каналах, знания об истории, географии или литературе? Где они сумеют этим воспользоваться?

— Вы шутите.

— Нисколько. Я говорю серьезно. Если вы задумаетесь, то и сами поймете. Это плохо, мы знаем об этом, но это, увы, неизбежно... Мира, описываемого в книгах, которые вы даете детям для чтения, уже нет. И никогда не будет. Медицина? Зачем кому-то ее основы, если последние лекарства мы использовали лет пятнадцать назад, а если вы найдете их где-то на поверхности, пропущенные собирателями таблеток, то скорее отравитесь, чем излечитесь. Или, например, диагностируете вы воспаление желчного пузыря — и что дальше? Пациент все равно умрет, если дело уже дошло до воспаления. Да... Большинство знаний, которыми мы владеем, сделались бессмысленными,— он подчеркнул последнее слово.

— А история? Без нее мы перестанем быть...

— Кем? — перебил его Тесла.— Людями?

— Поляками.

— Уж простите, но мы ведь только что об этом разговаривали. Вчера мы были просто вроцлавцами. Сегодня — граждане Вольных Анклавов, Лиги, Нового Ватикана. А что будет завтра? История — это список цивилизаций, которые обрушились и никогда уже не восстанут. Это прекрасная повесть о людях, которые так долго стремились к самоубийству, что, в конце концов, его совершили.

— Вы говорите, как...

— ... как беспристрастный ученый, который видит вещи такими, какими они являются. Без розовых очков и идеализации. Как я уже говорил, мне это нисколько не нравится, но я понимаю, что тут причина, а что — результат, и, увы, я не вижу и шанса удержать этот расклад.

— Знаете что? — Помнящий оторвался от шкафа. — Идя сюда, я многое обдумал. В том, что вы говорите, есть немало правды, но я делаю из представленных вами фактов совершенно другой вывод и все еще вижу смысл в сохранении знания.

— Вы меня не поняли, поручик... прошу прощения — капитан. Я не сказал, что мы должны все позабыть. О, нет. Знание необходимо сохранять, но так, как это было сделано после падения Римской империи. В так называемые средние века. Я лишь не поддерживаю идеи распространения знания в обществе. Оно должно культивироваться в закрытых коллективах, где науку будут наследовать избранные, лучшие из лучших. Только таким образом мы не утратим то, что накопили наши предки. Сколько, например, ваших учеников сумеют процитировать знаменитые строки «Пана Твардовского»?

— Человек пять-семь.

— А сколько — поймет?

Учитель не ответил. Профессор предлагал самый худший сценарий, но в одном был прав. Из года в год становилось только хуже. Нежелание учиться нарастало. Как и сопротивление. Причем, как со стороны родителей, так и самих учеников. Отчего так? Теперь, когда Помнящий услышал эти безжалостные тезисы, до него дошло, что девяносто процентов знаний, которыми он грузил детей, никогда не будут применены. Им сегодня хватит основ чтения, письма и счета. Для всех остальных то, что он годами в них вбивал, просто балласт, от которого они избавятся при первой возможности. Что с того, если будут неправильно выражаться, — и до войны с этим было не слишком-то хорошо, а мир как-то стоял. Всю географию можно свести к плану собственного города. Никому не удалось — и не удастся — покинуть его границы. Так зачем знать, как выглядят далекие кон-

тиненты, если нет возможности увидеть собственными глазами даже городские окраины? Зачем знать, что кто-то страдает от одной из тысяч известных болезней, если невозможно облегчить страдания?

На самом деле стократ важнее сегодня была школа жизни. Долше проживет тот, кто лучше владеет мачете и пращей, а не тот, кто по памяти цитирует даты величайших когда-то битв и имена знаменитейших когда-то генералов. В этом жестоком мире выживут те, кто изготавливает более ровные стрелы и точнее ими стреляет. Долше прочих проживет человек, знающий, как правильно фильтровать воду. Если возникнет такая потребность, ремесленники обучат своих сыновей и дочерей, но для этого им не понадобится углубленное знание чтения и письма — пусть умения эти не слишком-то им и помешали бы.

Никто не заметит, что школы, вроде той, которую он держал восемнадцать лет, исчезнут из туннелей анклавов. И никто не будет по ним тосковать.

— На этот раз не будет никакого ренессанса,— проворчал он.— Мутанты устроят нам осень средневековья... а потом все закончится.

— Вы это довольно живописно представляете. И хотя это несколько обидно, но я боюсь, что — правдиво,— кивнул Тесла.— Мы не знаем...

Он замолк, увидев заглядывающую в мастерскую Искру.

— Дед,— позвала она, радостно скалясь.— Двигай. Доктор сказал, сейчас твоя очередь.

Учитель глянул на нее внимательней. Выглядела она иначе. Чище.

ГЛАВА 38

ВОЛНЕНИЕ

Перевязать раны и наложить швы на те, что казались опасней прочих, заняло у врача почти полчаса. За это время Немой успел уснуть. Лежал он, свернувшись в клубок, прижимаясь к мягкой подушке той частью лица, которая опухла поменьше. Учитель сносил пытки молча, внимательно следя за сыном и мысленно проклиная кузнеца, из-за которого ему пришлось покинуть бедный, но, по крайней мере, спокойный анклав. Если бы не Станнис и его заговоры, парню не пришлось бы пережить столько ужасов. Перед глазами Помнящего промелькнули воспоминания о теньке, глотающем шарика, о поднимающейся крышке люка на площади, о свете солнца в расширяющейся дыре ломающейся трубы...

— Ну вот и все,— слова Знахаря вырвали его из задумчивости.

— Спасибо,— проворчал он, вставая с лежанки.

Он заботился о личной гигиене настолько, насколько это оставалось возможным в каналах, но таким чистым не был очень давно. Тесла позволил ему насладиться душем, не подгонял, не ныл, что Помнящий расходует ценную воду. С другой стороны, ученому не приходилось экономить. Немцы позаботились о доступе к артезианским водам, а он воспользовался этой более чем

столетней инфраструктурой, слегка ее улучшил и соединил ближайший колодец с помпой и фильтрами, благодаря которым мог хоть плавать в недоступной другим роскоши.

— Чувствую себя, словно Чистый, — заявил Учитель, надевая подаренную ему ученым изрядно ветхую футболку.

— Но вы не выглядите одним из них, — весело произнес врач.

Помнящий окинул его быстрым взглядом.

— А вы их когда-нибудь видели?

— Кого?

— Чистых.

Знахарь отложил вымытые в мыльнице инструменты.

— Думаете, у меня была такая возможность? — спросил он уже без веселья в голосе.

«Откуда это внезапное беспокойство?»

— Вы сказали, что я не выгляжу одним из них.

— Ну... — врач судорожно пытался собраться с мыслями. Еще он сильно вспотел. — Это было просто замечание. Обычная шутка. Вы приняли мои слова всерьез?

— Я всего лишь спросил.

— Чистые — городская легенда, как все эти разговоры о не-отравленной земле, о сетях никому не известных туннелей и о подземном городе. Вы слышали те русские сообщения?

— Да, профессор показал мне свой приемник.

— Тогда вы знаете, как обстоят дела на самом деле.

Помнящий кивнул. Тишина в эфире. Москвич, тщетно вызывающий к людям. Статические разряды — единственный ответ. Атака закрыла один из этапов развития человечества, и как знать, не последний ли.

— Увы, но...

В дверях появился Тесла. В руках он держал поднос с небольшой чашечкой. Фарфоровая посуда, абсолютно целая, что само по себе было небезынтересно, но куда привлекательней выглядело ее содержимое.

— Вижу, процедуры закончены, — заметил ученый, прерывая разговор.

— Каждый раз, когда ты вызываешь меня в гости,— отозвался Знахарь,— мне кажется, что я — кто-то вроде портного. Раз за разом штопаю какие-то дыры.

Они засмеялись, а Помнящий после короткой паузы присоединился к ним. Общая длина шрамов, которые он на себе носил, наверняка превышала его рост. Годы войны, причем не в лучших условиях, взяли свое.

— Прошу, капитан,— Тесла повел подносом в сторону гостя.

— Что это? — даже с такого расстояния Учитель чувствовал травяной аромат.

— Это уменьшает боль,— профессор кивнул на Немого.— Иначе бы он не заснул.

— Вода, электричество — это я понимаю, но откуда у вас эти чудеса? — удивился Помнящий, принимая напиток.

— Вы знаете, как люди в старые времена открывали лекарственные растения?

— Догадываюсь.

— Теперь — так же. Уцелевшие приносят нам то, что находят в руинах, а мы тестируем все на крысах. Раз на сто случаев натываемся на нечто полезное. Природа, в отличие от нас, пытается прийти в себя.

Учитель одним глотком выпил горячий напиток.

— Хорошо,— выдохнул он.

— А теперь прошу вас лечь,— Тесла указал на кровать, стоящую рядом с Немым.— Вам не мешает немного выспаться. Утром сообщу бургомистру о том, что вы прибыли. Это рассудительный человек, вы наверняка найдете с ним общий язык.

— Спасибо,— Помнящий с радостью нырнул в шуршащую постель. Пружины, прогнувшись под ним, скрипели всякий раз, когда он шевелился.

— Доброй ночи,— пожелал профессор, гася свет.

Он задернул шторы, отрезающие эту часть сегмента от освещенного коридора, и вышел.

Учитель закинул руки за голову. «Так много произошло за последние два дня,— подумал он.— Это лучший момент, чтобы лучше задуматься...»

* * *

Из полутьмы проявилось лицо умирающей женщины. Локоны светлых, волнистых волос заслоняли ее лоб по самые брови. Полуоткрытый рот наполнялся темной, пенной кровью. Сильно подведенные глаза раскрывались все сильнее, стекленея. Грудь, обтянутая ярко-желтой блузкой, застыла на половине хриплого вдоха. Из простреленной щеки все еще поднималась струйка синего дыма.

* * *

Помнящий открыл глаза и глубоко вдохнул. Его окружала темнота. Глубокая, чернильная, ничем не нарушаемая. Вокруг царила идеальная тишина. Когда он задержал дыхание, услышал лишь легкий звон в ушах. Он был совершенно один. Один? Немой!

Учитель хотел встать, но сумел лишь пошевелить головой. Запястья и щиколотки были связаны. Не веревки, а широкие жесткие пояса. Они охватывали ноги у коленей, бедер, шли через грудь.

— Эй! — заорал он зло. — Что вы со мной сделали, сволочи? Где мой сын?!

ГЛАВА 39

ЧИСТЫЕ

— Спокойно, поручик.

Он ее слышал, но не видел. Хотя после того, как зажгли свет, миновала уже целая минута, пораженные ослепительным сиянием ламп глаза продолжали слезиться.

— Где мой сын?!

— Поручик Ремер! — на этот раз и женщина повысила голос. — Успокойтесь наконец!

Он замер, напрягшись, словно струна, под широкими ремнями, которыми кто-то — наверняка профессор — привязал его к кровати. Откуда она знает его фамилию? Настоящую, довоенную? Он ведь не пользовался ею двадцать лет, с момента Атаки. И не без причин.

— Как ты меня назвала, девка?

Она не ответила. Помнящий слышал шелест ее одежды, а потому знал, что женщина осталась на месте, не отошла. Но — замолчала, едва лишь он начал ругаться.

Наконец моргание принесло хоть какой-то эффект: он уже не чувствовал сильного жжения, слезы тоже перестали литься. Учитель медленно повернул голову, чтобы глянуть в ту сторону, откуда ранее доносился голос. Увидел тени, абрисы челове-

ческих фигур. Женщина была здесь не одна, рядом стояли еще пара человек.

— Веди себя по-человечески,— рывкнул какой-то мужик.— Ты уже не в каналах.

Еще несколько морганий, и Помнящий начал различать подробности. Картинка прояснялась с каждой секундой. Около его постели стояли не три, а четыре человека. За худощавой женщиной, одетой в темно-синее, он увидел двух высоких мужчин в пятнистой полевой униформе. Четвертого мучителя заслонял один из солдат, а потому Учитель не мог присмотреться к нему внимательней.

— Кто вы такие? — прорычал он, на время оставив ругательства.— Где мой сын?!

— С Якубом все в порядке,— уверила его женщина.— Он сейчас под нашей опекой.

«Якуб?! Она знает его настоящее имя? Тогда наверняка знает и всю правду. Но как, откуда?»

Он дернулся снова. Так сильно, что сделалось больно.

«Это какой-то проклятуший кошмар. Я должен проснуться. Вот сука! Я должен...»

Улыбнулся про себя. Человек в собственном сне может быть богом, но тогда он должен понимать, что спит, как он сейчас.

«Это только бред, а потому достаточно будет, если я...»

Помнящий сжал веки, а когда снова открыл глаза... ничего не изменилось. Люди, кем бы они ни были, никуда не исчезли. Терпеливо ждали, пока он закончит дурить, а он... он все еще пребывал на проклятушей кровати, как псих в приличном дурдоме.

Это дало ему пищу для размышлений. Чтобы оставаться уверенным, он ущипнул себя за бедро — только до этого места и сумел достать. Было больно. И он все еще лежал в шуршащей постели.

— Где я? — спросил он, облизнув пересохшие губы.

— В госпитале,— ответила женщина.

— Во Вроцлаве нет госпиталей,— выпалил он.

— На поверхности и правда нет,— кивнула она.— Но мы находимся глубоко под землей.

Теперь Учитель видел их отчетливо. И челюсть его отвалилась. «Чистые», — подумал он со страхом, глядя на седоволосую женщину с очень бледным лицом, на котором не было ни единой оспинки или шрама. Одежда ее, пусть и ношенная, тоже не казалась нарядом, принесенным с поверхности. То же самое касалось и солдат. Были они куда моложе своей начальницы, но наверняка относились к Помнящим, как и он сам. С удивлением он поглядывал на их мундиры, потрепанные и поблекшие, но все еще хорошо выглядящие. Даже ботинки их сверкали, словно лишаи шариков.

— Вас нет, — шептал он. — Чем этот гребаный Тесла меня опоил?

— Мы есть, — уверила его женщина. — И мы изрядно потрудились, чтобы вас сюда доставить, поручик.

— Нет, нет и еще раз нет, — он зажмурился так сильно, как только сумел. — Я хочу проснуться!

— Это не сон, поручик Ремер.

— Чистые — легенда, — он замотал головой. — Детская сказка! Вас просто-напросто нет! — последнюю фразу он произнес непривычно медленно, нажимая на каждое слово.

— Тогда прошу оглядеться.

Учитель подумал и последовал ее совету. Уже первый взгляд на помещение, в котором он лежал, дал ему понять, что это не может быть бункер на Стшегомской. Все стены здесь были ровными и бетонными. На большей части — следы опалубки. Под потолком тянулись толстые кабели, от перегородки до самых дверей, где исчезали под косяком. Мебель тоже выглядела подозрительно хорошо, словно ее и не использовали последние лет двадцать. Все производило впечатление старого, но прекрасно оберегаемого бомбоубежища.

— Кто вы такая и откуда вы меня знаете? — вернулся он к теме, чуть успокоившись.

Помнящий сосредоточился на женщине. Он не знал ее, и она не была похожа ни на кого из тех, с кем он общался после того, как перевелся во Вроцлав. Потому не понимал, откуда она могла столько о нем знать — и откуда могла знать о Якубе.

— Мое имя Катажина Бондарчук. Я, как бы это сказать,— женщина заколебалась,— одна из тех, кто управляет этим проектом. Я вас не знаю, мы видимся впервые в жизни, но бумаги — никуда не деваются,— она взмахнула папкой, еще одним реликтом из мира, который перестал существовать.

— Откуда у вас мое личное дело? — спросил Учитель, рассчитывая, что, возможно, на этот раз ее ответ несколько прояснит ситуацию.

— У меня есть документы обо всех людях, связанных с проектом,— пояснила она коротко.

— С каким таким проектом? — выдохнул он. Надежды его лопнули, словно мыльный пузырь.

— Я понимаю, что вы чувствуете себя растерянным, поручик,— Бондарчук наклонилась к нему.— Но уже скоро вы все поймете. Клянусь.

— Почему я связан?

— Ради вашей и нашей безопасности,— ответила она искренне.— Мы не были уверены в вашей реакции. Некоторые из кандидатов... как бы это сказать... являлись не только потенциальной угрозой,— закончила она, видя, что он не почувствовал удовлетворения предыдущими объяснениями.

— Понимаю,— пробормотал Учитель, устраиваясь поудобней.

— Я прикажу вас освободить, едва лишь мы придем к пониманию,— уверила она.

— К какому пониманию? — насторожился он.

— Мы хотим, чтобы вы на нас работали.

— На вас — это на кого?

Бондарчук улыбнулась. Широко и искренне.

— На Польшу, поручик. На нашу родину.

— Похоже, вы давно не бывали на поверхности,— фыркнул он.

— Это правда,— призналась она.— Но это не меняет того факта, что я лучше вас знаю, как выглядит ситуация на самом деле.

Он засмеялся: хрипло, нервно и сразу же об этом пожалел. Раскашлялся, словно туберкулезник на сквозняке. Без свободы рук промучился с этим несколько минут. Ни один из наблюда-

ющих за ним людей и с места не сдвинулся, чтобы ему помочь. Наконец он пришел в себя, тяжело дыша.

— Надеюсь за моим сыном вы присматриваете лучше, чем за мной.

Бондарчук приблизилась на шаг.

— Закончим эти игры, поручик, — сказала она холодно. — Якуб не ваш сын, о чем мы прекрасно знаем, — она развернулась и двинулась к выходу, потом, правда, остановившись на пороге. Явно ждала, пока кто-нибудь из солдат — или, скорее, охранников — отворит для нее дверь. — Я и правда не понимаю, отчего вы его оставили в живых, — добавила она, глянув на него внимательней.

Помнящий пожал плечами. Что он должен был ей сказать? Он и сам не понимал до конца причин своего решения, и чем дольше задумывался над этим, тем менее был уверен в своей истинной мотивации.

— А вы умеете рационально объяснять любое из своих решений? — ответил он вопросом на вопрос.

— Нет. Но мы говорим не обо всех выборах, а лишь об одном из них, быть может, самом важном в вашей жизни.

— Скажем так: этот мальчик стал моим искуплением.

Она понимающе покивала.

— Надеюсь, вы окажетесь готовы к разговору, когда я вернусь.

И Бондарчук вышла, не дожидаясь ответа. Помнящий как раз собирался выругаться ей вслед, но так и замер с раскрытым ртом, когда увидел, кого еще выпускают из комнаты солдаты.

Четвертым человеком была девушка, и выглядела она словно... Искра. Он видел только ее спину, но двигалась она очень похоже... и эти рыжие волосы... Дверь захлопнулась, оставляя его наедине с мечущимися мыслями.

ГЛАВА 40

АТАКА

Дождило. Весь день, от рассветного часа, несмотря на то, что синоптики предсказывали, что будет это начало солнечно-го и по-настоящему теплого уикенда. Небо начало проясняться только к вечеру, когда оранжевый диск солнца коснулся горизонта. Прежде чем успел он полностью спрятаться за окоем, зазвонил телефон. С шифратором.

— Седьмой, на месте, говорит Ремер,— Павел откликнулся после первого же сигнала.

— Черный код. Повторяю: черный код,— услышал он механический голос, после чего раздался громкий щелчок разорванного разговора.

«Тревога?» — удивился он, но сразу же вскочил с топчана. Миновал холл и, не притормаживая, свернул на лестницу. Перепрыгивая через три ступеньки за раз, взбежал на третий этаж виллы.

Ненацкие были в спальне. К этому времени они еще не спали, но ненавидели, когда им кто-то мешает в вечернюю сиесту. Это был единственный момент дня, кроме, разве что, завтрака, когда у них выпадало время для самих себя, а потому они старались использовать его по максимуму. После двадцати ноль-ноль охране запрещалось входить на последний этаж дома, за исклю-

чением тревожных ситуаций — а именно с такой Ремер нынче и столкнулся.

Он встал под дверью, чуть задыхаясь от бега, поправил костюм и волосы, а потом постучал. Два раза, но решительно. С той стороны сразу же раздался голос госпожи Софии:

— Войдите.

Он поколебался, не любил мешать клиентам в интимные моменты, но на этот раз действительно не имел выбора. Впрочем, его ожидало нечто удивительное. Когда он открыл дверь, Ненацкие заканчивали складывать вещи, словно кто-то успел их предупредить о возможной тревоге.

— Прошу прощения за вторжение, но я получил сообщение об угрозе, — отрапортовал он, глядя на сейф сенатора.

— Да, я в курсе, — буркнул Теодор Ненацкий, не отрывая взгляда от документов. — Мы здесь справимся. А вы приготовьте машину.

— Вывести CL или «аваланч»?

— Возьмем «шевроле». В «мерс» все не влезет.

— Прошу поставить машину у дверей, Павел, — добавила сенаторша, после чего, уже когда он успел выйти, крикнула ему в спину: — И не забудьте про детское кресло!

Он не ответил — не было нужды. Поручение клиента — приказ, нужно его исполнять, хоть небо над головой рвись. Он сбежал на первый этаж, промчался вихрем через кухню, где горничная заканчивала мыть посуду после ужина. Напугал ее так, что она чуть не упустила фарфоровый кувшин из любимого сервиза жены сенатора. Но он не стал задерживаться, обронил только сдавленное: «Прошу прощения», прежде чем исчез за дверью гаража. Ворота открыл дистанционной, подскочив к лоснящемуся новенькому «аваланчу». Ненацкий заказал его сразу после просмотра первого сезона «Карточного домика». Хотел иметь машину, как у Фрэнсиса. Бедный толстый клоун; знал бы он, как потешаются над ним люди, даже те, которым он платил столько, чтобы те терпеливо сносили его концерты. От Андервуда у него было лишь одно: прозвище, данное ему некогда пьяненьким садов-

ником. Клэр*, — так начала называть его обслуга, когда он разболтал, зачем купил такую машину.

На заднее сиденье пошло запасное кресло, так как не было времени разыскивать основное по другим машинам. Ненацкий был глуп, как дерево, выглядел козел козлом, жену себе выбрал, похоже, на гаражной распродаже, но на машины имел нюх. Жаль, что только на них.

Павел завел мотор и подъехал к центральному входу. Ненацких еще не было, и он решил, что поможет им с багажом, чтобы никто из тех, кто наверху, не стал его потом ни в чем обвинять. Черный код означал следующее: руки в ноги и уматываем, не размышляя.

Прежде чем он открыл дверцу, снова почувствовал вибрацию мобилки. Ответил, не проверяя даже, кто звонит. В трубке услышал вой сирен и задыхающийся голос Анджея, приятеля — даже друга — по фирме.

— Что там? — спросил он встревоженно, выходя под дождь.

— У тебя тоже смола?

Смола, то есть черный код, их профессиональный слэнг.

— Да.

— Знаешь, что там?

— Нет, — он был уже у дверей.

— Это война, старик.

— Что? — остановился он посреди холла.

— Они эвакуируют весь хлев.

— Откуда знаешь?

— Весек звонил только что. Все убегают. Всё, мужик.

— Нихера себе.

— Ты уже получил бейдж?

— Какой бейдж? — спросил он, поднимаясь на второй этаж.

— Эвакуируют только тех, у кого есть специальные карты доступа. Клэр должен был дать тебе такую. Только не задевай ее никуда, а то не пустят тебя в убежище.

— Да уж наверняка не потеряю.

* Герои сериала «Карточный домик» — «House of Cards» (США, 2013): беспринципный политик Фрэнсис Андервуд и его жена Клэр Андервуд.

— Держись, старик, я должен лететь, мои уже влазят на борт.

Отключился. Ремер преодолел оставшиеся ступеньки, раздуывая о том, что услышал. Война? С кем? Еще четверть часа назад он сидел в служебной комнате у телевизора и ничего не слышал ни о какой угрозе.

Он остановился возле притворенных дверей, поднимая руку, чтобы постучать, как приказывал протокол, но не стал этого делать. Из спальни доносился резкий голос. Клэр разговаривал с кем-то по телефону.

— Откуда знаешь? Это точно? Уже запустили? Сколько времени осталось? Сука!

Значит, правда. Война.

Павел постучал и вошел, не дожидаясь разрешения. Сенатор стоял у стола бледный, словно мел, испуганный, а его жена присела на постели, прижимая к груди сына. Несмотря на толстый слой макияжа, выглядела она как собственная смерть.

— Ремер, собираемся! — крикнул сенатор, хватая несессер. — Бери чемоданы.

— А что с моей картой, сенатор? — спросил Павел, ухватившись за ручки набитых чемоданов.

— С какой картой? — Ненацкий глянул на него непонимающе.

— Центр передал мне, что у вас для меня какая-то кодовая карта, которая дает...

— Да что за хрень, мужик? Нет у меня никакой карты. Берись за чемодан — и вперед в машину.

— Погодите, погодите... — Павел расправил плечи.

— Ремер, не зли меня! — сенатор выхватил пистолет из кобуры.

Небольшой полицейский «вальтер-РР», еще одна игрушка, рассмотренная на экране. На этот раз — у Бонда.

— Сенатор, спокойно, — Ремер выставил перед собой руки. — В оружии нужды нет. Я хотел только...

— Пасть закрой, сволочь! — взбешенный Ненацкий потряс пистолетом. — Берись за чемодан! Вперед!

Павел заметил, что его работодатель не снял ствол с предохранителя. Это было ошибкой, большой ошибкой. Павел спо-

койно вытянул «глок», глядя прямо в расширившиеся глаза политика.

— Моя карта! — сухо произнес он, взяв пистолет двумя руками.

Сенатор нажал на спуск, а когда оружие не выстрелило, глянул на него в панике, поняв, что что-то сделал не так. Он бросил несессер, второй рукой потянулся к предохранителю и погиб, когда потные пальцы легли на рычажок. Гром выстрела слился с криком сенаторши. Ремер не успел повернуться. Почувствовал удар, а потом острую боль в спине, у лопатки. Полетел вперед, споткнувшись о труп сенатора. Успел развернуться и непроизвольно нажал на спуск. Женщина, которая только что атаковала его, стояла теперь с ребенком в одной руке и с маникюрными ножницами в другой.

Он попал в нее, хотя особо не целился. Пуля вошла под острым углом, над верхней челюстью. Пани София полетела назад, выпустив сына. Маленький Куба падал медленно, словно листок, по крайней мере, так оно выглядело для переполненного адреналином охранника. Пани София стояла возле большой кровати, и ребенок ударился головой в дубовую раму, отскочив от нее, словно тряпичная кукла. Жена сенатора рухнула на пол секундой позже, и в спальне снова воцарилась идеальная тишина.

Но только на миг, поскольку дверь распахнулась, ударившись в старый гданьский шкаф. Ремер снова выстрелил. Был в таком шоке, что перестал себя контролировать. Горничная охнула, схватившись за живот. Между пальцами ее потекла густая кровь. Девушка упала на колени, покачнувшись, а потом рухнула лицом вниз.

Павел громко сглотнул. «Что я наделал? — подумал он, отбрасывая пистолет в угол комнаты. — Что я наделал?»

Ему понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя. Он не хотел никого убивать, хотел лишь выбить из этого старого козла свой пропуск. Это ведь война. Без него он не будет иметь ни шанса... Мысль о гибели заставила его прийти в себя. Если он расклеится, потеряет последний шанс на спасение.

Павел двинул правым плечом. Боль усилилась. Он неловко поднялся, опираясь о труп сенатора. Измазал руку в густеющей

крови. Вытер пальцы о штаны, не переживая об испорченной вещи. Проверил, сильно ли ранила его эта корова. К счастью, ножнички только распороли кожу, глубоко и болезненно, но не нанесли серьезного урона.

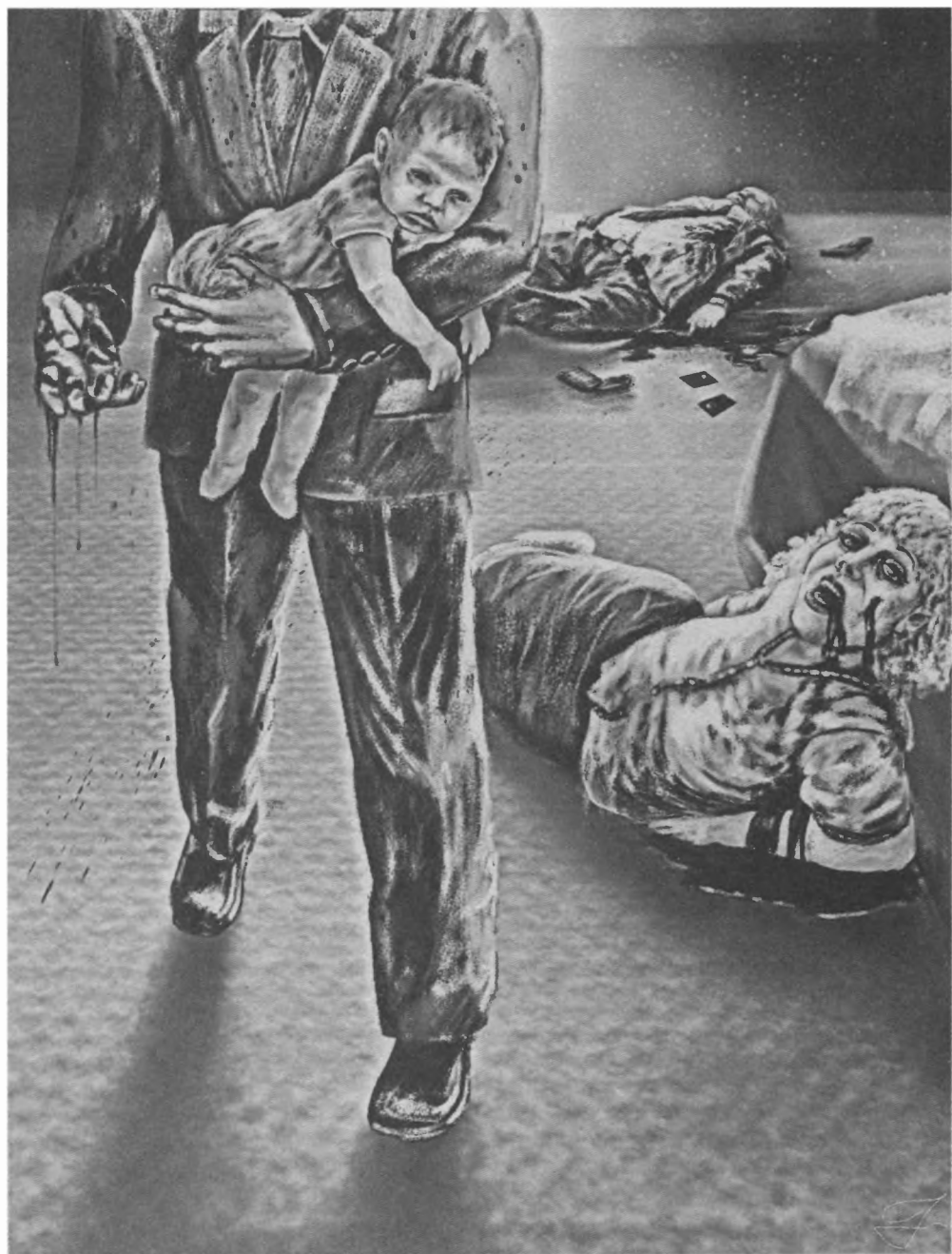
«Война. Запустили». В ушах его звучали слова Анджея и сенатора. Забыв о ране, Павел подбежал к сенатору и принялся обыскивать его несессер. Не нашел там ничего, что напоминало бы карточку доступа. Принялся тогда ощупывать карманы. Во внутреннем, рядом с портмоне, оказались три небольшие карточки, повешенные на шнурках. Со снимками, чипами и штрих-кодами.

— Вот сука! — выругался Ремер, глядя на дырку от пули: та прошла точно через портмоне, прошив и деньги, и карточки. Кровь залила все остальное, но бейджи были заламинированы, потому — можно было попробовать их отмыть.

Павел глянул внимательней. Черета неудач не прекращалась. Пуля попала в штрих-код, в таком состоянии карты прочесть его будет невозможно. Немного подумав, он отбросил карты пани Софии и ребенка. На них он не походил совершенно. С Ненацким его тоже спутал бы лишь пьяный слепец, но, по крайней мере, у него будут документы на мужчину. На всякий случай, он послал вторую пулю — прямо в фото. Может, в общем замешательстве кто-то да проглотит его историю.

Ребенок заплакал, когда Павел переступал через мертвую горничную. Он остановился на пороге. Адреналин все еще помогал ему соображать и действовать быстрее, а потому он принял решение моментально. Вернулся, поднял раненого малыша, а потом взял его пропуск. Так он получал дополнительный козырь, поддерживающий его историю. Отворачиваясь, глянул в лицо мертвой жене сенатора.

Из полутьмы проявилось лицо умирающей женщины. Локоны светлых, волнистых волос заслоняли ее лоб по самые брови. Полуоткрытый рот наполнялся темной, пенной кровью. Сильно подведенные глаза раскрывались все сильнее, стекленея. Грудь, обтянутая ярко-желтой блузкой, застыла на половине хриплого вдоха. Из простреленной щеки все еще поднималась струйка синего дыма.

ГЛАВА 41

ДОГОВОР

Учитель сидел на постели, растирая покрасневшие запястья. Бондарчук сдержала слово. Сделала даже больше: приказала развязать пояса еще до того, как они приступили к серьезному разговору, и позволила ему пройти в изолятор, где находился пострадавший Якуб. Дала им пять минут пообщаться.

Теперь ему не приходилось бояться. Когда Помнящий понял, что Чистые не только существуют, но и знают о нем все, он перестал сопротивляться. Дальнейшее упорство было бесполезным, особенно учитывая, что Немой оставался в их руках. Да, он предпочитал использовать это прозвище, а не настоящее имя сына... сенатора. По крайней мере, оно не ассоциировалось у него с пережитым кошмаром.

— Заканчивайте,— седоволосая женщина вырвала его из задумчивости.

— Да, конечно. Я поехал к месту сбора, но... было уже поздно. На перекрестке Кривоустого... кажется, улица называлась так... стояли только брошенные машины. Десятки дорогих авто, открытых, с ключами в замке. Тогда я понял, что все проср...— он вспомнил, что Бондарчук не любит вульгарности,— проспал. Подумал, что должен уехать как можно дальше из города. Потому свернул на шоссе и дал газу. Но, прежде чем успел проехать

Собачье поле, услышал вой сирен. Радио начало транслировать предупреждение. На всех работающих станциях. Говорили, что война. Я слышал сообщения о разрушенных Гданьске, Ольштыне, Варшаве, Кракове... — он перестал перечислять, хоть список этот был куда длиннее. — Требовали также, чтобы каждый, кто может, укрылся в подвалах или сошел в каналы. Я прислушался к этому совету. Другого выхода просто не было, к тому же машину вырвало посреди дороги. Все отказало: фары, мотор, радио... — он замолчал, вспоминая тот миг. Снова почувствовал обездвиживающий ужас, ту парализующую хватку, когда было неясно, успеет он спуститься под землю, прежде чем над центром Вроцлава вспыхнет миллион солнц. И неумолимое желание оставить ненужного ему мальчишку. Отдать его любой женщине, которую повстречает, или оставить в ближайшей подворотне. Вздрыгнул от этого воспоминания. — Я понимал, что это значит, не дурак же, — добавил он, поднимая голову и глядя Бондарчук в глаза. — Вы знаете, почему началась та война?

Женщина ответила не сразу, но по выражению ее лица Учитель понял, что она вовсе не играет.

— Нет. Ходили разные слухи и теории, но все они — только домыслы. Мы знаем, что во время маневров НАТО в Литве россияне запустили «Искандеры». Спровоцировали их или это была ошибка испуганного человека — навсегда останется тайной. А потом сработал принцип домино.

— Миллиарды людей погибли из-за чьей-то ошибки? — Помнящий покачал головой.

— Это только теория на основе доступных данных, нельзя сказать наверняка, — заявила она. — Никто не знает, что случилось на самом деле. Однако оставим эту тему, нам бы поговорить о другой войне.

— Хорошо, пани Катажина, — он чувствовал себя странно, используя — после стольких-то лет — нормальные, довоенные имена. — Я весь внимание.

— Я не стану ходить вокруг да около. Нам нужны люди с военным опытом, которые помогут нам взять ситуацию под контроль.

— Какую ситуацию?

Она снова ответила не сразу. Сперва тщательно обдумала, что хочет и может ему сказать.

— Последние несколько лет вы жили в изоляции, как и большая часть обитателей на севере Вроцлава, потому вы не знаете, что многое изменилось.

— Полагаю, мы как раз к этому подошли.

— Верно,— кивнула она.— Во-первых, уже нет Купеческой республики.

— Да вы шутите!

— Нет,— она поерзала в кресле.— Три года назад самая богатая фракция перестала существовать.

— Чушь! — фыркнул Учитель.— На Башне все еще горит огонь. Я видел его прошлой ночью.

— Да, горит. Но вовсе не затем, чтобы показывать дорогу странникам и давать надежду тем, кому она необходима.

— Купцы были силой, кто сумел их одолеть? — спросил он с недоверием в голосе.

— Лектерцы,— ответила она, сохраняя каменное лицо.— Кажется, так их теперь называют.

— Каннибалы? И каким чудом они сумели разгромить богатый юг?

— Мы слишком сосредоточились на центральных районах. И мы, и вы, там, на севере. А где уцелело больше всего людей?

Помнящий решил, что этот вопрос — вовсе не риторический.

— На окраинах...

— А те территории никого не интересовали. Сперва они были слишком далеко, чтобы о них задумываться, а потом у нас были проблемы посерьезней. Когда же мы очнулись — было уже поздно... — она замолчала на миг, словно собираясь с мыслями.— Вы знаете, как до войны называли южную окраину Вроцлава? Та, на руинах которой расцвела Купеческая республика?

Он не помнил. То есть, что-то такое припоминалось, но не до конца.

— Вещь? — скорее спросил, чем ответил он.

— Нет, Вжещ — часть Гданьска. Во Вроцлаве у нас были Кжики.

— Точно. И какое это имеет отношение к нашему разговору? Бондарчук грустно улыбнулась.

— Такое, что название это — «Крики» — впервые сделалось адекватным. Такой резни город еще не видел, если не считать самой Атаки...

— И вы не поддержали купцов в этой битве? У вас же есть оружие! — Помнящий указал на охранника с пистолетом, висящим на поясе. А по пути сюда видел он и других солдат, с автоматами. И наверняка они носили их не только напоказ. — Это ведь не муляжи.

— Нет, но... — женщина заколебалась. Как видно, вступала на тропу, которой предпочитала не ходить. — Нас маловато, поручик, — выдохнула она наконец. — Кроме того, помните, как вы поступали с другими бункерами? Мы предпочли не разделять судьбу Избранных.

— Не преувеличивайте, прошло уже столько времени...

— Война Черных Скорпионов и Полос тоже закончилась давным-давно, однако вас приветствовали весьма горячо.

Учитель замолчал. Бондарчук была права, но не это было самым интересным. Их слишком мало? Он не подал виду, что эта информация не на шутку его удивила. До этого времени он видел немного: несколько коридоров бункера и десяток-другой крутящихся тут людей, но все равно казалось ему, что Чистые — одна из сильнейших фракций Вроцлава.

— Что значит: слишком мало? — спросил он осторожно, вернувшись к вопросу, который сейчас заботил его больше остальных.

— Это тема для другого разговора, поручик.

— Прошу хотя бы в двух словах.

Она тяжело вздохнула.

— Проект предполагал размещение в подземном городе почти тысячи человек, но война вспыхнула так неожиданно... Мы были пойманы врасплох, как и все остальные. И так чудо, что нам удалось реализовать план хотя бы на тридцать процентов.

«Триста пятьдесят Чистых. Самое большое», — подсчитал он быстро. В канале все еще обитает раз в двадцать, а то и в тридцать больше уцелевших. Не считая, конечно, идущих с окраин лектерцев. Это и правда не слишком-то удобный расклад сил, хотя огнестрельное оружие изрядно нивелировало разницу.

— Если я правильно понимаю, вам нужен кто-то вроде посла, — проговорил он, переходя к сути. — Человек, который даст вам союзников, подготовит почву для сотрудничества и станет присматривать за настроениями.

— Не совсем. Нам нужны командиры, которые поведут армию уцелевших против лектерцев и отобьют юг.

— Командиров, — повторил он. — Таких людей, как я?

— Верно.

— И я должен их для вас отыскать?

Бондарчук решительно покачала головой.

— Нет.

— Нет?

— Мы прекрасно знаем, кто нам нужен. Вашим заданием будет привести этих людей к нам.

— Может, вы сами к ним пойдете? Меня-то вы вытащили без проблем.

Бондарчук громко рассмеялась, словно он позабавил ее до слез.

— Я сказал что-то смешное? — нахмурился он.

— Да, простите, — ответила она, успокоившись.

— Например?

— Вытянуть вас из анклава Иного было одним из самых сложных заданий — прежде всего из-за вашего бессмысленного сопротивления.

Помнящий оторопел. Он понимал, что Чистые обладают его личным делом с довоенных времен, поскольку был связан с персонами, входившими в список проекта, но не понимал, откуда они знают, где он был и чем занимался после Атаки. Разве что...

— Это вы были таинственными нанимателями кузнеца... — догадался он, и взгляд его вдруг сосредоточился на седой женщине.

Заметив его реакцию, охранники сразу же потянулись к оружию. Бондарчук удержала их одним жестом.

— Прошу меня выслушать, прежде чем вы снова начнете сердиться,— попросила она.— Вы увидите, что наши намерения были чисты.

Он смерил взглядом обоих солдат. Профессионалы. Двигались уверенно, решительно, он не заметил никаких признаков замешательства, которое могло бы привести к ошибкам. Имей он «глок» — возможно, сумел бы нейтрализовать угрозу, но голыми руками...

— Тогда — слушаю,— кивнул Помнящий.

— Станнис был нашим агентом, это правда. Но он не знал, на кого именно работает. Его заданием было проникнуть в Вольные Анклавы и собрать информацию о людях, которые могли бы нам пригодиться. Вы были в самом начале его списка, а потому, когда пришло время, мы отдали приказ выманить вас из анклава Иного,— она подняла руку, увидев, что Помнящий собирается ее прервать.— Прошу дать мне закончить. Я быстро. Он должен был доставить вас в коллектор в Запретной Зоне. Там бы вас перехватил наш патруль, но...

— ... неонки перечеркнули ваши планы,— закончил за нее Учитель.

— Да,— призналась она, колебавшись.

— А этот, как его там, Горлум — тоже работает на вас?

— Да. Только он спасся...

— Он здесь?

— Нет. Сидит в одном из наших укрытий на пограничье. Через несколько дней вернется, как будто из патруля.

— Погодите...— Помнящий так внезапно вскинул голову, и оба охранника напряглись.— Там, на Слепой Ветке, были ваши люди! С рациями!

— Да,— она даже не пыталась этого отрицать.— Я приказала им отступить, когда они отрапортовали, что к анклаву приближаются уцелевшие. Тогда-то вы и пропали у нас с радаров.

— У вас в туннелях есть радары?

— Конечно нет. Это просто идиома. Мы потеряли вас из виду.

— Я вернулся в анклав Иного,— пояснил он, не вдаваясь в подробности.

— Я догадалась,— кивнула она.— Потому приказала приготовить альтернативную трассу.

И в этот момент его что-то словно укололо.

— Во время нашего последнего разговора с вами была де-вушка,— медленно проговорил он.— Низкая, худощавая, одетая в черное.

— Да. Аня попросила, чтобы я взяла ее с собой.

— Вы хотели сказать: Искра.

— Я говорю только то, что хочу сказать, поручик,— Бондарчук чуть усмехнулась.— Ее зовут Аня.

На некоторое время они замолчали. Перед его глазами пронеслись десятки картин. Ничего странного, что она цеплялась к ним, словно молодой высосоль к шариковому хвосту. Это не они ее вели — она их. Открыла люк, когда понадобилось, не сбежала, когда они прятались в корабле, показала туннель...

— Погодите. А ее брат, как там его...

— Цыкача никогда не существовало. Она придумала его как часть своей легенды прикрытия. Признайтесь, что у девочки — невероятная фантазия. Поймать ее невозможно. Врет как по нотам. Выкарабкается отовсюду.

— Однако Полос она убедить не сумела.

Бондарчук скривилась с отвращением, когда вспомнила, что сделали болельщики с Искрой.

— Это не люди...

— Госпожа гениальный агент подставила меня, как последняя идиотка,— напомнил Учитель.

— Правда. Единственный раз дала роли увлечь себя. Но не забывайте, что она потом реабилитировалась на арене.

Факт. Без ее подсказки они бы живыми из склада не ушли.

— И каким же чудом она меня выследила? — спросил он, переварив последнее сообщение.

— А вы думаете, я послала туда только ее?

— Догадываюсь, что нет.

— И очень правильно догадываетесь. Мы подняли всех наших агентов, действующих около и в самом государстве церковников. Признаюсь, вы попортили нам немало крови, а себе и Якубу доставили много боли и хлопот. Если бы только вы послушались совета Ани там, в коллекторе, то попали бы к нам еще вчера. Целыми и невредимыми.

— Ну да, если брата у нее не было, то она не могла идти на его могилу. Догадываюсь, что она использовала это как предлог для контакта с вами.

— Верно. Я попросила, чтобы она вас задержала. Нам бы хватило и получаса...

Помнящий прикрыл глаза.

«Если бы не мое упорство, Немого не мучили бы. Достаточно было просто послушать Гвоздя и войти в коллектор под Зонной. Мне не пришлось бы никого убивать, я бы не подвергал опасности ни себя, ни мальчишку...»

— Одного я не понимаю,— сказал Учитель, когда вновь сумел сосредоточиться.— Если у вас настолько хорошая сеть агентов, почему меня не вытащили из Вольных Анклавов более простым способом? Зачем все это представление с бегством под Зону?

— Хороший вопрос, поручик,— ответила Бондарчук.— Несмотря на все то, что вы о нас думаете, мы не всевластны, а более всего ограничивает нас инфраструктура.

— Не понимаю.

— Вы догадываетесь, где мы сейчас находимся?

— В каких-то бункерах.

— Это как раз очевидно. Вопрос только: понимаете ли вы, в каких именно.

Он покачал головой, даже не пытаясь отвечать. Это ее позабавило.

— Подземный Город. Вам что-нибудь говорит это название?

— Говорит. В одном из них я жил лет двадцать.

— Ну да...— она закусила губу, задумавшись, как бы сказать по-другому.

— Я пошутил,— усмехнулся он, увидев ее замешательство.— Я навряд ли смогу сказать об этом месте что-то большее, чем название.

— И не странно.— Бондарчук встала со стула.— Эти бункеры и туннели построили во время Второй мировой. Легенды не врал. Немцы, вернее, тысячи пленных, выгрызли под Вроцлавом немало километров туннелей, создав гигантский секретный оборонительный комплекс. В него можно войти лишь через восемь хорошо скрытых шахт, к тому же лишь четыре из них находятся на территории Вроцлава — причем, я говорю обо всем городе, а не только о местах, контролируемых Господином Яном. Это должен был быть последний редут, неприступная крепость, в которой сливки Тысячелетнего Рейха могли бы переждать возможные сложности. Если хотите, я могу показать вам останки гауляйтера Ханке. Да, великий командир Фестунг Бреслау не сбежал на самолете, как говорит история, а спрятался здесь, в шестидесяти метрах под землей. И здесь же застрелился, когда услышал об окончательной капитуляции Германии.

— Хотите сказать, что все те рассказы о туннелях, по которым могли ездить поезда, это правда?

— Я бы не назвала нашу линию настоящим метро... Но вы и сами скоро убедитесь, что туннели к Лешнице и Собутке — не выдумка любителей конспирологии.

— Серьезно?

— Совершенно.

— И как вы их нашли? — искренне заинтересовался Учитель.

— Помните паводок тысячелетия в девяносто седьмом?

— Да.

— Тогда вы наверняка слышали о некоем таинственном немце, который обратился в городскую управу с предложением открыть способ быстрого осушения затопленных территорий?

— Что-то такое я слышал.

— Такой человек и правда к нам пришел, но никуда не исчезал, как рассказывает об этом городская легенда. По крайней мере, не с нашей точки зрения.

— Вы его сцапали?

Она кивнула.

— Он показал нам один вход. Этого хватило. В девяносто восьмом мы начали исследование Бездны. Так называли это адское место. С две тысячи первого мы модернизировали эти бункеры, чтобы создать самодостаточный, могущий пережить ядерную атаку комплекс, в котором люди могли бы жить много лет. Мы всадили в этот проект много миллиардов евро.

— Кто-то вас спонсировал? — спросил неуверенно Учитель.

— Никто. Мы все скинулись: вы, я и остальное общество, — ответила Бондарчук. — Это не было приватное предприятие. Мы получали средства непосредственно из бюджета государства. Достаточно было уверить горстку людей, имеющих реальное влияние на экономику, что, когда придет время, внизу найдется место для их семей, — и деньги поплыли широким потоком. Теперь-то вы знаете, почему наши автострады оказывались самыми дорогими в мире.

Помнящий засмеялся, словно услышав хорошую шутку, но, увидев лицо женщины, посерьезнел.

— Ничего себе.

— Время решаться, господин поручик, — сказала Бондарчук и красноречиво взглянула на часы. — Вы с нами или против нас?

Он решительно взглянул женщине прямо в глаза.

— Я в деле.

ЭПИЛОГ

Тесла широко улыбнулся при виде приведенных к нему троих людей. Высокий жилистый мужчина под тридцать, симпатичная женщина, на голову ниже своего партнера, и маленькая девочка, ребенок даже по нынешним постыжерным стандартам. Наверняка семья.

— Приветствую вас в Мясте,— провозгласил профессор, широко раскидывая руки.— У нас вам нечего бояться.

— Что это за место? — спросила женщина, прижимая дочку к себе.

— Это? — Тесла указал на округлые стены, на которые пришельцы глядели с некоторой оторопью. В жизни своей они не видели столько свободного пространства.— Старый бункер. Еще немецкий. Мы его обустроили под свои цели.

— Тут, в Мясте, все так выглядит? — отозвался мужчина. У него был странный прононс.

— Боюсь, что нет, однако у нас наверняка лучше, чем там, откуда вы прибыли,— ответил ученый, поглядывая на их лохмотья.— Пойдемте,— он пригласил их жестом.— Поедим, поговорим. Наш доктор вами займется.

— Доктор? — испугалась девочка. Должно быть, в прошлом она немало болела.

— Да, у нас тут есть настоящий доктор. Такой, довоенный. Он должен вас осмотреть, прежде чем вы попадете в один из наших анклавов и станете гражданами Мяста.

Тесла заметил, что они обменялись понимающими взглядами и стали чуть менее напряженными. Слова о еде и обещание убежища воздействовали на людей, как лучший из наркотиков.

Знахарь ждал их в другом кругу.

В ослепительно белом халате, он, как и его приятель-ученый, вежливо улыбался пришельцам. Указал им в правый проход, за которым находилось небольшое помещение с несколькими лежаками и столом. Вокруг последнего стояло четыре расшатанных стула.

— Угощайтесь,— пригласил он беженцев, хотя мог и не делать. При виде миски крысиных тушек семья отпустила все тормоза.

— Вы откуда? — заговорил Тесла, когда вся троица набила рот дармовым мясом.

— Из Пильчиц,— невнятно ответил мужчина, быстро жуя.

— Неблизкий свет...— кивнул Знахарь.— И как оно там?

— Страшно,— ответила женщина, вгрызаясь в тушку, словно опасаясь, что более длинный ответ лишит ее возможности наесться.

— Страшно,— повторил Тесла.

— Люди голодают,— мужчина оказался смелее, но говорил с набитым ртом, не переставая жевать.— Слишком много мутантов на поверхности... Все разворовано... Некоторые начинают шептать... что выхода нет...

— Да, верно. Каннибализм — серьезная проблема,— кивнул профессор, поглядывая на Знахаря.— Не стой столбом, дай людям что-нибудь выпить.

Когда люди увидели чистые кружки и почувствовали травяной запах, глаза их засветились. Выпили все одним махом, даже девочка не стала крутить носом.

— И как зовут вашу доченьку? — спросил доктор, глядя девочку по спутанным волосам.

— Пока зовем Йонтка,— ответила мать.— Судьи еще...

— Ничего страшного,— перебил ее Знахарь.— Время немного меня подгоняет, знаете ли, я ведь занимаюсь и ближайшим

анклавом. Позвольте я осмотрю вашего ребенка? Здесь у нас есть амбулатория.

Тесла заметил в глазах у родителей беспокойство.

— Это обычное обследование,— пояснил он быстро.— Без него мне снова придется отправить вас на границу. Приказ властей, сами понимаете,— добавил ученый так ласково, как только сумел.

Отец замер, мать побледнела, но потом оба они кивнули. Знахарь вытащил из кармана халата куклу. Потертую и линялую, наскоро сшитую, но все еще цветную и мягкую.

— Пойдет, Йонтка. Если будешь вежливой, дам тебе моего лучшего друга.

Женщина не спускала с девочки глаз, пока та не исчезла в коридоре.

— Хорошие вы люди... — сказала она, пытаясь улыбнуться.

Получилось у нее не слишком хорошо: усыпляющее средство уже начинало действовать. Ее муж получил большую дозу, а потому глаза его начали закрываться, прежде чем он успел прожевать очередной кусок.

* * *

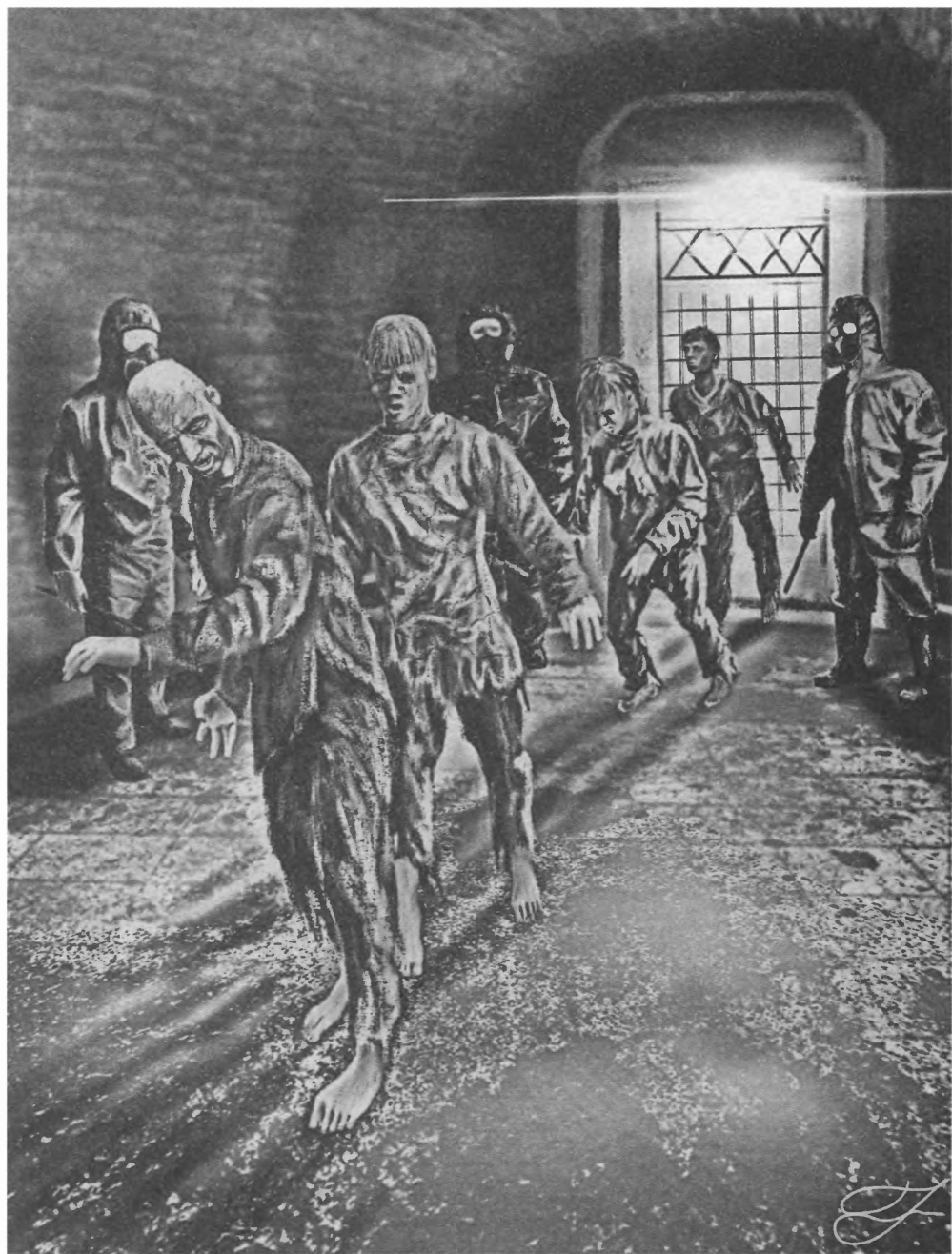
Тесла появился в амбулатории прежде, чем Знахарь закончил вторую операцию. Женщина уже лежала на носилках, связанная ремнями. На ее выжженных глазах была толстая повязка, а операция на голосовых связках обошлась без внешних следов. Доктор склонился над интубированным мужчиной, потому только глянул на приятеля, когда тот присел на стул рядом с лежанкой, где лежало тело отравленной девочки.

— Долго еще? — спросил профессор, поигрывая прядью детских волос.— Они скоро будут здесь.

— Уже заканчиваю,— ответил Знахарь.— Знаешь, я предпочел бы, чтобы мне в такие моменты не мешали.

— Беспокоюсь я из-за того мужика,— медленно проговорил Тесла.

— Какого? — доктор снова сосредоточился на пациенте.

— Того поручика. Я сказал Катажине, что это ошибка, но она не захотела меня слушать.

— Думаешь, он представляет собой угрозу? — Знахарь чуть шевельнул инструментами, вставленными во введенную в рот трубку.

— А ты не помнишь, как он ловил нас на слове? Достаточно было единственной оговорки — и начинал вынюхивать. Если начнет что-то подозревать, быстро возьмет ее в оборот.

— Это не наша забота,— заявил Знахарь, делая очередные надрезы.

— Может быть, может быть...

— Как обычно, ты преувеличиваешь.— Доктор умелым движением извлек инструменты.— Ну, готово,— усыпленный, лишенный зрения и возможности говорить пациент был готов к транспортировке.— Что с ним сделаешь? — поинтересовался Знахарь, кивнув на мужчину.

— Я еще не решил,— ответил задумчиво Тесла.

— Я бы оставил его у нас. Кажется сильным. Будет из него толк на динамо или на помпах.

— Поглядим...

Из холла донеслась трель звонка.

— Приехали,— ученый глянул на часы.— Как всегда пунктуальны. Пойдем, нужно передать посылку.

Они оставили лежащих без сознания, обездвиженных пациентов и пошли в холл. В дверях лифта стояли трое мужчин в серых противорадиационных комбинезонах. Стояли не в стальной кабине, а в собранной из прутьев клетке.

Минутой позже охранники выпустили живую силу, как профессор называл рабов. Те проходили мимо него цепочкой, слепые и немые. Тесла и Знахарь низводили людей до уровня безголосых животных, из важнейших чувств оставляя им лишь слух, чтобы те могли выполнять приказы. Взамен они получали все, что им было необходимо для безбедной жизни. Удобная система. Главное, чтобы она не сбоила.

Поскольку это наша первая встреча, позвольте мне представиться. Мое имя Роберт Ежи Шмидт. Я поляк, в венах которого течет примесь крови французской, австрийской и... русской, но это совсем другая история. Меня считают одним из отцов польской постапокалиптики, то есть, кем-то вроде Дмитрия Глуховского — в России. Раньше я был многолетним редактором журнала «Science Fiction» (позже переименованного в «Science Fiction, Fantasy i Horror»), на страницах которого за десять лет дебютировали больше сотни авторов молодого поколения, в том числе и самые известные польские писатели последних лет. Я перевел для польских изданий более шестидесяти книг, в том числе и такой известнейший бестселлер, как «Инферно» Дэна Брауна. Я пил виски в Лос-Анджелесе с Джеком Николсоном, был знаком с Квентином Тарантино еще до того, как тот снял «Криминальное чтиво», бывал на вечеринке на вилле «Плейбой» с Чарли Шином. Я посетил более пятидесяти стран на пяти континентах. Я проехал Соединенные Штаты насквозь, от побережья до побережья. Плавал в океане с акулами, странствовал через буш вместе со львами. Я настолько горячий фанат

Джереми Кларксона, что некоторое время мы ездили с ним на одинаковых машинах. Я стараюсь жить полной жизнью — и поспевать за реальностью, которая вот-вот обгонит любимую нами литературную выдумку. Однако более всего я люблю фантастику, а особенно постапокалиптику.

Вирусом фантастики я заразился много лет назад, еще молодым человеком, а как говорит старая польская пословица: «Чем скорлупа смолоду пропитается, тем в старости и пахнет». В моем случае это действительно так. Хотя делал я в своей жизни множество вещей — работал почти десять лет в киноиндустрии, потом некоторое время занимался компьютерными играми — больше всего радости мне доставляло общение с фантастикой. Наилучшей, той, которая создала меня как читателя, а потом и как автора, — а это в том числе и ваши Мастера: Аркадий и Борис Стругацкие, Кир Булычев, Михаил Булгаков, Дмитрий Биленкин, Сергей Снегов. Я воспитывался на их лучших книгах, читая порой с бóльшим интересом, чем современных английских писателей, поскольку россияне были мне ближе духовно и культурно. Именно потому я всегда старался представлять польским читателям авторов с Востока — как в журнале, который я издавал, так и в позднейшей серии книг, которые я готовил для издательства «Almaz».

Однако фантастика — это слишком широкое понятие. В ней, по определению, содержатся разнообразные направления — фэнтези, космоопера и даже жанр паранормального. Но меня с самого начала наиболее увлекали книги, фильмы, а потом и игры из направления, называемого постапокалиптикой. Я рос в шестидесятые годы XX века в разрушенном Второй мировой Вроцлаве и ребенком выслушал немало уроков по гражданской обороне, на которых нас учили, как вести себя во время ядерного взрыва. Призрак атомной войны буквально преследовал меня. Я читал и смотрел почти все про гибель человечества и мира. Позже в своих книгах я неоднократно затрагивал эту проблематику. Позвольте мне сказать о самых важных из моих постапокалиптических произведений.

В «Апокалипсисе Господина Яна», который вышел почти пятнадцать лет тому — а когда вы читаете эти строки, на полках книжных появится специальное, четвертое уже издание, — я рассказываю о судьбах моей страны после тотальной ядерной войны. Главным героем книги стал отчаянный человек, тот самый Господин Ян, который пытается поднять страну из руин, начиная с прихода к власти в одном из крупных городов. Это персонаж, которого невозможно полюбить, он вызывает антипатию и даже отвращение, но любой внимательный читатель, наблюдая за очередными делами Бургомистра, начинает понимать, что в такой трагический момент истории и речи не может идти о сантиментах, что только некто по-настоящему лишенный угрызений совести сумеет сберечь уцелевших от еще худшей судьбы... и может, ему придется стать палачом.

Второе название, о котором я должен вспомнить, это «Одиночество Ангела Смерти». Это роман дороги, насквозь — для разнообразия — американский. Он раскрывает судьбу солдата, который выполнил приказ и запустил ракеты с ядерными боеголовками, а потом, через несколько лет, должен покинуть бункер, чтобы добраться через стерилизованный излучением континент к единственному месту, гарантирующему ему выживание. Путешествие это — а я прежде провел его лично, и потому каждое место, описанное в книге, существует на самом деле (что можно проверить и сегодня с помощью Google Maps, не вставая с кресла) — изменит его сильнее, чем он мог предполагать, а то, что он откроет по дороге и после того, как достигнет цели... Что ж, это я вам не расскажу, поскольку — вдруг однажды придется прочесть об этом самим.

Третье название, о котором мне стоит вспомнить, это «Крысы Вроцлава», где я, для разнообразия, смешиваю выдумку с исторической правдой. Действие этого романа я перенес в 1963 год. В моем родном Вроцлаве вспыхнула эпидемия черной оспы, которая теперь превратилась в городскую легенду. Я знаю о тех происшествиях из первых рук, поскольку мой отец, доктор Богумил Арендзиковский, был тем, кто первым диагностировал черную оспу, и одним из нескольких докторов, кто боролся с ней до

самого конца. В этой моей версии событий черная оспа — лишь прелюдия, первый акт куда более опасной пандемии — зомби-апокалипсиса. Я хотел показать модную нынче тему с совершенно иной перспективы. Зомби, которых я создал, это не покорные «ходячие», и их невозможно победить простым перочинным ножиком. Ведь нельзя убить то, что уже мертво... А шестидесятые годы прошлого века отличаются от известной нам реальности примерно так, как ваша повседневная жизнь — от существования Артема в туннелях московского метро.

И если уж речь зашла о «Метро 2033», то я должен бы вспомнить, как началось мое приключение, связанное со Вселенной, который так вам нравится. Может, вас это удивит, но впервые с Хантером и Артемом я встретился... в компьютерной игре. Да, это истинная правда: прежде чем я взялся за книгу, меня увлекла картина постапокалиптической Москвы, представленная в одной из лучших «стрелялок», которые прошли через мои руки, — и я знаю, о чем говорю, поскольку играл я немало, порой даже с неплохими результатами, а несколько раз мне удалось войти в десятку игроков мира («Bioshock2», «Dead Nation»). Игра увлекла меня до такой степени, что я решил взяться за литературный первоисточник — и так вот добрался до книг Дмитрия Глуховского, которые примерно в то же время вышли и в Польше.

И я долго не раздумывал, когда издательство «Insignis» обратилось ко мне с вопросом, не желаю ли я написать очередную книгу во «Вселенную Метро 2033». Хотя среди коллег по перу раздавались голоса удивления, лично я нисколько не сомневался. И скажу вам, почему. Написать книгу в придуманном кем-то мире — полезно для любого автора. Если вы взглянете внимательней, увидите, что множество известных американских писателей делали это с прекрасным результатом. Романы Грега Бира из цикла «Halo» — прекрасная НФ, выходящая далеко за рамки созданного в игре мира; Джефф Вандермеер без раздумий участвовал в цикле «Хищник», а Майк Резник описывал приключения Лары Крофт — и это лишь несколько примеров.

Дмитрию удалось кое-что, что на самом деле случается редко, особенно в Европе. Вокруг его книг возник огромный мир. Нечто похожее — несколько меньшего, естественно, масштаба — на Вселенную «Звездных Войн». Потому трудно было устоять и не пожелать сделаться частью этого проекта, особенно учитывая, что это мой любимый постапокалипсис — да еще и предельно славянский.

Я надеюсь, что вам понравилось мое видение хорошо известного вам мира, показанного с совершенно иной перспективы. В нем мало туннелей метро, но разве не так и должно быть? Мир гарантирует немалое разнообразие. Найдется в нем место для городов более или менее разрушенных, для совершенно других людей и для войн, которые они ведут. Это богатство — наиболее, если можно так выразиться, притягательно во всей серии.

Я надеюсь, что «Бездна» соответствовала вашим ожиданиям и что вам интересны приключения Учителя и Искры — те, что у них еще впереди.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ПРИМАНКА.....	11
Глава 2. АНКЛАВ.....	22
Глава 3. НЕМОЙ	37
Глава 4. СУД.....	43
Глава 5. СОН	52
Глава 6. КУЗНЕЦ.....	57
Глава 7. РАЗГОВОР	63
Глава 8. ПРЕДЛОЖЕНИЕ.....	75
Глава 9. ИСХОД	83
Глава 10. УКРЫТИЕ.....	88
Глава 11. КАНАЛЫ.....	96
Глава 12. СОБОР	103
Глава 13. СЛЕПАЯ ВЕТКА	109
Глава 14. НЕОНКИ.....	115
Глава 15. ГОЛОСА.....	121
Глава 16. ПОГОНЯ	133
Глава 17. СХВАТКА	145
Глава 18. ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	150
Глава 19. ИЗБАВИТЕЛЬ	156
Глава 20. ЛАЗ.....	162
Глава 21. ИСКРА	170
Глава 22. НОВЫЙ ВАТИКАН.....	181
Глава 23. СКВЕР.....	186
Глава 24. ФАРТОВЫЙ	196

Глава 25. СТУПАЧИ.....	203
Глава 26. ПОВТОРНАЯ ВСТРЕЧА	212
Глава 27. ЧЕРВЯЧОК.....	217
Глава 28. МОСТ	228
Глава 29. КОРАБЛЬ	234
Глава 30. В УКРЫТИИ.....	241
Глава 31. ПРОХОД	247
Глава 32. МАГИСТРАЛЬНЫЙ КАНАЛ.....	256
Глава 33. ПЕРЕПРАВА	264
Глава 34. АРЕНА	269
Глава 35. ЭСКОРТ.....	283
Глава 36. БУНКЕР.....	292
Глава 37. СООБЩЕНИЕ.....	302
Глава 38. ВОЛНЕНИЕ.....	312
Глава 39. ЧИСТЫЕ.....	316
Глава 40. АТАКА.....	321
Глава 41. ДОГОВОР	328
ЭПИЛОГ	338

Литературно-художественное издание

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

Роберт Шмидт

МЕТРО 2033: БЕЗДНА

Фантастический роман

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»

Зав. группой *М. Сергеева*
Руководитель направления *В. Чекунов*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *Л. Паниной*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: zhanry@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: zhanry@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 29.03.2016. Формат 70х90^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,67.
Тираж 70 000 (1-й завод 1—5000 экз.) экз. Заказ № 573.

Отпечатано в ООО «Тульская типография».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-17-097288-3

9 785170 972883 >

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН. ГЛОТОК ВОЗДУХА.
ЛУЧ НАДЕЖДЫ.

МЕТРО 2033
ЛУЧ НАДЕЖДЫ

A black and white movie poster for the Russian film 'Metro 2033: The Last Hope'. The image depicts a lone survivor in a dark, post-apocalyptic subway tunnel. The character is seen from behind, wearing a tactical vest and a headlamp that illuminates the path ahead. The tunnel walls are heavily damaged, with large sections missing, revealing a bright, hazy light at the far end, symbolizing hope. Debris and rubble are scattered on the ground. The title 'МЕТРО 2033' is prominently displayed in the center, with 'ЛУЧ НАДЕЖДЫ' (The Last Hope) written below it.

ЛАБОРАТОРИЯ
АнтиКвест

СТАНЬ ГЕРОЕМ

В РЕАЛЬНОСТИ

M2033.RU

г. Москва, ул. Чайнова, 12

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая громкая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра. Этот роман вдохновил целую плеяду новых писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитой саги. Приключения героев на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, выходят за пределы Московского метро. Теперь сражения за будущее человечества будут вестись повсюду!

«Знаете ли вы, что в Польше популярность «Вселенной Метро 2033» ничуть не уступает российской? Тысячи читателей ждут выхода новой книги нашей серии раз в три месяца. И лучшие польские фантасты присоединяются к проекту, чтобы рассказать нам о том, как живется полякам после ядерной войны, в не таком уж далеком две тысячи тридцать третьем. Но роман Роберта Шмидта, известного как Разрушитель Миров, — настоящая жемчужина нашей коллекции. Добро пожаловать в бездну насилия, предательства и опасностей, в бездну, кишасшую чудовищами в человеческом обличье. Добро пожаловать в «Бездну»!»

Дмитрий Глуховский

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ЗА МКАДОМ?..

Вроцлав, 2033

Купеческая республика	Новый Ватикан	Радиационная угроза
Панероцлав	Подземный Город	Биологическая угроза
Полосы (Лига)	Лектерцы	Маршрут Учителя

FUTURE CORP.

LIVEJOURNAL

ISBN 978-5-17-097288-3

9 785170 972883

WWW.AST.RU

